

Министерство образования
и науки Российской Федерации

ФГБОУ ВПО «Сыктывкарский
государственный университет»

**ЧЕЛОВЕК
КУЛЬТУРА
ОБРАЗОВАНИЕ**

Научно-образовательный
и методический журнал

№ 4 (14) / 2014

Сыктывкар
Издательство СыктГУ
2014

Научно-образовательный и методический рецензируемый журнал

Издатель — Сыктывкарский государственный университет

Учредитель — Сыктывкарский государственный университет

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ

№ ТУ11-0174 от 30.10.2012 г.

Журнал зарегистрирован в РИНЦ

(регистрационный номер 261-06 от 02.07.2012 г.)

Выходит с 2011 г.

Редакционный совет журнала:

Гончаров С. А. — доктор филологических наук, профессор (г. Санкт-Петербург),
председатель;

Мосолова Л. М. — доктор искусствоведения, профессор (г. Санкт-Петербург),
зам. председателя;

Истиховская М. Д. — ректор Сыктывкарского государственного университета (Сыктывкар);

Балсевичуте В. (Virginija Balseviciute) — доктор гуманитарных наук, профессор (Вильнюс);

Бразговская Е. Е. — доктор филологических наук, профессор (Пермь);

Васильев П. В. — кандидат педагогических наук, доцент (г. Сыктывкар);

Гурленова Л. В. — доктор филологических наук, профессор (г. Сыктывкар);

Золотарев О. В. — доктор исторических наук, профессор (г. Сыктывкар);

Йокела Тимо — декан факультета искусств и дизайна Университета Лапландии, директор Института северной культуры университетского консорциума Лапландии (Финляндия);

Коутс Глен — профессор Института северной культуры; доцент Лапландского университета (Рованиemi, Финляндия);

Мелехов М. В. — доктор филологических наук, профессор (г. Сыктывкар);

Муравьев В. В. — доктор философских наук, профессор (г. Сыктывкар);

Пинаевский Д. И. — кандидат исторических наук, доцент, профессор (г. Сыктывкар);

Сулимов В. В. — доктор культурологии, профессор (г. Сыктывкар);

Сурво Арно — доктор философии, профессор университета Хельсинки;

Сурво Вера — доктор философии, профессор университета Хельсинки;

Тульчинский Г. Л. — доктор философских наук, профессор (Санкт-Петербург);

Фадеева И. Е. — доктор культурологии, профессор (г. Сыктывкар);

Шабаев Ю. П. — доктор исторических наук, профессор (г. Сыктывкар).

Редакция журнала:

О. В. Золотарев, М. В. Мелехов, В. В. Муравьев, В. А. Сулимов, И. Е. Фадеева

Ответственный редактор — И. Е. Фадеева

© ФГБОУ ВПО «Сыктывкарский
государственный университет», 2014

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ PHILOSOPHY

Труфанов С. Н. Основоположения науки эстетики: эстетическое, прекрасное, идеал Trufanov S. N. The key concepts of aesthetics: aesthetic, beautiful, ideal.....	5
Безгодов Д. Н. Аксиологический радикализм П. А. Сорокина в контексте университетской организационной культуры Bezgodov D. N. Axiological radicalism of P.A. Sorokin in the context of University of organizational culture.....	41

КУЛЬТУРОЛОГИЯ CULTUROLOGY

Ломоносова М. В. Прошлое без настоящего социологической публицистики в России: от революционной публицистики П. А. Сорокина XX века к публичной социологии XXI века Lomonosova M. V. The past without present in the sociological publicism in Russia: from revolutionary publicism of Pitirim Sorokin of XX century to the public sociology of the XXI century.....	51
Сулимов В. А. Социальная антропология познающего субъекта Sulimov V. A. Social Anthropology of the knowing subject.....	71
Фадеева И. Е. Антропология современности: экзистенциальная рефлексия и социальный вакуум Fadeeva I. E. Anthropology of modernity: the existential reflection and social vacuum.....	83

ИСТОРИЯ HISTORY

Бурлыкина М. И. Становление музейного дела в Московском университете Burlykina M. I. Formation of Museum Affairs at Moscow University...	95
Миронова Н. П. Этнические стереотипы в молодежной среде: содержание и функционирование Mironova N. P. Ethnic stereotypes in the youth sphere: contents and functioning.....	113
Гагиева А.К. Влияние модернизации на социальные процессы на территории Коми края в XVIII — начале XIX вв. Gagieva A.K. The impact of the modernization of social processes at the territories of the Komi Region in XVIII — at the beginning of XIX centuries.....	129

ФИЛОЛОГИЯ

PHILOLOGY

Лысов А. А. Фетовская традиция в стихотворении Н. А. Клюева «О ели, родимые ели...»	
Lysov A. A. Fet's Tradition in N.A. Kluev's Poem «Oh Spruces, Native Spruces...».....	137
Тираспольский Г. И. Визуализация языка как лингвистическая фикция	
Tiraspol'skij G. I. The language visualisation as a linguistic fiction...	146

ПЕДАГОГИКА ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

PEDAGOGICS OF HIGH SCHOOL

Коробко К. И. Юридическая клиника как метод преподавания гражданского права в высшем учебном заведении	
Korobko K. I. Legal Clinic as a method of teaching civil rights in higher education.....	155
Мигунова С. С. Формирование умений постановки учебной проблемы у студентов-филологов	
Migunova S. S. Formation of skills of statement of educational problems of students philologists.....	164

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

ART CRITICISM

Кузюрина Е. М. Политическая эстетика в Польше (1948–1957 годы): историографический аспект	
Kuziurina E. M. Political aesthetics in Poland (1948–1957):historiographic aspect.....	178
Макарова И. В. Выразительные возможности материалов и изделий декоративно-прикладного искусства народа коми	
Makarova I. V. Expressive possibilities of materials and wares decorative arts of komi.....	196

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

JURISPRUDENCE

Береговая Е. В. Мировая юстиция России в конституционно-правовых нормах	
Beregovaya E.V. Magistrates' courts in the Russian constitutional and legal norms.....	212
Авторы выпуска.....	220
Сведения для авторов.....	222

ФИЛОСОФИЯ

С. Н. Труфанов

Основоположения науки эстетики: эстетическое, прекрасное, идеал

УДК 111.85

В статье предлагается авторский вариант построения понятийного остова науки эстетики. В его основу положены идеи отцов-основателей этой науки: Александра Баумгартена, Иммануила Канта, Вильгельма Гегеля.

Ключевые слова: *А. Баумгартен, эстетическое, прекрасное, художественное, возвышенное, идеал, вкус, дизайн.*

*Trufanov S. N. The key concepts of aesthetics: aesthetic, beautiful, ideal
The paper is the author's attempt to design the basic concepts of aesthetics based on the principles worked out by pioneers of this science (Alexander Baumgarten, Immanuel Kant as well as Georg Wilhelm Friedrich Hegel).*

Key words: *Alexander Baumgarten, aesthetic, beautiful, fictive, elevated, ideal, taste, design.*

Одно дело — ход возникновения и подготовительные работы какой-либо науки, и совсем другое — сама эта наука.

Г. В. Ф. Гегель

Чтобы некая совокупность знаний могла рассматриваться как самостоятельная состоявшаяся наука, она должна иметь следующие данные:

1. Свой собственный предмет исследования — ту часть мира, которую она изучает.

2. Круг разработанных ею понятий, с помощью которых она переносит исследуемую ею часть мира в сферу мышления людей.

3. Системное единство этих понятий, благодаря которому данная совокупность знаний приобретает свой внутренний концептуальный остов и становится собственно наукой.

Из трёх названных компонентов у эстетики в настоящее время имеются только два:

а) свой предмет исследования, которым является, с одной стороны, обширная сфера произведений искусства, с другой — способность человека чувственно постигать духовные смыслы этих произведений;

б) круг её собственных понятий, посредством которых она делает этот предмет достоянием мышления людей. В него входят: эстетическое, прекрасное, идеал, возвышенное, вкус и другие понятия.

Что касается третьего компонента — системного единства этих понятий, то его эстетике в настоящее время недостаёт. А без него она не может претендовать на статус полноценной сформировавшейся науки.

Чтобы убедиться в сказанном, достаточно обратиться к существующим учебным пособиям по эстетике. Сравнивая их содержание, мы без труда обнаружим, что каждое такое пособие представляет собой некий обособленный массив знаний, выстроенных в произвольном порядке. Их авторы сами определяют для себя, сколько и каких разделов должно быть в их пособии, какие понятия и в какой последовательности должны в них рассматриваться. Руководствуются они при этом отчасти традицией, отчасти интуицией, отчасти своим мнением (мнение — это то, что принадлежит *мне*).

До тех пор пока системообразующие понятия какой-либо науки будут оставаться в разрозненном состоянии, она не может быть признана состоявшейся наукой. Художники в таких случаях говорят: набросать пятна на полотно несложно, но как сделать так, чтобы эти пятна соединились и полотно стало картиной? Аналогичная проблема стоит сегодня и перед многими науками, включая эстетику. Свести все принадлежащие ей понятия в одну книгу не составляет труда. Но

как сделать так, чтобы эти понятия сплелись между собой и сделали эстетику наукой?

В данной статье автор предлагает свой вариант построения понятийного остова эстетики. В его основу положены идеи отцов-основателей этой науки: Александра Баумгартена, Иммануила Канта, Вильгельма Гегеля.

Возможность научного познания сферы искусства

На фоне того факта, что эстетика уже давно преподаётся во многих странах мира, сама постановка вопроса о возможности научного познания сферы искусства может показаться излишней. Но здесь надо принять во внимание два обстоятельства. Первое — это сохраняющаяся с конца XVIII века точка зрения, согласно которой научное познание произведений искусства невозможно в принципе. Второе, о чём мы уже сказали выше, — это отсутствие у современных курсов эстетики своего внутреннего понятийного каркаса, что можно рассматривать как прямое подтверждение данной точки зрения. В силу этих обстоятельств поставленный вопрос и сегодня продолжает быть актуальным.

Возможность научного познания сферы искусства вытекает из того, что все художественные произведения, в том числе и те, которые уже утрачены человечеством, были созданы при непосредственном участии мышления человека. Хотя на первый взгляд может показаться, что художники создают произведения искусства, основываясь только на своём созерцании и воображении, на деле это далеко не так. И перед тем, как приступить к созданию своего произведения, и непосредственно в процессе творчества они вынуждены много думать и размышлять. Только так они могут извлечь духовный смысл своих творений и органически выразить его через их внешнюю форму.

На протяжении всей истории люди неустанно творили многообразный мир искусства. Но, проделав эту большую работу, создав великое множество художественных произведений, они начинают испытывать потребность в осознании пройденного ими пути. Такова природа нашего мышления: оно не только творит, но и, оглядываясь назад, стремится постичь свои творения. Лишь осмыслив всё то, что оно само создало, и сделав тем самым свою деятельность предметной

и понятной для самого себя, мышление полностью исчерпывает свой потенциал и обретает удовлетворение.

Отсюда, *из потребности нашего мышления в осознании проделанной им ранее работы*, в частности той, которая была воплощена им в художественных произведениях, вытекает возможность и необходимость научного познания сферы искусства. То, что создано при участии мышления, может и должно быть познано им.

Отличие эстетики от искусствоведения и «теории искусства»

Различие этих наук обусловлено существованием двух подходов к познанию сферы искусства: а) эмпирического и б) теоретического.

При *эмпирическом* подходе процесс познания начинается с исследования конкретных художественных произведений. Применяемый при этом метод аналогичен методам других частных наук. Сначала изучаются и описываются отдельные предметы искусства. Затем эти первичные данные подвергаются систематизации и каталогизации: художественные произведения распределяются по видам, родам, странам и эпохам. Своеобразие каждой такой группы закрепляется соответствующей дефиницией. В результате создаётся длинный ряд дефиниций, полученных индуктивным методом: от единичного — к общему, где единичным являются отдельные произведения искусства, а общим — образуемые ими особенные группы. Например: «Античное искусство», «Голландская живопись», «Советский конструктивизм» и т.п.

Эмпирический метод познания привёл к появлению науки *искусствоведения*. Учёный-искусствовед — это знаток какого-то ограниченного по виду, времени или стране круга художественных произведений, а также условий их создания и последующего существования.

Однако уже в рамках такого эмпирического подхода встают вопросы общего характера. Что такое искусство? По каким законам оно развивается? По каким критериям должно оцениваться? Необходимость ответа на эти вопросы побуждает учёных-искусствоведов переходить на теоретический уровень познания. Но делают они этот переход, продолжая оставаться внутри самой сферы произведений искусства.

Поскольку все художественные произведения имеют отношение, с одной стороны, к тем, кто их создает, — к художникам, а с другой стороны, к тем, кто их созерцает, — к зрителям, учёные-

искусствоведы развивают свою теорию в двух направлениях. В рамках первого — *художнического* — направления они исследуют сам процесс создания произведений искусства, на уровне второго — *зрительского* — изучают процесс их восприятия зрителем. При этом оба процесса подвергаются ими аналитическому разложению, в ходе чего из них выделяются различные частности: ступени, стороны, аспекты и т.д. Затем каждая такая частность исследуется по отдельности.

В результате создаётся разрозненный ряд небольших учений (теорий, разделов, тем), каждое из которых объясняет что-то своё, особенное. Например, в рамках исследования процесса *создания* художественных произведений теоретики искусства предлагают нам такой ряд *учений* (разделов, тем): «социология искусства», «психология искусства», «онтология искусства», «феноменология искусства», «принципы искусства», «художественное творчество», «художественное произведение», «художественный процесс» и т.д. А в рамках исследования процесса *восприятия* произведений искусства предлагают такие учения: «об эстетическом чувстве», «об эстетическом восприятии», «об эстетическом сознании», «о чувстве прекрасного», «о связи искусства и общества», «о воспитательной роли искусства», «об элитарном и массовом искусстве», «об общечеловеческом и личном в искусстве» и т.д. Число таких учений, а также их названия и последовательность расположения каждый автор определяет по-своему.

Постольку все эти учения имеют разрозненный фрагментарный характер, далее возникает необходимость сведения их в единую теорию. С этой целью учёные-искусствоведы ставят задачу создания некой общей *теории искусства*, которая, по их мнению, должна объединять эти учения в одно целое. Но именно этого-то им и не удаётся сделать. Несмотря на то что все эти учения вырастают из одного общего корня — сферы произведений искусства, они тем не менее не сплетаются между собой и не образуют единого свода. Наоборот, подобно веткам куста, они разбегаются друг от друга в разные стороны. В результате вместо целостной последовательно развивающейся теории возникает лишь механический агрегат разрозненных учений (теорий, разделов, тем), собранных в одной книге. Если подобные конструкции следует называть *теорией искусства*, то только с добавлением слов *кустового вида*.

Причина такой неудачи заключается в неправильном методологическом подходе. Эмпирический метод хорош на начальной стадии изучения предмета, когда мы исследуем его изнутри. Но когда встаёт вопрос о познании всего предмета целиком, данный метод уже не годится. Чтобы познать предмет как единый феномен, необходимо выйти за его пределы и обратиться к той «вышестоящей» предметной области, которой он принадлежит. Исследуя эту область, мы сможем определить, какую функцию выполняет в ней интересующий нас предмет и почему он так устроен.

Рассмотрим пример. Когда естествоиспытатели приступили к изучению растительного мира нашей планеты, они сначала чисто эмпирически исследовали отдельные виды растений: описывали их, сводили полученные данные в таблицы и т.д. Но когда в начале XX века встал вопрос, что такое мир растений, рассматриваемый в целом, ответ на него был получен только благодаря появлению учения о биосфере. Это учение позволило определить биосферную функцию царства растений, а также всех других живых организмов планеты и понять, почему они так устроены.

Подобным же образом мы должны подходить и к познанию интересующей нас здесь сферы произведений искусства. Но, в отличие от растений, которые принадлежат природе, произведения искусства созданы человеком. Поэтому искать их основание мы должны в самом человеке. Для этого требуется: а) выйти за пределы сферы искусства и б) обратиться к учению о духе человека. Это действие и будет означать переход от эмпирического метода познания к теоретическому. Исторически данный переход состоялся во второй половине XVIII — начале XIX вв. благодаря работам А. Баумгартена, И. Канта, В. Гегеля и других. Он привёл к становлению науки *эстетики* как таковой.

В отличие от искусствоведения эстетика начинает процесс познания сферы искусства, выходя за её пределы. Основываясь на учении о духе человека, она:

- 1) определяет то место, которое данная сфера занимает в системе духовной деятельности людей;
- 2) выводит свои основополагающие понятия, посредством которых раскрывает присущую людям способность чувственного постижения духовных смыслов произведений искусства: эстетическое, пре-

красное, художественное, идеал и другие (их называют также *категориями эстетики*);

3) выстраивает эти понятия в порядке логической преемственности их смысла, благодаря чему создаёт свой внутренний понятийный остов и становится собственно наукой.

Далее, опираясь на эту теоретическую основу, она рассматривает: а) исторические *формы искусства* и б) *особенные виды произведений искусства*: архитектуру, скульптуру, живопись, музыку, поэзию, театр. В итоге эстетика возвращается к конкретным художественным произведениям, но уже с пониманием их особенности в контексте постигнутого ею всеобщего понятия искусства.

Такой подход, при котором основоположения одной науки выводятся из другой, а её системообразующие понятия выстраиваются в порядке логической преемственности их смысла, является философским¹. Поэтому эстетика имеет ещё одно полноправное название — «Философия искусства».

Место искусства в системе духовной деятельности человека

Становление духа человека происходит в процессе его взаимодействия с окружающим миром. Данное взаимодействие содержит в своём интенсивном развитии три ступени, согласно которым в каждом человеке существуют следующие формообразования его духа:

1. Непосредственная чувственная слитность человека с внешним миром даёт ему наличие *души*.

2. Отношение его противоположности к внешнему миру даёт наличие *сознания* — Я.

3. Содержательное взаимодействие человека с окружающим миром проявляется, собственно, как его *дух*, выступающий в двух формах:

а) теоретической деятельности — как *интеллект*;

б) практической деятельности — как *воля*.

¹ С учётом царящей ныне сумятицы в философии мы должны уточнить, что речь в данном случае идёт о методе *классической рационалистической философии*, которую разрабатывали Хр. Вольф, И. Кант, И. Г. Фихте, Ф. В. Й. Шеллинг, Г. В. Ф. Гегель.

Каждое из этих формообразований играет свою особенную роль в системе деятельности нашего духа. *Душа* отвечает за наше чувство самого себя. *Сознание* (Я) наполняет себя знаниями и исходя из них руководит текущей деятельностью человека. *Интеллект* создаёт сами эти знания и перерабатывает их в различные планы и проекты по изменению окружающего мира. *Воля* определяет приоритеты человеческих влечений (планов) и претворяет их в жизнь.

Из всех перечисленных форм нас непосредственно интересует *интеллект*. Он производит знания о мире и разрабатывает на их основе различные планы и проекты по его преобразованию. Благодаря именно этой функции интеллекта на свет появляются все творения рук человеческих, включая произведения искусства. Соответственно, ключ к пониманию сферы искусства надо искать в системе деятельности нашего интеллекта.

Как уже было сказано, задача интеллекта состоит в следующем:

- а) производить знания об окружающем мире;
- б) сохранять их;
- в) преобразовывать их в различные планы и проекты по переустройству мира.

Интеллект и деятельность познания представляют собой одно и то же. Все интеллектуальные способности человека — внимание, воображение, ассоциации, память — не имеют никакого самостоятельного значения вне деятельности познания и представляют собой лишь её рабочие моменты. Сам процесс познания включает в себя три ступени:

- а) созерцание;
- б) представление;
- в) мышление.

На первой ступени — *созерцания* — субъект только ощущает интересующие его предметы: видит их, слышит, осязает, обоняет, пробует на вкус. В силу того что воспринимаемые им ощущения различные, ему приходится проявлять к ним своё *внимание*. Акт проявления внимания позволяет человеку удерживать эти ощущения не только в их различии, но и в их единстве (пучком). Благодаря этому в его сознании возникают *образы* созерцаемых им предметов.

Восприняв образ, наш интеллект перестаёт обращать внимание на сам предмет. Благодаря этому образ отделяется от предмета и пре-

вращается в представление. *Представление* — это внутренне усвоенное созерцание.

Однако, попав в сферу представления, образ предмета оказывается как бы в тупике. У каждого человека своя голова. Все те образы, которые находятся в ней, скрыты от окружающих. Чтобы сделать их достоянием других людей, требуется перенести их из головы субъекта во внешний мир. Решается эта задача посредством применения *символов* и *знаков*.

Когда для овнешнения своих внутренних представлений люди используют образы реально существующих предметов, они создают *символы*. Например, образ лисы выражает хитрость, быка — упорство, сороки — болтливость и т.д. При этом из предмета берутся только те свойства, которые соответствуют содержанию выражаемого через его образ представления. Остальные свойства не учитываются. Поэтому требуется ещё догадаться, в каком именно смысле используется тот или иной образ-символ.

Но далеко не все наши представления могут быть перенесены во внешний мир с помощью образов реально существующих предметов. Воображение человека в обилии создаёт такие представления, содержание которых в принципе не может быть выражено через них. Для овнешнения таких представлений людям приходится применять *знаки*. Знаки изготавливаются из какого-либо внешнего материала. При этом в форму знака вкладывается содержание представляемого нами образа. Например, для обозначения *воды* мы рисуем на бумаге или песке волнистые линии.

В зависимости от материала, из которого создаются знаки, и придаваемых им пространственно-временных параметров они подразделяются на две группы:

- а) собственно *знаки*;
- б) *знаки-слова*.

В качестве примеров существования *собственно знаков* можно указать великое множество предметов: звёздочки на погонах, кокарду, дорожные знаки, фирменный логотип, школьный звонок, обручальное кольцо, жесты рук, графики и линии кардиограмм и т.д. Общим для всех знаков является следующий момент: они обозначают собой нечто отличное от того, чем являются по своему материалу и

форме. Соответственно, чтобы пользоваться знаками, людям сначала приходится учиться понимать их значение. Для человека, который не знает смысла какого-либо знака, его просто не существует. Об этом же говорит и этимологическая цепочка слов: *знак — обозначение — значение — познание — знание — сознание* и т.д.

Наиболее универсальной формой знака является *слово*. Слова создаются из *воздуха*, которым мы дышим. Воздействуя на воздух с помощью гортани, языка и губ, мы производим *звуки*. Сочетание нескольких звуков становится *словом*. Слово, закреплённое за образом предмета, становится его *именем*. Сами слова не имеют имён, поскольку каждое — само имя. Имена присваиваются не только предметам целиком, но и их деталям, частям, сторонам, а также образуемым ими (предметами) системам.

Единство слова-имени и содержания обозначаемого им представления обеспечивает *память* человека. При упоминании имени память воспроизводит весь хранящийся в представлении материал, относящийся к обозначаемому им предмету. Благодаря памяти находящиеся в голове человека имена и образы сохраняют свою связь с реальными предметами. (Письменность — это уже знак знака, это графическое изображение звукового знака-слова.)

Практика применения знаков-слов, во-первых, позволила людям передавать свои представления друг другу, благодаря чему они научились разговаривать (овладели речью), а во-вторых, привела к развитию третьей ступени деятельности их интеллекта — *мышления*. Созерцания и представления имеют и животные. Мышлением же обладает только человек.

Мы, люди, мыслим посредством слов. Связывая слова между собой, мы создаём мысли. Слова составляют ткань мысли, а человеческий язык в целом является телом мышления. Никакого другого мышления — так называемого невербального, или бессловесного — не бывает. Есть ассоциации образов, но они возникают ещё на этапе представления. Только слова придают мыслям действительное существование, и мышление лишь в такой степени способно отражать содержание предметного мира, в какой оно пользуется словами.

Когда человек мыслит, он свободно распоряжается именами предметов и связывает их между собой в любом порядке. Однако ру-

ководствуется он при этом теми отношениями, которые существуют между самими реальными предметами. За счёт этого он, с одной стороны, наполняет выстраиваемые им цепочки слов смыслом и превращает их в собственно мысли, а с другой — постигает *понятия* интересующих его предметов.

Что такое *понятие*? Это то, что надо понять. Любой предмет представляет собой нечто *целое*. Как целое он состоит из *частей*, а части — из *элементов*. На языке логики целое называется *всеобщим*, части — *особенным*, а элементы — *единичным*. Соответственно, чтобы получить понятие какого-либо предмета, сначала надо выявить в нём все его реальные части и элементы, а затем мысленно связать их воедино так, чтобы получилось понимание целого. Но ещё раньше нам потребуется обнаружить сам предмет, найти его в окружающем мире и отделить от остальных. В силу этого процедура постижения понятия любого предмета содержит три ступени.

На первой ступени — *бытия* — мы только обнаруживаем сами предметы.

На второй ступени — *сущности* — изучаем их внутреннее строение и внешние связи.

На третьей ступени — *понятия* — формулируем их понятие как таковое.

Но на этом дело не заканчивается. Поскольку единичные предметы существуют не сами по себе, а входят в состав каких-либо более крупных систем, для получения их всестороннего понимания необходимо также приобрести знание об этих системах.

Постигнутое мышлением понятие — это конечный результат всего процесса познания. Но здесь, в конце пути, вновь возникает всё тот же вопрос: как сделать приобретённые человеком знания — образы и понятия предметов — достоянием других людей? Решается эта задача в соответствии всё с теми же тремя ступенями деятельности нашего интеллекта:

- созерцания;
- представления;
- мышления.

На ступени *созерцания* мы делаем свои знания доступными для других людей благодаря тому, что придаём им форму произведений

искусства. Художник создаёт из внешнего материала какое-либо чувственно воспринимаемое творение, в образ которого вкладывает своё понимание мира. Созерцая это творение, зритель чувственно постигает заложенный в нём художником духовный смысл.

На ступени *представления* наш интеллект делает свои знания общедоступными, придавая им форму *религиозной* картины мира. Конечно, те, кто писали Библию, думали о том, что они пишут и как они показывают мир. Однако разработанная ими картина мироздания предназначена не для мышления людей, а для их внутреннего образного представления. Читая Библию, мы представляем себе, как Господь сотворил Землю и что происходило на ней потом. Собственно, поэтому религиозные знания могут и должны восприниматься только на *веру*.

На третьей ступени — *мышления* — интеллект делает свои знания доступными, излагая их в виде *научных* произведений. В монографиях, статьях и учебных пособиях знания о мире передаются посредством логической связи понятий.

Таковы три формы, с помощью которых человек делает приобретённые им знания общедоступными: искусство, религия и наука. Все они являются производными от ступеней познавательной деятельности нашего интеллекта. Это значит, что искусство, религия и наука появились в жизни людей не потому, что их кто-то и когда-то придумал, а потому, что так устроен наш интеллект. Иначе говоря, они являются не изобретениями человеческого ума, а его раскрывшейся сущностью.

Из вышеизложенного вытекает ответ на интересующий нас вопрос: какое место *произведения искусства* занимают в системе духовной деятельности человека? Они *представляют собой одну из трёх форм передачи людьми своих знаний о мире*. Основывается эта форма на способности человека к чувственному постижению духовных смыслов воспринимаемых им предметов.

Именно наличие у людей такой способности позволило А. Баумгартену выделить эстетику в отдельную науку. Согласно его определению, эстетика — это «наука, которая направляет низшую познавательную способность человека», или «наука о чувственном познании чего-нибудь» [1, с. 453]. Речь в данном случае идёт не о начальной ступени описанного выше процесса познания окружающих нас

предметов¹, а именно о чувственном способе познания духовных смыслов непосредственно созерцаемых нами произведений. Эту способность «чувственного познания» А. Баумгартен рассматривал как «низший аналог» познавательной деятельности нашего мышления.

Способность чувственного познания духовных смыслов

Тело человека чувственно слито с окружающим миром. Все его органы чувств — глаза, уши, нос, рецепторы языка и кожи — функционируют на протяжении каждого дня и всей его жизни. Через них бескончаемым потоком в его душу вливаются образы всех воспринимаемых им предметов. Если наше сознание воспринимает образы только тех предметов, на которые мы обращаем своё внимание (внимание своего Я), то для нашей души важны все ощущения и образы вообще, которые *где-либо, когда-либо и как-либо* воспринимались нами. Сколько всего человек видел, слышал, осязал, обонял, вкушал, он никогда не знает. Но всё это поступает в глубины его души и сохраняется в ней.

Весь этот сонм скопившихся в душе ощущений и образов не лежит мёртвым грузом. Он постоянно чувственно переживается ею, по ходу чего у нас исподволь меняется настроение и возникают какие-то смутные ощущения, волнения, эмоции.

Однако главным качеством человека является его сознательное отношение к миру. Наше сознание (Я) производит знания и состоит из них. Показательна здесь сама этимология этого слова: *со-знание, con-sciences*. Каждое новое поколение людей начинает свою жизнь с того, что осваивает ранее накопленные человечеством знания. В процессе воспитания, образования и обучения в голове молодого человека формируется огромный массив знаний о внешнем мире и о самом себе. И на протяжении всей последующей жизни он продолжает активно познавать мир и наполнять себя новыми знаниями. У кого-то этих знаний больше, у кого-то меньше, но они с необходимостью есть у каждого.

¹ Подобное понимание эстетики как науки, исследующей первую ступень процесса познания, в основе которой лежат ощущения, было предложено только И. Кантом в его «Критике чистого разума». После Канта слово *эстетика* вновь стало использоваться в баумгартеновском значении.

Находящийся в голове человека огромный идеальный мир знаний имеет непреходящее значение для его жизни. Его сознательное Я живёт среди этих знаний и строит все свои планы и действия, исходя из них. Например, находясь сейчас в своей комнате, я знаю, что где-то в той стороне от меня расположен вокзал, в другой стороне — театр. На западном направлении находится Москва, Европа. На восточном — Урал, Сибирь. Над головой — Луна, звёзды и т.д. В этот момент я не вижу сами эти предметы, не созерцаю их, но все они присутствуют в моём сознании в идеальной форме. И если я задумаю, например, пойти на почту, то сначала вся картина моего предстоящего похода возникнет в моей голове в идеальной форме.

Для сознания самого человека (для его Я) все содержащиеся в нём знания предстают в трёх взаимосвязанных формах. В сфере его мышления знания имеют форму *понятий* предметов, в сфере представления — форму их *образов*, а в сфере чувственной жизни души — форму ощущений, волнений, эмоций. Ключевая роль при этом принадлежит находящимся в сфере нашего представления *образам* предметов. Они, с одной стороны, соприкасаются со ступенью рассудочной деятельности *мышления* и переходят в неё¹. С другой стороны, связаны с миром чувственной жизни *души* и погружаются в неё. В силу этого все представляемые нами образы имеют не только рациональный смысл, но и чувственную оболочку (окраску).

Вместе с тем помимо такого внутреннего идеального мира знаний человеку всегда дан и окружающий его мир внешних предметов. На протяжении всей своей жизни, за исключением периодов сна, мы постоянно воспринимаем находящиеся вне нас реальные предметы (явления, события). Круг таких предметов очень узок и переменчив. Он составляет ничтожно малую толику того огромного идеального мира, который находится в головах людей, но тем не менее он всегда дан и чувственно воспринимается нами в режиме текущего времени.

Созерцание человека подобно тонкой полоске света. Оно скользит по окружающим предметам и как бы попеременно высвечивает их. Например, находясь в своей комнате, я созерцаю те вещи, которые

¹ Начальная ступень деятельности мышления отталкивается от находящихся в сфере представления человека образов предметов. Анализируя эти образы, мышление выстраивает первичные (рассудочные) понятия познаваемых им предметов.

её наполняют. Если я перейду в прихожую, то перестану видеть эти вещи и начну созерцать вещи прихожей. Если выйду на улицу, то забуду про прихожую и стану воспринимать интерьеры улицы. Когда пойду по городу, то в моём сознании, как в ленте кино, будут сменяться образы непосредственно наблюдаемых мною предметов: домов, кварталов, перекрёстков, деревьев, машин и т.д.

Таким образом, весь мир присутствует в нашем сознании в идеальной форме¹, тогда как его реальность воспринимается человеком в каждый момент его жизни в очень малом объёме. При этом оба эти мира: а) уже содержащийся в голове человека огромный и устойчивый мир идеальных образов и понятий и б) непосредственно воспринимаемый им в режиме текущего времени узкий и сменяющийся круг реальных предметов — находятся в постоянном контакте друг с другом. Образы созерцаемых человеком предметов поочерёдно поступают в сферу его представления. Там они встречаются с теми образами, которые уже содержатся в ней. В результате таких бесконечных встреч у человека вырабатывается способность *чувственного постижения духовных смыслов* воспринимаемых им предметов.

В зависимости от уровня своего развития данная способность выступает в трёх формах:

- а) *чувства узнавания*,
- б) *эстетического чувства*,
- в) *чувства прекрасного*.

Эти формы не являются случайными. Выражаясь словами А. Баумгартена, они представляют собой «низшие аналоги» трёх ступеней познавательной деятельности нашего мышления. А именно:

- *чувство узнавания* является аналогом ступени обнаружения бытия предметов,
- *эстетическое чувство* — аналогом ступени раскрытия их сущности,
- *чувство прекрасного* — аналогом ступени постижения понятий предметов.

¹ Подлинным предметом так называемой *идеалистической философии* является этот находящийся в голове человека огромный идеальный мир знаний, а вовсе не те химеры, которые ей приписывают.

Чувство узнавания

Являясь по своей биологической природе животным, человек ведёт активный образ жизни. В силу этого он ежедневно встречает на своём пути различные предметы: дома, дороги, автомобили, перекрёстки, столбы, деревья, людей и т.д. Подавляющая часть таких предметов не имеет к нему непосредственного отношения и потому безразлична для него. Но поскольку они образуют окружающий его мир, их образы невольно попадают в пределы его внимания и становятся достоянием его представления. Там, в сфере представления, они встречаются с теми образами, которые уже содержатся в ней. Если среди них отыскиваются подобные им образы, то созерцаемые предметы (явления, события) узнаются человеком, а если нет, то не узнаются. Причём в большинстве случаев процесс узнавания таких «безразличных» для человека предметов протекает без участия его мышления.

Как это происходит? Образ созерцаемого предмета — это определённый комплекс воспринимаемых нами ощущений. Когда такой комплекс (образ) попадает в голову человека, он соприкасается там со многими такими же комплексами ощущений (образами предметов), которые уже содержатся в ней. В результате таких соприкосновений у человека возникает внутреннее ощущение, сообщающее ему о том, встречался ему ранее этот предмет или нет. Если образ предмета оказывается подобным тому, который уже содержится в представлении человека, то это ощущение имеет нейтральный, «спящий» характер. Если же он не находит своего подобия, то оно приобретает настораживающий, возбуждающий характер.

В последнем случае, как правило, активизируется деятельность мышления человека. Но происходит это лишь тогда, когда в сферу нашего внимания попадают ранее незнакомые нам предметы. В отношении же тех предметов, которые уже встречались нам и которые вместе с тем не представляют для нас интереса, мы ограничиваемся *чувственным способом* их узнавания. Этот способ свойствен всем животным. (У многих видов чувственные характеристики значимых для их жизни предметов заложены генетически.) Человеку он достался в наследство от его прошлой животной жизни.

Эстетическое чувство

Но среди ежедневно встречающихся нам предметов обязательно есть такие, которые небезразличны для нас. Если мы связаны с каким-либо предметом определёнными отношениями, то такой предмет представляет для нас интерес уже не только по факту своего бытия, но и по своей сущности. Когда такой предмет, а также все его возможные аналоги, которые потенциально способны заменить его собой, попадают в поле нашего зрения, перед интеллектом встаёт задача не просто опознать данный предмет, но и сопоставить его с его понятием. Делать это необходимо, поскольку реальные предметы в силу самых разных причин в любой момент могут перестать соответствовать своим понятиям. Например, рыба, которую планировали на обед, испортилась; дорогу, по которой ходили каждый день, перекопали, и т.д.

Сопоставить предмет с его понятием — значит сравнить его реальный образ с тем образом, который он должен иметь согласно своему понятию. Откуда в сфере нашего представления появляются такие *понятийные* образы? Их поставляет туда наше мышление, которое располагает понятиями предметов. Строятся же такие сравнения по формуле В. В. Маяковского: «Если тебе корова имя, у тебя должно быть молоко и вымя. А если нет молока и вымени, что толку в твоём коровьём имени».

В том случае, когда образ воспринимаемого предмета соответствует своему понятийному образу, мы называем его *истинным* (нормальным, хорошим, настоящим, действительным). В том же случае, когда он частично или полностью не соответствует своему понятийному образу, мы называем его *неистинным* (дурным, уродливым, ненормальным, ненастоящим, недействительным). Например, в понятие «кисть руки» входит большой палец, указательный, средний, безымянный, мизинец, а также ладошка. Если созерцаемая нами реальная кисть руки соответствует этому образу, мы признаём её истинной (нормальной, хорошей), а если нет, то называем её неистинной (ненормальной, дурной, уродливой). Такие обыденные выражения, как «Я тебя сегодня не узнаю» или «Какой же он электрик, если простой выключатель не смог заменить», несут в себе момент сопоставления реального предмета с его понятием.

Однако если наше мышление будет постоянно отвлекаться на процедуру сравнения всех потенциально интересующих нас предметов с их понятиями, то ему некогда будет заниматься другой работой. По этой причине оно передаёт эту функцию на ступень непосредственного созерцания предметов. В результате у человека вырабатывается способность к чувственному определению результатов такого сравнения. Уже в сам момент восприятия у нас появляется внутреннее ощущение, говорящее нам о том, соответствует образ данного предмет его понятию или нет. Если соответствует, то это ощущение имеет положительный характер, если не соответствует, то — отрицательный. Такова схема возникновения *эстетического чувства*.

Можно сказать и так: эстетическое чувство появляется в результате усталости или, если хотите, лености нашего мышления, которому надоедает постоянно отвлекаться на процедуру сравнения воспринимаемых предметов с их понятиями. В силу этого наш интеллект вынужден перекладывать эту рутинную работу по определению истинности интересующих нас предметов на ступень их непосредственного восприятия. Но, в отличие от чувства узнавания, которое имеет природное происхождение, эстетическое чувство имеет в своей основе уже две составляющие: *природную* и *духовную*. Природная составляющая — это чувственный способ узнавания воспринимаемых предметов, который уходит своими корнями в многомиллионную толщу лет животной жизни наших предков. Духовная составляющая — это находящиеся в сфере мышления человека понятия предметов.

Если факт соответствия созерцаемого предмета своему понятию устанавливается с помощью мышления, то это *рассудочный* способ определения истины. Если же такое соответствие устанавливается без участия мышления, то это *чувственный* способ определения истины. Данный способ как раз и представляет собой то, что мы называем *эстетическим чувством*. Когда, например, говорят, что у детей надо развивать эстетическое чувство, это означает, что их в первую очередь следует учить отличать форму от бесформенности, норму от уродства, истинное от ложного. Причём делать это они должны уметь не только за счёт мышления, но и за счёт своего чувства.

Положительная форма эстетического чувства становится в дальнейшем чувством *прекрасного*, а отрицательная — чувством *без-*

образного. Последнее возникает тогда, когда образ созерцаемого предмета существенно отличается от того образа, который он должен иметь согласно своему понятию. Поэтому такой предмет называется *безобразным* — с ударением на букву *о*. Он не находит в сфере нашего представления своего подобия и потому признаётся нами *без-образ-ным*.

Эстетическое чувство, следовательно, шире прекрасного, поскольку включает в себя не только *прекрасное*, но и *безобразное*. Но прекрасное, в свою очередь, глубже эстетического, поскольку содержит в себе бесконечный потенциал развития. Связано это развитие со свободой нашего мышления.

Чувство прекрасного

Мышление человека в самом себе всегда свободно. (Поэтому свободен и сам человек.) Но пока мышление только производит понятия предметов, оно ещё не свободно. Оно «повязано» познаваемым предметом и вынуждено действовать, руководствуясь принципом: каков предмет, таково же должно быть и его понятие. Если оно будет произвольно вносить изменения в процесс познания, то это приведёт его лишь к неправильному пониманию предмета.

Однако, после того, как мышление построит понятие, оно перестаёт обращать внимание на сам предмет и разрывает свою связь с ним. Предмет остаётся в реальном мире, а его понятие — в голове человека. Наличие таких понятий даёт мышлению тот материал, в отношении которого оно способно проявлять свою свободу. Если бы у него не было понятий, то не было бы и свободы. (Поэтому необразованный человек не может быть свободным.)

Располагая понятиями предметов, мышление может внести изменения в любое из них, перестроить его и создать на его основе какое-то новое понятие. Появление в голове человека таких новых понятий разворачивает его отношение с окружающим миром в противоположную сторону. Если ранее воспринимаемые им внешние предметы отыскивали в сфере его представления тождественные себе образы, то теперь, наоборот, разработанные его мышлением образы стремятся найти во внешнем мире подобные себе предметы. И когда такие

предметы действительно находятся, субъект испытывает от этого чувство удовлетворения.

Такова схема возникновения *чувства прекрасного*. В отличие от эстетического чувства, в основе которого лежит отношение потенциальной зависимости субъекта от воспринимаемых им предметов, чувство прекрасного основано уже на его свободном отношении к ним. В силу этого оно с необходимостью содержит в себе три элемента:

- а) находящийся в голове человека идеальный *образ*;
- б) созданное художником реальное *произведение искусства*;
- в) единство *идеальной и реальной* формы прекрасного, которое достигается в процессе *созерцания* зрителем произведения искусства.

1. *Прекрасный образ*. Понятие, как мы уже говорили выше, — это постигнутое мышлением единство выявленных в предмете *различий*. Под «единством различий» здесь следует понимать присущее самому предмету сочетание его различных сторон, частей, элементов, свойств и т.д. Соответственно, чтобы преобразовать понятие какого-либо предмета, требуется внести изменения в существующее сочетание его различий (сторон, частей, свойств и т.д.). Изменяя его, мы тем самым частично или полностью изменяем понятие всего предмета.

Новшества, привносимые мышлением в понятие, переносятся посредством воображения на представляемый образ предмета и запечатлеваются в нём. *Воображение* — это деятельная форма нашего представления, которая осуществляется под руководством мышления. Благодаря воображению в головах людей возникают новые образы предметов, отличные от первоначальных. Например, имея в своём представлении образ какого-либо конкретного дерева, мы можем мысленно изменить его высоту, форму кроны, цвет листьев. В итоге наше воображение формирует новое сочетание различий этого дерева и создаёт его обновлённый образ.

Но главной целью творческой деятельности интеллекта человека является не внешняя форма предметов, а их внутреннее духовное содержание. Только оно даёт нашему мышлению необходимый простор для реализации его свободы. Определяющим при этом становится само содержание образа, тогда как его внешняя форма теряет своё самостоятельное значение и ставится в подчинённое отношение к нему. «Внешняя форма произведения искусства должна согласовываться с

внутренним содержанием, которое... благодаря этому может обнаруживаться через неё в качестве самого себя» [3, с. 217].

Здесь пролегает различие между просто *красивым* и *прекрасным*. В *красивом* образе на первом месте находится его форма, внешний вид. Духовное содержание либо вообще отсутствует, либо подчинено форме. В *прекрасном* же образе на первое место выходит духовное содержание, а роль формы сводится к тому, чтобы выражать его. *Прекрасное*, следовательно, это то, что *пре-восходит* красоту. А превосходит оно её тем, что определяющим становится внутренний духовный смысл образа, который должна выражать его внешняя форма. Здесь же появляется новое значение у понятия безобразного. По отношению к *красивому* оно сохраняет свой первоначальный смысл — *без-образ-ного*. Но по отношению к *прекрасному* оно приобретает уже иное значение, близкое по смыслу к *дурному*.

Мыслители Древней Греции считали, что прекрасные образы могут создаваться лишь благодаря подражанию природе, что художник должен отражать предметы подобно зеркалу, показывая их точно такими, каковы они есть в действительности¹. В Новое время эту точку зрения поддерживал Шарль Баттё. Но истина состоит в том, что прекрасные образы создаются только посредством свободной деятельности мышления человека, порождающего из самого себя их духовное содержание. Точное подражание природе не является целью искусства, по крайней мере, до тех пор, «пока природное берётся только с его внешней стороны, а не как форма, выражающая собой дух» [4, с. 384]. В этом, собственно, и состоит смысл слова *идеализация*, которое означает процесс свободного формирования образа со стороны человеческого духа.

В нашей обычной жизни прекрасные образы возникают в головах людей как бы сами собой, экзистенциально. Происходит это потому, что нам постоянно приходится сталкиваться с какими-то жизненными ситуациями и проблемами. В ходе обдумывания этих ситуаций и про-

¹ Справедливости ради надо сказать, что для самих древних греков данная точка зрения не была ошибочной, поскольку для них художественным идеалом являлся сам человек. В человеке же его духовное содержание и внешняя форма (тело) соединены органическим образом. Поэтому чем естественнее и более точно будет изображено тело человека, тем более явственно через него будет проступать его дух.

блем в сознании людей возникают какие-то обновлённые образы и смыслы. В зависимости от своего содержания эти образы и смыслы вызывают в их душах соответствующие чувственные переживания, волнения, эмоции. Последние, в свою очередь, не остаются замкнутыми на самих себя. Они переходят в тело человека и воплощаются в нём.

Вот простейшие примеры таких воплощений. Мысль о своём собственном недостойном поведении вызывает у человека чувство стыда, которое приводит к покраснению щёк, ушей. Мысль о коварных действиях кого-то другого вызывает чувство гнева, которое приводит к учащённому сердцебиению, напряжению мышц. У радостного человека лицо светится, ноги пляшут. У человека, убитого горем, лицо мрачнеет, тело обмякает. У фанатично верующих людей проявляются стигматы. На этом же эффекте основан принцип деятельности детекторов лжи.

Точно так же, находясь во власти душевных переживаний, вызываемых размышлениями о чём-либо, человек может неосознанно начать напевать какую-то мелодию, делать ритмичные движения руками, ногами. В его воображении появляются какие-то выразительные формы, в речи — эпитеты, сравнения, метафоры. В результате, казалось бы, чисто рассудочная деятельность, направленная на решение каких-то жизненных проблем, приводит к тому, что у человека активизируется чувственная жизнь души. Возникающие при этом переживания, волнения и эмоции распространяются на его тело и побуждают его к действиям. Тем самым у субъекта пробуждается потребность придать своим смыслам, чувствам и образам внешнюю форму.

2. *Произведение искусства.* Разработанный воображением человека прекрасный образ переносится им на внешний материал и воплощается в нём. В результате образ принимает материальную форму и становится *произведением искусства*. Почему искусства? Потому, что он имеет не природное, а искусственное происхождение. Создавая художественные произведения, люди тем самым производят из самих себя новую, порождённую их духом искусственную реальность.

Кто творит произведения искусства? Во-первых, каждый человек для самого себя. Кто-то лучше, кто-то хуже, но каждый способен придать своим идеальным образам, смыслам и чувствам какую-либо внешнюю форму. Например, когда человек подбирает шторы для

окон, делает себе причёску или составляет букет цветов, то в этих действиях он уже руководствуется своими представлениями о прекрасном. Во-вторых, существует определённая группа людей, называемых художниками, для которых деятельность по созданию и воплощению прекрасных образов является профессией. Их творчество основано на специальных знаниях, традициях, мастерстве.

В процессе создания произведения искусства художник решает триединую задачу. Во-первых, он продумывает то духовное содержание (смысл), которое хотел бы донести до зрителя. Во-вторых, создаёт в своём воображении тот образ, который позволил бы ему выразить это содержание. В-третьих, переносит этот образ на внешний материал и придаёт ему чувственно воспринимаемую форму. Для архитектора таким материалом являются камень, металл, стекло и т.д., для скульптора — глина, бронза, мрамор, гипс, живописец использует полотна и краски, музыкант обрабатывает воздух, поэт работает со словом, актёр — со своим телом, лицом, голосом.

Суть художественного творчества заключается в способности выражения духовного содержания через внешнюю чувственно воспринимаемую форму. Иначе говоря, художник — это тот, кто умеет передать внутренний духовный смысл разрабатываемого им образа через его внешнюю форму. Соответственно, созданное художником творение является прекрасным уже не только потому, что в нём заложен некий духовный смысл, но и потому, что этот смысл получил своё адекватное выражение через его чувственно воспринимаемую форму.

У самих же произведений искусства нет другого назначения, кроме как раскрывать через свою внешность содержащийся в них внутренний духовный смысл (идею, представление). С этой точки зрения любое художественное произведение является, по существу, вопросом, обращённым к откликающимся на него душам и умам людей. Находите ли вы во мне то, ради чего я создано? Позволяет ли моя форма воспринять то духовное содержание, которое я в себе несу?

3. *Восприятие зрителем произведения художника.* Наличие в головах людей прекрасных образов — это первое условие появления чувства прекрасного. Вторым является существование реальных произведений искусства. Соединение обеих этих сторон делает чувство прекрасного, а вместе с ним и всю сферу искусства действительными.

Это значит, что прекрасное существует только для прекрасного. Если в представлении человека развита сфера прекрасных образов, то он будет способен воспринимать произведения искусства. Если не развита, то он не увидит прекрасного в прекрасном¹. Вот как удачно выразил эту мысль Платон: «О здешние боги, дайте мне стать внутренне прекрасным! А то, что меня окружает извне, пусть будет дружественно тому, что у меня внутри» (Федр).

В отличие от созерцания, которое имеет дело с единичными предметами, сфера представления человека есть некая всеобщность в самой себе. Она содержит целый мир взаимосвязанных образов, в том числе и тех, которые были созданы его собственным воображением. Все эти идеальные образы, как уже говорилось, с одной стороны, граничат с рассудочной деятельностью мышления и переходят в неё, с другой — погружены в сферу чувственной жизни души и обретают в ней своё чувственное значение.

Когда образ созерцаемого произведения искусства попадает в сферу представления зрителя, он встречается там с какими-то подобными себе образами и оживляет их. Наполняющие эти образы смыслы также приходят в активное состояние, но при этом они остаются окутанными оболочкой чувственной жизни его души — соответствующими переживаниями, волнениями, эмоциями. В силу этого процесс их осознания не доходит до ступени открытой деятельности мышления. Он останавливается на полпути, ограничиваясь только чувственным способом постижения этих смыслов.

Бах творит! Ты только слушай.
И сам поймёшь ты всё без лишних слов.
Всё, что скрыто в сердце у тебя,
Всё, что в глубине твоей души
Вдруг свет волшебный озарит,
Когда над городом орган звучит.
А. Слизунов

¹ В марте 2014 г. изобретательные французы провели по залам Лувра небольшое стадо баранов. Судя по поведению последних, этот поход в храм искусства не произвёл на них никакого впечатления.

Конечно, чем более зрел и опытен зритель, тем реже его сознание довольствуется такой чувственной формой постижения смыслов художественных произведений. Сам того не желая, он исподволь начинает рассуждать об их достоинствах и недостатках, о глубине их смысла и оригинальности формы. Но и в этом случае все его рассуждения строятся на основе созерцания их внешней чувственно данной формы. Отсюда появились такие выражения: уметь *читать* картины художников, *слушать* музыкальные произведения, *видеть* мастерство актёра, *проникать* в замыслы зодчего, скульптора, и т.д.

Возникновение у зрителя чувства прекрасного свидетельствует о том, что воспринимаемый им образ оказывается близок тем образам, которые уже имеются в сфере его представлений и в чувственном мире его души. В лице данного произведения искусства реальность как бы подтверждает творческий гений самого зрителя. В созерцаемом образе он находит продолжение самого себя, своего внутреннего мира, даже если духовной смысл этого образа совпадает с его миропониманием не полностью, даже если до встречи с ним субъект вообще не задумывался над подобными смыслами. Тем не менее, воспринимая это произведение искусства, он ощущает свою близость с ним. Если бы ему самому пришлось изображать нечто подобное, то он сделал бы это так же или почти так же.

Чувство прекрасного — это кульминационная точка всего художественного процесса. Именно оно определяет дальнейшую судьбу художественных произведений. Если они вызывают у зрителя чувство прекрасного, заставляют его думать и переживать, то они будут пользоваться вниманием, а значит будут жить. Оставляя его равнодушным, они обречены на забвение.

Таково понятие чувства прекрасного. В отличие от эстетического чувства, которое представляет собой в своей основе чувственный способ определения *истинности* потенциально необходимых нам предметов, чувство прекрасного — это проявление нашей способности чувственного постижения *духовных смыслов* свободно созданных произведений художника.

Ступени художественной свободы (три сферы прекрасного)

Творческая свобода зрителя ничем не ограничена. Он может порождать в своём воображении какие угодно образы. Что же касается свободы художника, то в силу наличия в его творчестве материального фактора она имеет три разных уровня, которым соответствуют три сферы прекрасного:

- прекрасное в природе;
- прекрасное в прикладном искусстве;
- прекрасное в изящном искусстве.

1. *Прекрасное в природе.* Природа сама по себе — художник. Однако все её творения не являются ни прекрасными, ни безобразными. Они таковы, каковы они есть. Именно в этом качестве мы воспринимаем их как собственно *предметы природы*. Если мы будем переделывать и улучшать их, то они перестанут быть творениями природы и превратятся в артефакты. В силу этого наша художественная свобода распространяется только на их понятия. Располагая этими понятиями, мы имеем возможность: а) сравнивать с ними сами реальные предметы природы и, б) основываясь на результатах таких сравнений, делать вывод, насколько эти предметы прекрасны или безобразны.

Вот наиболее распространённые варианты таких сравнений.

а) Мы оцениваем предметы природы по их соответствию нашему общему пониманию жизни. Выгоревший лес, чахлый цветочек, немощное животное мы не называем прекрасными. И наоборот, те места природы, где жизнь бьёт ключом, и тех животных, которые полны энергии жизни, мы называем прекрасными.

Точно так же мы оцениваем конкретные творения природы, основываясь на том, насколько их реальный образ соответствует понятийному. Те организмы, чей образ близок к «стандартам» своего вида, мы находим прекрасными, а те, чей образ значительно отличается от них, безобразными. Например, «гадкий утёнок» Г. Х. Андерсена.

По этой же причине мы, как правило, испытываем неприятное чувство по отношению к тем животным, которые принадлежат к переходным видам (утконос, жабы, щенки-метисы), а также к тем животным, образ которых просто непривычен для нас.

б) Рассматривая формы живых организмов, мы обращаем внимание на те общие принципы их строения, благодаря наличию которых мы признаём их прекрасными. К таковым относятся:

- *правильность* — повторение одной и той же формы, являющейся господствующей для данного вида; например, правильная форма моркови, лимона, ели;

- *симметрия*, которая представляет собой ту же самую правильность, но проявляющуюся через упорядоченное единство различных элементов;

- *закономерность*, которая выступает как необходимая связь отдельных членов и органов тела; например, внешние органы чувств у животных располагаются, как правило, близко к мозгу, большой палец на руке человека противоположен остальным;

- *гармония* — согласующееся единство всех частей и элементов, где господствующей является уже сама целостность; например, гармоничное сочетание частей тела, звуков голоса, окраски оперения и т.п.

в) Мы также оцениваем воспринимаемые нами явления природы по их соответствию нашему внутреннему душевному состоянию. Нас завораживает тишина лунной ночи, величие волнующегося моря, осенний листопад и т.п. Мы находим прекрасными тех животных, которые проявляют созвучные нам качества: смелость, преданность, ласку, добродушие. Но дело здесь опять-таки не в животных, а в нашем *человеческом* отношении к их поведению.

Подобная практика нахождения в предметах природы *человеческих* качеств привела к появлению символических приёмов в искусстве, когда какой-либо природный образ становится по воле художника выразителем человеческого духа:

– Ветер, ветер! Ты могуч, ты гоняешь стаи туч,...

Не видал ли где на свете ты царевны молодой? Я жених её.

– Постой, — *отвечает ветер буйный*,

Там за речкой тихоструйной есть высокая гора...

А. С. Пушкин

Приведённые аспекты прекрасного раскрывают возможности нашей художественной свободы по отношению к предметам природы. Повторим ещё раз: сами по себе предметы природы не прекрасны и не

безобразны. Они таковы, каковы они есть. Это мы, люди, имея возможность сравнивать их реальность с понятием, находим их прекрасными или безобразными.

2. *Прекрасное в прикладном искусстве.* Человек не только пассивно созерцает природу, но и активно взаимодействует с ней. Он создаёт из её материалов и явлений свой собственный мир необходимых ему для жизни предметов (продуктов, изделий, услуг, условий и т.д.). Поскольку содержание данных предметов задано теми потребностями, для удовлетворения которых они предназначены, постольку творческая свобода художника при их производстве имеет ограниченный характер. Она распространяется на их внешнюю форму, но не распространяется на их содержание.

Как было сказано выше, мы, люди, с благодарностью воспринимаем те явления природы, которые соответствуют нашим душевным состояниям. Но мы точно так же с благодарностью воспринимаем и те рукотворные изделия (продукты, услуги, условия), которые не только по содержанию, но и по форме соответствуют нашим ожиданиям. Наличие таких ожиданий создаёт определённый простор для проявления художественной свободы. Например, пекарь может придать своим изделиям различные вкусовые качества, а также удобную и приятную форму. Обувщик имеет возможность делать обувь разного назначения и при этом также придавать ей удобную и красивую форму. Автор научной статьи может постараться изложить её содержание лаконичным и доступным для читателя языком.

В прошлые времена данная сфера художественного творчества называлась прикладным, или оформительским, искусством. В XX столетии благодаря развитию массового производства и конкуренции она получила ещё одно название — *дизайнерское искусство*. Надо отметить, что это название очень удачно вписалось в искусствоведческий и эстетический лексикон, поскольку заменило собой не вполне подходящее для характеристики данной сферы определение *художественное*. *Дизайн* означает ограниченную (урезанную) свободу творчества, тогда как *художественное* предполагает полную.

На данной ступени ограниченной свободы создаются эстетически прекрасные творения. *Эстетические* потому, что мы (люди) потенциально связаны с ними отношением необходимости (зависимости).

Прекрасные же потому, что их форма в определённой степени несёт на себе печать свободного творчества. К данной сфере относятся: одежда и обувь, модельная причёска и макияж, творчество кондитера и садовника, оформление жилья и потребительских товаров, эстетика отношений и оказания услуг. Этот ряд примеров можно продолжать до бесконечности. В большинстве случаев, когда речь заходит об эстетическом содержании нашей жизни, имеют в виду именно сферу эстетически прекрасных творений прикладного искусства: изделия, услуги, условия, отношения и т.д. В более широком смысле эту сферу называют также *миром культуры*, отличая его от *мира искусства* как такового. Отсюда появилось широко используемое выражение *культура и искусство*.

3. *Прекрасное в изящном искусстве*. Сфера прикладного искусства не может дать художнику полного удовлетворения. По этой причине он стремится выйти за её пределы и проявлять себя в неограниченной свободе. Он хочет не только оформлять кем-то заданное содержание, но и сам порождать его, создавать свои произведения исключительно ради свободного выражения через них полагаемых им самим духовных смыслов. Из такого стремления нашего мышления к проявлению своей полной творческой свободы рождается сфера *художественно прекрасных произведений* изящного искусства. Данная сфера «имеет своей целью чувственно воплотить для созерцания исключительно духовное содержание» [3, с. 147].

На ступени полной свободы художник сам придумывает содержание своих произведений и сам же придаёт им ту чувственную форму, которая должна выражать его. И здесь уже не суть важно, какое именно это будет содержание. Главное, что оно создаётся художником совершенно свободно. С этой точки зрения любое произведение изящного искусства, будь то изображение натюрморта или какой-либо абстрактной фигуры, стоит выше всех творений природы и прикладного искусства.

Именно сфера художественно-прекрасных произведений является подлинным предметом науки эстетики. Две предыдущие сферы — прекрасное в природе и прекрасное в прикладном искусстве — могут быть поняты лишь в контексте её познания.

Полная свобода позволяет художнику создавать не только прекрасные, но и безобразные (дурные) произведения. И здесь возникают вопросы: как отличить первое от второго? Какие творения художника являются истинно прекрасными, а какие — безобразными? Ответы на них отсылают нас к понятию *идеала*.

Идеал художественного образа

Формально все произведения изящного искусства уже только в силу того, что они были созданы свободно, считаются прекрасными. Но что является прекрасным в самой сфере прекрасного? Ведь далеко не всё из того, что творят художники, представляется нам, зрителям, прекрасным по существу. Вот эта определённость прекрасного по отношению к самой сфере художественно прекрасных произведений называется *идеалом*.

Для создания рядового произведения искусства достаточно придумать какое-то духовное содержание и выразить его через чувственно воспринимаемую форму. Для создания идеального произведения искусства художнику необходимо сначала определиться с тем, какого содержания ждёт от него зритель и посредством какой формы оно может быть доведено до него.

На первый взгляд данное требование противоречит определению художественного творчества, которое предполагает полную свободу. Но это противоречие возникает лишь в том случае, если свободу понимать только с одной — субъективной — стороны. С этой позиции она обнаруживает себя ещё не как собственно свобода, а лишь как произвол (вольница), который действует по принципу: «что хочу, то и ворочу». Истинная же свобода появляется у художника тогда, когда его творчество определяется с двух сторон: а) его собственными ображениями и б) реальными потребностями того общества, в котором он живёт и для которого создаёт свои произведения.

1. Содержание образа. В основе идеального художественного образа лежит понятие. Это значит, что он должен нести в себе единство всеобщего, особенного и единичного содержания. Но здесь возникает вопрос: что в человеческом обществе является всеобщим? Таковым выступает дух рода человеческого, который подразделяется в самом себе на обособленные духи отдельных народов. Последние, в

свою очередь, состоят из индивидуальных духов конкретных людей, которые являются его временными носителями. Люди приходят в эту жизнь и уходят, а дух народа остаётся и продолжает своё развитие.

Соответственно, чтобы создаваемые художником произведения воспринимались зрителем, они должны отражать духовное состояние всего общества, переживаемую им эпоху. «Чтобы произведения художника заинтересовали его современников, их содержание должно быть взято им из жизненного содержания того времени» [3, с. 229]. Только при наличии такого содержания произведения искусства будут затрагивать людей, заставляя их волноваться и переживать.

Здесь возникает новый вопрос: как это всеобщее содержание может быть выражено через единичные образы? Решается эта задача вполне рациональным способом. (Вспомним ещё раз А. Баумгартена, который полагал, что чувственная способность познания *аналогична* деятельности нашего разума.) Из логики мы знаем, что *всеобщее* связано с *единичным* через момент особенности. Особенное — это то, что присуще как всеобщему, так и единичному. Соответственно, чтобы суметь выразить всеобщее содержание через единичные образы, необходимо использовать связующий их момент особенности.

С этой целью художник находит какую-то особенную сферу жизнедеятельности общества и делает её предметом своего изображения. Раскрывает он этот предмет посредством единичных образов своих героев. Такова технология искусства: оно выражает всеобщее содержание нашей жизни через мысли и поступки отдельных людей. К этому же сводится и суть требования, согласно которому художник должен пропускать через себя жизнь общества и отражать её в своих произведениях. Например, для изображения господствовавшей в обществе в эпоху Возрождения идеи гуманизма художники использовали тему земной материнской любви, которую раскрывали через образы своих «мадонн».

В силу того что искусство выражает всеобщее через единичные образы, в произведениях художников часто встречаются такие сцены, которые на первый взгляд не представляют какого-либо интереса. Но если принять во внимание ту историческую эпоху, к которой принадлежат эти произведения, то мы поймем, почему эти сцены привлекли внимание художника. С этой точки зрения даже изображение стада

коров, спокойно пасущихся на лугах, может многое сказать о положении дел в обществе. И наоборот, если не знать, например, к какой эпохе относятся изображения рафаэлевских мадонн, они будут восприниматься просто как портреты кормящих женщин.

Те художники, которые вместо такого всеобщего содержания предлагают зрителю какие-то свои единичные и случайные смыслы, как правило, жалуются на то, что публика не понимает их. Сюда же относятся и приверженцы так называемой теории *чистого искусства*, или *искусства ради искусства*, которые вообще отвергают необходимость служения интересам общества. Но, с другой стороны, в силу того, что творчество художника имеет свободный характер, его произведения могут опережать своё время. В процессе работы над ними художник глубоко погружается в их интенсивную суть и потому нередко оказывается пророком.

Поскольку создаваемые художником единичные образы становятся носителями какого-то особенного и потому избыточного для них содержания, они отрываются от своих реальных прототипов и делаются возвышенными. «Возвышенное — это то, что не может содержаться ни в одной чувственно данной форме» [5, с. 115] — так определял это понятие И. Кант. Но возвышение образов не следует рассматривать как недостаток мастерства художника. Наоборот, оно является необходимым требованием художественного идеала. Если бы изображение героя не было возвышенным, оно не представляло бы интереса. Когда говорят, что тот или иной образ является *собирательным* или *обобщённым*, это значит, что он уже несёт в себе какое-то возвышающее его содержание.

В учебных пособиях по эстетике *возвышенному*, как правило, противопоставляется *низменное*, которое трактуют как крайнюю степень проявления безобразного. Но если исходить из понятия идеала, то такое противопоставление следует признать ошибочным. Идеал низменным быть не может. Его назначение — возвышать образ, а не опускать его. Другое дело, что степень возвышения может быть различной: от низкой, приближённой к реальности, до высокой, отрывающейся от неё. Поэтому парным определением (антонимом) для *возвышенного* является *приземлённое*.

Низменное должно рассматриваться не в эстетике, а в этике. Когда предметом художественного изображения делается исключительно безобразное (дурное) содержание, определяемое выражением «низменные идеалы», такой материал должен быть признан не только художественно, но и эстетически непригодным. Те произведения, в которых показывается только грязь, горе, страдание, не будут привлекать внимания зрителя, за исключением, конечно, патологических случаев.

2. *Форма образа.* Чтобы выразить избранное содержание, художник подбирает в окружающем мире соответствующую форму, которая, по его мнению, лучше всего подходит для создания необходимого ему образа. Так, например, каждая мать питает безотчётное чувство любви к своему ребёнку. Однако образ далеко не каждой женщины мог бы стать прототипом для рафаэлевских мадонн. Поэтому художник ищет среди массы женских лиц то, которое, согласно его представлению, лучше других подходит для выражения материнской любви.

Но и с этим образом художник продолжает работать. Он освобождает его от несущественных и случайных черт и добавляет ему те черты, которые способствуют раскрытию вкладываемого в него содержания. Например, такие черты героя, как ежедневная чистка зубов или смена сорочек, мало что говорят о жизни его духа, поэтому выпячивание таких подробностей будет только мешать восприятию его образа и утомлять зрителя.

В процессе работы художник располагает определённым набором выразительных средств — черт, линий, оттенков, посредством которых он пишет образ своего героя. Что именно из этого набора он вложит в него, зависит от его выбора. Наличие фактора выбора создаёт основу для проявления так называемого художественного вкуса. Одному человеку могут нравиться одни детали и черты героя, другому — другие.

Художественный *вкус* отчасти имеет врождённый характер. Отсюда идут такие выражения: «На вкус и цвет товарищей нет», «Кому — попадя, кому — попова дочка». Отчасти же он формируется особенностями той культурной среды, в которой вырастает человек. Наличие таких культурных корней позволяет нам говорить о художественном вкусе не только по отношению к отдельным личностям, но и

по отношению к целым группам людей — социальным, возрастным, профессиональным, а также их общностям — нациям, народам.

Поскольку художественный вкус распространяется, как правило, лишь на внешние черты героев, постольку он боится каких-либо более глубоких воздействий и умолкает там, где начинает говорить духовная суть произведения искусства. Когда перед зрителем раскрываются великие страсти и борения духа, вся эта мелочная возня с деталями формы, с тонкостями вкуса уходит на задний план. Более широкие возможности для своего проявления художественный вкус находит в сфере эстетически прекрасных творений прикладного искусства. Но здесь ему приходится снижать свой статус и выступать уже в качестве эстетического вкуса.

В итоге художник доводит форму и содержание своего произведения до их полного слияния друг с другом. В содержании не остаётся ничего, что не проявлялось бы через форму, а в форме не остаётся ничего, что не подчинялось бы содержанию. «В этом сведении внешнего существования к духовному, когда внешнее явление в качестве соразмерного духу становится его раскрытием, состоит природа идеала в искусстве» [3, с. 218].

3. *Образ как таковой.* Готовое художественное произведение выступает в качестве посредника, связующего между собой духовные миры художника и зрителей. Если оно вызывает у зрителей чувство прекрасного, то это значит, что заложенное в нём миропонимание художника соответствует их собственному. Такое совпадение, в свою очередь, означает, что данное произведение искусства несёт в себе истину, а стало быть, оно само является истинным. Но устанавливается эта истинность не посредством мышления, а посредством чувства прекрасного.

Однако истина, в свою очередь, также способна быть прекрасной. Хотя научные законы (теории) устанавливаются мышлением, они тем не менее имеют внешнюю форму своего выражения. Таковыми для них (законов) являются их формулировка и доказательство. Через знакомство с формулировкой и доказательством закона мы постигаем его рациональную суть. Если при этом у нас возникает чувство прекрасного, значит, данный закон является истинным. Отсюда вывод: что прекрасно, то истинно, а что истинно, то прекрасно. Но такое то-

ждество достигается лишь в том случае, когда в основе того и другого лежит понятие.

Попадая в сферу представления человека, образ созерцаемого предмета — не важно, художественное произведение или научная теория — подвергается анализу как со стороны мышления, так и со стороны души. Мышление стремится понять этот образ и определить его место в своей рациональной картине мира. Душа нацелена на то, чтобы прочувствовать его и найти ему место в своей собственной чувственной картине мира. При этом душа и мышление взаимно дополняют друг друга. Мысль опирается на чувство, а чувство подтверждается мыслью. Именно поэтому люди доверяют не только своему мышлению, но и своей способности чувственного постижения смыслов предметов и широко пользуются ею.

Создавая художественные идеалы и выражая их в своих произведениях, искусство тем самым помогает людям жить. Происходит это, во-первых, потому, что оно знает идеалы людей и кладёт их в основу своего творчества. Во-вторых, потому, что оно придаёт этим идеалам общедоступную внешне воспринимаемую форму. В-третьих, потому, что за счёт этой формы искусство даёт людям возможность реализовать свою самую древнюю, доставшуюся им от прошлой животной жизни, способность чувственного постижения смыслов окружающих их предметов. Эта способность уже давно переросла рамки своего «натурального хозяйства» и нуждается в профессиональной деятельности художников и их высокохудожественных творениях.

Заключение

Таково содержание первой части науки эстетики, в которой должна рассматриваться способность чувственного познания смыслов предметов. Здесь недостаёт двух её заключительных разделов:

- «Конкретизация идеала» — вечные ценности, историческая эпоха, состояние, коллизия, действие, пафос, характер,
- «Понятие художника» — воображение, гений, талант, вдохновение, способ самовыражения, манера, стиль, оригинальность.

Во второй части науки эстетики должны рассматриваться *исторические формы искусства: символическая, классическая, романтическая.*

В третьей части — *особенные виды искусства: архитектура, скульптура, живопись, музыка, поэзия, театр.*

В заключение мы дадим краткую характеристику вышеназванных исторических форм искусства. Само различие этих форм обусловлено наличием трёх вариантов соотношения содержания и формы художественного произведения. Сначала форма господствует над содержанием и подчиняет его себе. Это обусловило существование *символической* формы искусства. Затем форма и содержание приходят к своему гармоничному единству, что обусловило возникновение *классической* формы искусства. Наконец, содержание стало превосходить выразительные возможности формы, что привело к появлению *романтической* формы искусства.

Первая — символическая — форма искусства охватывает период древних цивилизаций Китая, Индии, Персии, Междуречья, Египта. Духовный потенциал человека той эпохи был ещё беден и неразвит. Знаний было немного, и они носили преимущественно созерцательный характер. Для выражения этих знаний древним людям хватало тех натуральных форм, которые они находили в природе. Образ земли, неба, гор, рек, долин, водопадов и т.д. они насыщали тем небогатым духовным содержанием, которое находили в самих себе.

Вторая — классическая — форма искусства получила своё развитие в эпоху древней Греции и Рима. В этот период природная форма и духовное содержание произведений искусства пришли к своему гармоничному единству. Произошло это потому, что древние греки сделали своим идеалом тот единственный предмет в мире, духовное содержание и телесная форма которого соединены естественным образом. Таковым является сам человек, причём — свободный человек. Если в символическом искусстве духовное содержание как бы насильно вкладывается в природные формы, то в классическом искусстве этого уже не требуется. С художественной точки зрения ничего прекраснее человека нет и быть не может.

Третья — *романтическая* — форма искусства начинается с распространения христианской религии и доходит до наших дней. В эту эпоху содержание духовного мира людей обогатилось настолько, что оно уже перестало вмещаться в какие-либо природные формы, поэтому на первый план вышли те виды искусства, у которых внешний ма-

териальный элемент не имеет самодовлеющего характера. Таковыми стали живопись, музыка, поэзия, театр, которые способны выражать богатейшие проявления нашей духовной жизни. В силу того что христианство распространялось через римскую империю, данная форма искусства получила название *романтической* (Roma — Рим).

-
1. Баумгартен А. Фрагменты по эстетике // История эстетики : в 5 т. М. : Искусство, 1964. Т. 2. С. 449–465.
 2. Бёрк Э. Философское исследование о происхождении наших идей возвышенного и прекрасного. М. : Искусство, 1979.
 3. Гегель Г. В. Ф. Лекции по эстетике: в 2 т. СПб. : Наука, 2007. Т. 1; Т. 2. СПб. : Наука, 2007.
 4. Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук : в 3 т. Т. 3. М. : Мысль, 1977.
 5. Кант И. Критика способности суждения. М. : Искусство, 1994.

Д. Н. Безгодов

Аксиологический радикализм П. А. Сорокина в контексте университетской организационной культуры

УДК 378.1

В статье автор исследует возможность применения социально-культурных моделей П. Сорокина в сфере управления процессами. Становится понятным изометрия аксиологической модели П. Сорокина и модели управления образовательными процессами. Организационная культура университета должна быть основана на иерархии ценностей, главными из которых являются высшие ценности.

Ключевые слова: аксиологический радикализм, ценности, высшее образование.

Bezgodov D. N. Axiological radicalism of P. A. Sorokin in the context of University of organizational culture

The author explores the possibility of using socio-cultural patterns of Sorokin in the management processes. Becomes clear isometry axiological model Sorokin and models of management of educational processes. The organizational culture of the University should be based on the hierarchy of values, chief among which are the highest values.

Key words: *axiological radicalism, values, higher education.*

Уже на самом общем уровне сравнительного анализа модели организационной культуры и общей социологии Сорокина напрашивается сопоставление структуры родового социокультурного явления, по П. А. Сорокину [3, с. 178] (см. также [1]) и структуры организационной культуры, предложенной Эдгаром Шейном [7].

По П. А. Сорокину, «родовой моделью любого социокультурного феномена является значимое взаимодействие двух или более индивидов» [6, с. 191]. А сам процесс значимого человеческого взаимодействия (то есть «родовое социокультурное явление») состоит из трех компонентов, которые «включают в себя: 1) мыслящих, действующих и реагирующих людей, являющихся субъектами взаимодействия; 2) значения, ценности и нормы, благодаря которым индивиды взаимодействуют, осознавая их и обмениваясь ими; 3) открытые действия и материальные артефакты как двигатели или проводники, с помощью которых объективируются и социализируются нематериальные значения, ценности и нормы» [6, с. 193].

При первом сравнении этой трехкомпонентной структуры социокультурного явления со структурой организационной культуры по Шейну сразу обращает на себя внимание численное равенство выделяемых компонентов; у Шейна — уровней организационной культуры. Различие обобщающих терминов — компонент и уровень — несет здесь большую концептуальную нагрузку. «Структура» Шейна организована иерархически, в то время как «компоненты» Сорокина рядоположены, а точнее равновложены друг в друга. Социокультурное явление невозможно без какого-либо из этих компонентов, в то время как организационная культура у Шейна рассматривается как сумма отдельных явлений, сгруппированных по трем уровням — базовые представления, ценности, артефакты. Таким образом, эти три группы явлений как бы извне взаимодействуют между собой, образуя единое целое организационной культуры. Оргкультура невозможна

без какой-либо из этих групп, но эти группы, как и составляющие их явления, не только могут рассматриваться изолированными друг от друга, что и делает в своей книге по мере необходимости Э. Шейн, но и реально могут существовать отдельно друг от друга. В теории Шейна артефакты, например, мыслятся внешне изолированными от ценностей, так что артефакты могут оказывать влияние на базовые представления как опосредуясь уровнем ценностей, так и непосредственно. В теории Сорокина артефакт, оторванный от ценности, просто невозможен. (Различие это можно объяснить разным уровнем общности этих теорий. Сорокин исследует и описывает родовое социокультурное явление, то есть создает макросоциологическую теорию; Шейн создает теорию, которую можно отнести к социологии труда или социологии управления, то есть к мезоуровню в социологии.)

В университетской модели организационной культуры, уровень ценностей является ведущим не только в очевидном смысле контента, исходных вербализированных посылок всей системы, но и в смысле приоритетного объекта внимания со стороны персонала организации. С точки зрения разработчиков в этом состоит одна из специфических черт именно вузовской организационной культуры. И это обстоятельство делает предлагаемую модель оргкультуры гораздо ближе к теории ценностей П. А. Сорокина, нежели к пониманию ценностей в теории Э. Шейна. Для научно-педагогической общественности рефлексивный анализ ценностей в диалогическом пространстве университета есть основной способ культивирования университетской оргкультуры. Здесь уровень артефактов становится в заведомо подчиненное положение, и сама возможность непосредственного прямого влияния артефактов на уровень установок рассматривается как обстоятельство, хотя и неизбежное, но тем более требующее интерпретативных санкций и аргументированной корректировки с точки зрения обоснованно принятой организацией системы ценностей. В модели Шейна, рассчитанной преимущественно на сферу бизнеса, уровень ценностей тяготеет к положению эпифеномена, и в соответствии с таким положением практическая значимость трех основных видов декларированных ценностей — миссия, видение, корпоративная философия [6] — убывает по мере возрастания аналитичности, то есть лаконичная миссия здесь намного важнее рассудительной и объемной

корпоративной философии; удачный лозунг важнее теоремы. Вузовская организационная культура должна придерживаться обратного порядка. Хотя, конечно, никогда нельзя забывать университетский тезис М. Шелера: «образование — это такая вещь, в которой ничем нельзя пренебречь» [8].

Весь массив артефактов, все тело университетской культуры центрируется небольшой совокупностью верховных ценностей. Более того, если придерживаться позиции П. А. Сорокина, такое положение дел характерно для всякой великой национальной культуры. Представляется, что это невольное уточнение — «великая» — относительно культуры вообще, в применении к организационной культуре вполне может быть переведено как «эффективная». «Всякая великая культура (всякая эффективная организационная культура (Б. Д. Н.) есть не просто конгломерат разнообразных явлений, сосуществующих, но никак друг с другом не связанных, а есть единство или индивидуальность, все составные части которого пронизаны одним основополагающим принципом и выражают одну и главную ценность... Именно ценность служит основой и фундаментом всякой культуры» [6].

Итак, ценности — основа культуры, а уровень ценностей является ведущим в организационной культуре. И в такой аксиоцентрированной перспективе, разумеется, первостепенным становится вопрос о конкретной иерархии ценностей, о том, какие именно ценности (или тип ценностей) будут определять собой характер культуры. В социологии Сорокина в самом общем виде мы находим три типа ценностей и соответствующие им три типа культуры (идеациональная, чувственная, идеалистическая). Мировая социокультурная динамика описывается Сорокиным как циклическая смена этих типов: за идеациональной следует идеалистическая, за идеалистической — чувственная, за чувственной — вновь идеациональная.

Представляется, что в отношении вузовской организационной культуры органичен идеалистический культурный тип, а чувственный скорее противопоказан. Применительно к модели оргкультуры УГТУ это утверждение обосновывается ссылкой на такую ведущую ценность, как служение истине, интерпретируемую как ориентация университетского дискурса на принцип научности и критерий доказательности. Для того чтобы обосновать этот тезис в общем виде, обра-

тим внимание на следующее замечание П. А. Сорокина по поводу смены в европейской культуре идеациональных этических ценностей чувственными.

«Благодаря святости и ореолу идеациональных этических ценностей нормы раннечувственной этики и права еще рассматривались как священные и разумные, они все еще обладали моральным престижем и поэтому были действенной регулирующей силой и по-своему верной. В процессе дальнейшего разрушения идеациональной системы и заметного роста чувственной этики и права эти пагубные микробы становились вирулентными.

Эти ядовитые бактерии чувственной этики и права были заложены в утилитарной и гедонистической, то есть в релятивистской и условной, природе этических и юридических ценностей. Любая чувственная ценность, так как она приравнивается к утилитарному и относительному условию, обязательно регрессирует, становясь все более и более относительной, и условной, пока наконец не достигнет стадии «автоматизации» в своем релятивизме и стадии полной произвольности в еще более тонкой и менее универсальной условности. Конечная стадия — полное банкротство» [6, с. 501].

Итак, мы видим, что по Сорокину чувственные ценности могут как-то выполнять функцию ценностей только по инерции, некоторое время после смены на них идеациональной системы ценностей. Чувственные ценности удерживаются в обществе пользуясь своеобразным кредитом значимости от ценностей идеациональных, быстро растративая его и низводя общество к состоянию ценностного релятивизма.

Вообще ценностный релятивизм в «чистом виде» противопоказан любой организации. Ценностный релятивизм «в чистом виде» означает существенное разнообразие личностных ценностей у членов некоего сообщества, реализуемых ими в жизненной и профессиональной практике. Такое сообщество не может быть организовано в долговременный коллектив, действующий по единому плану для достижения общей цели. В дееспособных организациях все индивидуальное ценностное разнообразие персонала фокусируется на доминирующую ценность, так что любое индивидуальное отличие трансформируется в контексте приверженности этой ведущей ценности.

Чувственная же система ценностей внутренне противоречива. П. А. Сорокин явно отметил это в приведенном отрывке, но, как представляется, не сделал из этого факта всех логически неизбежных выводов, не сделал видимо потому, что эти выводы подрывают логику его историософской схемы. Вообще выражение «чувственная ценность» противоречиво, ибо в содержании понятия «ценность» заключены свойства «внетелесности», «сверхчувственности» как атрибутивные для соответствующего феномена. В самом деле, отнесение к ценности любого материального объекта исключает этот объект из любого класса материальных объектов: ценный объект сразу теряет свойство заменимости на другие экземпляры объекта своего рода; все его природные свойства, его материальные утилитарные функции полностью нивелируются; его пространственная определенность табуируется, и тем самым объект выводится за пределы тривиального пространства, и, наконец, естественная временная ограниченность снимается, так что «ценный объект» становится актуально бесконечным во времени культуры вне зависимости от его субстратных качеств.

Однако при всей противоречивости понятия «чувственная ценность» предпринятое П. А. Сорокиным описание механизма социокультурной динамики и выделяемых в соответствии с ее глобальными периодами типов культур представляется фактически верным: в конце концов, акцент на чувственных удовольствиях, на чувственных критериях познания представляется несомненным в эллинистскую эпоху, в эпоху Возрождения или в Европе, реализующей культурный проект Просвещения. Потенциальное решение возникающего противоречия заключено в цитированном отрывке. Кризис, культурная деградация, девальвация ценностей — это не единомоментные акты, а процессы, иногда очень длительные, поскольку в любом организованном сообществе действуют как силы инерции докризисных периодов, так, кстати, и силы противодействия кризисным явлениям. Таким образом, в социокультурной динамике возникают затяжные переходные периоды (периоды упадка идеациональных и идеалистических культур), которые в соответствии с логикой приведенного анализа следовало бы классифицировать не как отдельный тип, а как субтип культуры. Так интерпретируемая историософия Сорокина очевидно сближается с историософией О. Шпенглера, в соответствии с которой

каждая крупная самобытная культура переживает период зарождения, становления расцвета, старости и упадка. Чувственная культура П. А. Сорокина в приведенной интерпретации отождествляется с периодом старости и упадка любого конкретного всемирно-исторического типа культуры. В такой перспективе вся историософская схема Сорокина превращается в описание динамики локальных культурных общностей мирового значения. Идеациональный период развития — это период рождения и становления, когда основная масса социума данной культуры сориентирована на доминирующую ценность, поклоняется ей и реализует все индивидуальные и общественные проекты с безоговорочной ориентацией на данную ценность. Идеалистический период — это период, когда интересы познания в данной культуре ставятся вровень с житейской практикой, когда они становятся фактором самоопределения человека в вечности не в меньшей степени, чем образ жизни. Этот период с неизбежностью актуализирует критический потенциал мышления, что, в свою очередь, может содействовать как укреплению, так и ослаблению исконных ценностей. В случае их ослабления культура вступает в период болезненного разрушения вплоть до полного исчезновения. Именно этот период ее существования должен описываться как чувственный, ибо подрыв авторитета исконных ценностей оказывается эквивалентным отказу от ценностей как таковых, отказу от сверхчувственных регуляторов жизни. Ведь исконные ценности для идеационального общества были ценностями единственно подлинными, значит и единственными.

Теперь, если перенести рассмотренную здесь логику развития «великих» культур на организационную культуру, то легко заметить, что периоды «чувственных ценностей» здесь практически невозможны, поскольку связанный с ними ценностный релятивизм будет означать резкую недостаточность командного духа организации, целевую дезориентацию и, как следствие, снижение ее эффективности. Инерционный запас у организационных культур значительно ниже, чем у культур цивилизационного масштаба, а плотность конкурентной среды значительно выше. Поэтому банкротство организации в случае релятивизации ее ценностей наступает быстро, если, конечно, руководство не предпринимает решительных и адекватных по силе антикризисных мер. Эти меры призваны вернуть культуру организации к

идеациональному или идеалистическому состоянию, неважно, вследствие реанимации исконной системы ценностей или замены ее на новую. В отличие от культур цивилизационного порядка в организационных культурах такая волюнтаристская смена системы ценностей очевидно возможна.

Вообще социальную философию П. А. Сорокина вполне можно квалифицировать как аксиологический радикализм. Он подчеркивает ключевую роль ценностей в структуре родового социокультурного явления: «Значения, ценности и нормы являются универсальным компонентом социокультурных явлений и имеют первостепенную важность для понимания структурных и динамических свойств и причинных отношений внутри этих явлений» [6, с. 176]. И в другом месте: «Именно ценность служит основой и фундаментом всякой культуры». Этот тезис сформулирован Сорокиным в книге «Общество, культура и личность: их структуры и динамика», в разделе, который так и называется — родовая структура социокультурных явлений. При этом Сорокин не дает специальных определений понятиям «значение» и «ценность». Видимо, поскольку в родовой структуре социокультурного явления все эти феномены выполняют одну и ту же функцию, как три модуса одного и того же компонента, Сорокин считает достаточным ограничиться этим единым имплицитным функциональным определением без различения специфики трех названных феноменов. Тем не менее такое различие представляется прямо необходимым при построении конкретных моделей организационной культуры.

Феномен ценности может быть концептуально описан через ряд фундаментальных различий: ценность не есть материальный объект, ценность не есть закон, ценность не есть моральная или правовая норма, ценность не есть информация (смысловое значение).

Первое различие можно было бы обозначить как различие Платона, имея в виду различие идеального и материального начала вещи, а также очевидную необходимость отнесения ценности к сфере идей. Если все-таки фокусировать внимание именно на категории ценностей (каковая не исчерпывает видового разнообразия сферы идей), то в качестве примера наиболее разработанного концептуального различения ценности и материального объекта следует привести работу Генриха Риккерта «Науки о природе и науки о культуре» [5].

Следующие два фундаментальных различия ценности — ценность и закон природы; ценность и норма морали или права — систематически осуществлены в кантовских «Критиках». Данные различия вполне можно полагать одной из ключевых тематических линий Критик. «Критика чистого разума» описывает сферу действительности закона природы. «Критика практического разума» — сферу действительности моральной (и имплицитно правовой) нормы. «Критика способности суждения» — сферу ценностей. И именно в сфере ценностей человек обретает совершенную духовную свободу [3].

Последнее фундаментальное различие — ценности и значения — вряд ли могло быть осуществимо в пределах классической философии, оставляющей без внимания семиотическую обусловленность знания. В качестве опыта такого различия осуществим следующий мысленный эксперимент.

Различие значения и ценности ясно усматривается при сопоставлении собственного восприятия неким субъектом и возможности наблюдения актов восприятия значения и ценности, осуществляемых другим субъектом. В отношении себя мы сознаем возможной ситуацию, когда мы опознаем некий материальный объект как знак, но не знаем его значения, но ситуацию, когда мы опознаем некий материальный объект как носитель ценности, но не знаем содержания этой ценности, мы сознаем невозможной. Без знания ценности материальный носитель ценности воспринимается как ординарное явление природы. Наблюдение актов восприятия данных феноменов, осуществляемых другим субъектом, дает принципиально иное соотношение. Наблюдая восприятие ценности другим субъектом, мы вполне можем не знать содержания этой ценности, но по его поведению достаточно легко идентифицируем конкретный материальный объект как носитель ценности. А вот акт восприятия значения другим может вообще остаться не замеченным наблюдателем. В случае если наблюдатель не знаком с самой формой знака, воспринимаемого другим субъектом, он можем не опознать и самого акта восприятия знака. То есть для нас объект, который прочитывается другим, как имеющий предметное значение и смысл, может так и остаться рядовым явлением природы, притом что мы присутствуем при акте этого прочтения.

В самом общем виде поведение другого при восприятии ценности может быть определено как благоговение. Материальный носитель ценности есть символ. И в организации символы, помимо других функций, в первую очередь выполняют функцию побуждения к благоговению, благодаря чему становится возможным начало обустройства эффективного коммуникативного пространства организации [2].

1. Альфред Кизер и Аня Мюлей. Значимость сюжета // Мюллер А. П., Кизер А. Организационная коммуникация. Харьков: Гуманитарный Центр, 2005. С. 178–204.

2. Безгодов Д. Н. «Цивилизация Россия»: опыт проектного подхода в патриотическом воспитании молодежи // Высшее образование в России. 2014. № 10. С. 87–92.

3. Безгодов Д. Н. К проблеме обоснования аксиологического контента организационной культуры // Сборник научных трудов : материалы научно-технической конференции (13–15 апреля 2010 г.) : в 3 ч. / под ред. Н. Д. Цхадая. Ухта : УГТУ, 2010. Ч. III. С. 247–251.

4. Питирим Сорокин: избранная переписка / под ред. П. П. Кротова. Вологда : Древности Севера, 2009.

5. Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре // Культурология. XX век (Антология). М. : Юрист, 1995.

6. Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество : пер. с англ. / общ. ред., сост. и предисл. А. Ю. Согомонов. М. : Политиздат, 1992.

7. Шейн Э. Организационная культура и лидерство. СПб. : Питер, 2008.

8. Шелер М. Избранные произведения. М. : Гнозис, 1994.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

М. В. Ломоносова

Прошлое без настоящего социологической публицистики в России: от революционной публицистики П. А. Сорокина XX века к публичной социологии XXI века

УДК 316.7

В статье рассматривается публицистика П. А. Сорокина на материале его статей, написанных в первые годы во время и после революционных событий. Автор рассматривает особое место публицистики в развитии отечественной социологической мысли, приходя к выводу о формировании потребности в публицистике в социальной ситуации нашего времени.

Ключевые слова: публицистика, революция, власть.

Lomonosova M. V. The past without present in the sociological publicism in Russia: from revolutionary publicism of Pitirim Sorokin of XX century to the public sociology of the XXI century

The article deals with Pitirim Sorokin Publicistics on the material of his articles written in the early years during and after the revolutionary events. The author considers the special place of publicism in the development of domestic sociological thought, coming to the conclusion that the formation of the need for publicism in the social situation of our time.

Key words: Publicistics, revolution, power.

В последнее десятилетие в мировой социологической науке одной из наиболее обсуждаемых проблем является вопрос о той роли, которую играет и должна играть социология в решении наиболее

актуальных вопросов современности. Майкл Буравой (Президент Американской социологической ассоциации в 2002–2005 гг., Вице-президент Международной социологической ассоциации по вопросам национальных ассоциаций), придавший этой проблеме институциональный статус [20], [21], выступает за усиление общественной роли социологии, а его научные работы и публичные выступления имеют серьезный резонанс. Он считает, что мир нуждается в публичной социологии, сдерживающей во имя интересов и ценностей человечества необузданную тиранию государства и рынка. В отечественной социологии ситуация несколько иная, данная проблема практически не интересует профессиональных социологов, отчасти это связано с ее зависимостью в советский период от господствующей государственной идеологии, в постсоветский период от рыночных институтов и их целей, а в настоящий момент зависимость от рынка дополняется все усиливающимся влиянием государства. Поэтому вопросы нравственной составляющей социологических исследований и их общественной ориентации отодвинуты на обочину развития отечественной науки. Периодически вопросы о роли и месте социологии поднимаются отечественными социологами (Н. В. Романовский, Е. Р. Ярская-Смирнова, Д. В. Иванов, Е. А. Здравомыслова, В. В. Козловский и др.). Например, Д. В. Иванов считает, что «философия, история, социология становятся аутсайдерами постиндустриального капитализма...без внимания остаются социальные факты, социальные проблемы, социальная солидарность, изучение которых диктовалось заботой о труде, семье, образовании и т.п.» [7, с. 123]. Тем не менее большинство работ в этой области ограничиваются лишь констатацией проблемы, изучением её причин, но не предлагают способов решения этой ситуации, а зачастую и не поднимают этого вопроса, забывая об исторических традициях отечественной социологии. При этом именно они могут послужить тем связующим элементом, который позволит интегрировать отечественную социальную мысль в обсуждение мировым социологическим сообществом проблем становления публичной социологии.

Р. П. Шпакова в своей статье «Завтра было вчера» отмечала, что «...развиваться в России теоретическая социология никогда не могла

и не может — нет традиций, соответственно, нет преемственности...» [18], эту точку зрения разделяет и А. И. Кравченко [10]. Если существование российской теоретической социологии ещё с момента её зарождения на рубеже XIX–XX веков остается открытым дискуссионным вопросом, то «есть другие жанры, в которых отечественная социальная мысль традиционно сильна и практически действенна» [19]. В данном случае речь идет о социологической публицистике, с которой связана специфика становления социологии в России. Ещё в конце 40-х годов позапрошлого века впервые о социологии заговорили не на кафедрах академических университетов, а в кружке известного публициста, литературного критика и общественного деятеля В. Г. Белинского. Далее социологическая проблематика активно обсуждалась на страницах так называемых «толстых журналов»: Отечественные записки, Русская мысль, Вестник Европы, Русское богатство, Современник и др. Начиная с 60-х годов XIX века, основными объединяющими центрами общественной и политической жизни были «толстые журналы», ежемесячники, имевшие обширные политические и общественные разделы, которые, как паровоз, за собой тянули поэзию и прозу. Именно публицистические разделы задавали «генеральную линию», определяли позицию журнала в кардинальных общественных вопросах, эту линию подхватывали и развивали остальные разделы издания. Вот только лишь отдельный пример истории сотрудничества журнала с ведущими социологами: «Ежемесячный журнал» издавался В. С. Миролубовым с 1913 года и продолжал традиции популярного «Журнала для всех», тираж которого в 1903 году составлял 80 тыс., что для России того времени было абсолютным рекордом. Этот успех был достигнут благодаря точному расчету издателя на провинциальную публику, городскую и сельскую интеллигенцию, грамотных крестьян, кроме этого, Миролубову удалось привлечь к сотрудничеству в журнале таких знаменитых писателей, как А. М. Горький, А. П. Чехов, Л. Н. Андреев, А. И. Куприн, В. В. Вересаев и др. В программу журнала входили также рассказы о путешествиях, жизнеописания выдающихся людей прошлого и современности, научно-популярные статьи по гуманитарным и естественным наукам. Нужно отметить, что В. С. Миролубов, в свое время известный певец — бас

Мариинского театра (пел под псевдонимом «Миров»), потерявший голос из-за болезни, был хорошо знаком с П. А. Сорокиным, их объединяло не только сотрудничество в рамках «Ежемесячного журнала», но и общие социально-политические взгляды. В молодости оба увлекались народническими идеями, а впоследствии примкнули к партии эсеров, Миролубов принимал активное участие в издании эсеровского журнала «Заветы», а Сорокин являлся автором многих статей и рецензий в этом журнале. В 1917 г. Миролубов сотрудничал в газете «Воля народа», которая являлась печатным органом партии социалистов-революционеров и правых эсеров, редактором газеты был Сорокин.

Журналы, которые были столь популярны в XIX–XX веках, бесспорно, сильно отличаются от современных периодических изданий. В основном это обусловлено теми функциями, которые были «закреплены» за журналами. Эти функции можно сформулировать исходя из целей и задач, которые ставил перед собой тот или иной печатный орган, базовыми являются следующие:

во-первых, журналы выполняли функцию просвещения. Так, например, целью «Отечественных записок» было «споспешествовать, сколько позволяют силы, русскому просвещению по всем отраслям»;

во-вторых, интегративную функцию. Журнал являлся базой для формирования общественных движений, объединяя вокруг себя своих единомышленников. Об этом же пишет Л. Д. Троцкий в своей статье «Судьба толстого журнала»: «когда мы говорим о «толстом журнале», как об общественно-литературном типе, то имеем всегда в виду не просто периодически выходящие книжки ... — нет, мы имеем в виду журнал, как духовный фокус известной общественной группировки» [16, с. 301].

Особый период в развитии отечественной социологической публицистики начинается после февральской революции 1917 г., когда Россия утратила традиционную легитимную власть и институты власти, формально оставаясь монархией, но фактически являясь республикой. Февраль открыл перед страной несколько возможных путей развития, включая либерально-реформистский и пролетарско-революционный. Их выбор в условиях политической свободы зависел от предпочтений большинства российского

населения и в конечном счете определялся реальным уровнем его политической культуры, менталитетом народа. Особую роль в этот период приобретает публицистика, оказывая непосредственное влияние на общественное мнение, придавая ему определенное выражение и модифицируя его в ту или иную сторону. Развитие публицистики в России было обусловлено не только политическими событиями, но и общими тенденциями развития культуры. Следует отметить, что научная деятельность Н. И. Кареева, М. М. Ковалевского, П. А. Сорокина, П. А. Кропоткина и многих других ученых, публикующих часть своих исследований в жанре публицистики, совпала с «серебряным веком» не только в искусстве и науке, но и в русской журналистике, которая переживала в начале XX века пору своего расцвета, количественных и качественных изменений. В конце XIX в. Россия выпускала книг больше, чем любая страна мира, а к 1905 г., по выводам Н. А. Рубакина, она заняла первое место в мире по объему печатной продукции на душу населения (около 90 млн экземпляров в год) [6, с. 181]. В этот же период усиливаются процессы политизации социальной жизни общества, происходит поляризация старых и новых политических сил страны, и уже к 1917 г. каждая политическая партия, движение и любая влиятельная группа в обществе имели своё печатное издание. Причем общей тенденцией в развитии информационной службы являлся выход на первое место в журналистике газет, тиражи которых стали значительно превосходить журнальные. Газеты, опираясь на более широкую читательскую аудиторию, выходили значительно чаще журналов и несли самую оперативную информацию, тем самым вытеснив журналы с первых мест информационной службы. Ещё в 1884 г. обер-прокурор Святейшего Синода К. П. Победоносцев, сыгравший особую роль в контроле над журналистикой и литературой страны, указывая на всё возрастающее влияние прессы в общественно-политическом развитии страны, писал: «Газета — с одной стороны — бесспорно в наше время орудие для проведения в публику всякого рода идей, следовательно, и политических, — с другой стороны — орудие спекуляции, дело так называемого гешефта, в коем для приманки покупателей употребляются все средства» [6, с. 174].

Таким образом, Россия в начале XX в. явила миру обилие и разнообразие жанра публицистики. Публицистические произведения публиковались преимущественно на страницах газет и журналов, выходили отдельными брошюрами, помещались в различных сборниках. Самым насыщенным публицистической полемикой был 1917 г. Никогда Россия не знала такого количества публицистической литературы, отражающей смысл и накал политической борьбы. Именно публицистика содержала развернутую аргументацию в пользу тех или иных программных требований одних партий и служила средством критического рассмотрения программ и действий других партий.

Социологическая публицистика — это обсуждение в печати насущных вопросов общественно-политической жизни. Вопросы эти могут быть и предметом научного исследования, но общность предмета не должна вести к смешению области науки и публицистики. Разница определяется прежде всего мотивами: практическим в публицистике и теоретическим в науке; для публицистики изучение, теория всегда лишь средство, ведущее к определенной цели — практическому выводу. Популяризует ли публицист выводы науки или сообщает результаты своего исследования, он делает это не для обучения, а для поучения, не для сообщения знаний, а для воздействия на общественное мнение, политические силы и настроения отдельных социальных групп. Поэтому в область публицистики входят только насущные вопросы, имеющие решающее значение в направлении текущей жизни.

Социологическая публицистика интересна не только тем, что является своеобразной летописью эпохи, прежде всего в ней находят отражение профессиональные и политические интересы авторов, она не лишена субъективного, личного отношения к различным событиям и явлениям. Ярким подтверждением этой мысли является революционная публицистика П. А. Сорокина — одна из блестящих страниц его научного наследия, которая интересна не только тем, что является своеобразной летописью революции. В ней нашла отражение профессиональная и политическая деятельность П. А. Сорокина. Именно на страницах своих публицистических статей ученый-социолог анализирует революцию как социальное явление, пытается

отыскать объективные причины и закономерности происходящих процессов в обществе, тем не менее его публицистика не лишена субъективного, личного отношения к различным событиям и вопросам, что обусловлено принадлежностью П. А. Сорокина к партии эсеров и непосредственным участием в политических событиях 1917 г. В газетах «Воля народа» и «Дело народа», которые являлись печатными органами партии социалистов-революционеров и правых эсеров, а также отдельными брошюрами П. А. Сорокиным за 1917 г. — начало 1918 г. было опубликовано около 100 статей (подписанных как настоящей его фамилией, так и псевдонимами: «В. Вьюгов», «В. В.», «П. С. Римус», «Н. Чадаев»). Кроме этого, поскольку он являлся редактором этих газет, то значительное число редакционных статей принадлежит его перу.

Несмотря на достаточное количество публицистических работ¹ П. А. Сорокина во время и после революционных событий в России и их актуальность, они в массе своей продолжают оставаться вне поля зрения отечественных исследователей. Исключение составляет исследование М. Г. Латышевой «Социологическая проблематика в публицистике Питирима Сорокина» [2], в котором публицистичность представлена как одна из характерных черт российской социологии периода её развития и становления, а также проведён анализ основных направлений публицистической деятельности ученого. Нужно отметить, что именно на страницах публицистических работ П. А. Сорокина представлена эволюция научного осмысления революционного процесса ученым-социологом.

Изначально П. А. Сорокин был сторонником концепции революции, сложившейся в рамках философии Просвещения. В своей статье «Великое освобождение», опубликованной в газете «Дело народа» в марте 1917 г., он писал, что с принятием Временным правительством декрета об отмене сословных, национальных и религиозных ограничений был сделан важный шаг в проведении в жизнь идеала равенства и освобождения личности от различного рода порабощения. Проводя параллели с Французской революцией 1789 года, он считал, что средством для достижения этого идеала

¹ Многие публицистические работы П. А. Сорокина были переизданы в 2000 г. [14].

выступает именно революция, в процессе которой личность отстаивает свои права, причем с каждым моментом истории увеличивается объем прав и свобод отдельной личности. «...Затоптанная в грязь в прошлом, униженная в своём достоинстве, бессильная вначале, прикованная цепями к узким клеткам каст и сословий, в течение истории она (личность) шаг за шагом срывала эти путы, страдала, гибла, распиналась на кресте, сжигалась на кострах, душилась в казематах и ...все же боролась и все же побеждала...» [14, с. 14].

Несмотря на идеологический пафос большинства статей этого периода, в них можно проследить такие установки позитивизма, как безраздельная вера в социальный прогресс и необходимость нормального функционирования основных социально-экономических институтов, а также в достижение социального согласия и равновесия между основными силами (группами) общества: армией, рабочими, крестьянством и буржуазией. Так, например, в своей статье «Возможные конфликты и необходимые выводы» (Дело Народа. 28 марта 1917 г.) П. А. Сорокин приходит к выводу о том, что если в самое ближайшее время правительству не удастся решить основные социально-экономические проблемы, а население страны перестанет воспринимать революцию только как способ достижения максимума прав без всяких обязанностей и не вернётся к своим прежде всего профессиональным обязанностям в новых условиях, то неотвратимо в самом ближайшем времени появление различных кризисов, вплоть до наступления анархии и гражданской войны. Опираясь на объективные факты и показатели социально-экономической ситуации во многих странах Европы и США и не обнаружив среди них даже минимальных предпосылок революции, П. А. Сорокин убедительно доказывает несостоятельность концепции «всемирной революции», на которую опирались члены партии РСДРП при решении основных социально-политических вопросов, в том числе вопроса о прекращении войны.

Как уже было отмечено, в этот период П. А. Сорокин был сторонником системы взглядов на революцию, сложившейся в рамках философии Просвещения и учитывающей исторический опыт предшествующих революций, поэтому в своем анализе он не мог

оставить без внимания вопросы власти и государственного устройства. Опираясь на многочисленные исследования в области теории государства и права, П. А. Сорокин в своей статье «Обязанности власти и обязанности гражданина» (Воля народа. 1 мая 1917 г.) в качестве аксиом использует следующие положения:

В правовом государстве всякий гражданин является участником власти, поскольку он служит делу общественного блага.

В силу этого он несет на себе все права власти, но вместе с ними и все обязанности, вытекающие из принципа социального служения [14, с. 30].

Поскольку, с его точки зрения, Россия перешла от состояния полицейского государства к правовому, то место бесправного обывателя, не несшего на себе ответственности за судьбы всего государства, должен занять полноправный гражданин, имеющий не только все права власти, должностного лица, но вместе с ними и всю ответственность. Тем более что в России право никогда не играло такой роли как на Западе, духовно-нравственная регуляция всегда была более значимой. Например, И. Б. Чубайс отмечал, что «...в прошлом веке большая часть крестьянских бунтов заканчивалась просто-напросто обращением помещика к работникам, то есть “разговором по душам”...» [17, с. 11]. Несмотря на то что революция создала необходимые предпосылки для формирования правового сознания у граждан страны, в реальной жизни П. А. Сорокин наблюдал совершенно иные изменения: в правовом сознании руководителей и широких слоев населения произошел сдвиг, но сдвиг односторонний. «Сознание своих полномочий, сознание своих прав вошло в правовую психику, а сознание связанных с ними обязанностей не проникло вовсе...» [13, с. 31]. Подобные изменения в правовом сознании могут привести, с точки зрения П. А. Сорокина, к полному распаду общества и к анархии, поэтому в статье «Сущность и авторитет власти» (Воля народа. 4 мая 1917 г.), анализируя кризис власти (подробнее о кризисе власти см. [8, с. 458–461]) и опираясь на теорию Л. И. Петражицкого и данные экспериментальной психологии, он даёт следующее определение власти: «...власть — это не что иное, как приписывание определенным лицам — носителям власти — прав приказывать и повелевать, а себе — обязанности

подчиняться, обязанности исполнять эти приказы. Короче говоря, секрет власти — в *психике* человека...» [13, с. 32]. Таким образом, он считает, что частая смена власти приводит к тому, что в сознании населения происходит потеря «авторитета» власти, а в обществе развивается тенденция «недоверия» к власти, её низвержения, её непризнания.

Анализ проблем власти и государственного устройства не случаен ещё и потому, что посредством него П. А. Сорокин подходит к наиболее важной проблеме революционной России — вероятности наступления реакции. В своих публицистических статьях, объединенных в рубрике «Заметки социолога» [4], П. А. Сорокин ставит под сомнение идеалистическое понимание революции и, опираясь на реальные события в стране и исторический опыт других стран, предлагает взвешенный, объективный подход к анализу данного явления. Прежде всего он предлагает следующую схему революционного процесса: «...всякая революция в своем развитии проходит два этапа: в первый период революционный маятник, раскачавшись, сносит все старое и в своем движении вперед достигает своего максимума: затем начинается второй этап: революционный маятник начинает ползти обратно, отдает одну позицию за другой, пока не останавливается на одном из пунктов, довольно далеко от ранее достигнутой максимальной точки ...таковы стадии большинства революций вообще...» [13, с. 44]. Исходя из этой схемы он прогнозирует наступление диктатуры в России, при условии, если правительству не удастся решить ряд основных вопросов: стабилизация экономической жизни, прекращение внутри- и межпартийной борьбы «социалистической части общества». Но самая главная причина, способствующая наступлению реакции, — отдельные вспышки гражданской войны, вызванные недовольством итогами революции широкими слоями населения. Причем П. А. Сорокин опять обращается к психологии в поисках объяснительных моделей. Продовольственный кризис, отсутствие стабильности, такие злоупотребления «свободой», как убийства, грабежи, погромы, поджоги, кражи, привели к изменениям в сознании тех групп населения, которые приветствовали и поддерживали наступление революции. Для Сорокина важным

показателем является появление так называемой эмоции порядка: «Дайте хоть какой-нибудь порядок, пусть скверный, но все же он лучше беспорядка!» — такова эта формула порядка, и теперь уже достаточно явственная и осязательная...» [13, с. 45]. Следует отметить, что уже в публицистических работах этого периода можно проследить влияние отдельных положений коллективной рефлексологии В. М. Бехтерева, в соответствии с которыми именно внешняя среда влияет на нервную систему индивида и тем самым определяет образ его мыслей и действий. В.М. Бехтерев считал, что общество как бы осуществляет социальный отбор, создавая «нравственную личность», и, таким образом, именно социальная среда является источником развития человека. Наследственность же задает лишь тип реакции, но сами реакции воспитываются обществом. Бехтерев отстаивал очень важную мысль о том, что во взаимоотношениях коллектива и личности приоритетной является именно *личность*, а не коллектив. Более детально П. А. Сорокин развивал идеи бихевиоризма и коллективной рефлексологии в своем исследовании «Социология революции». Здесь же важно выделить положения относительно взаимосвязи общества и личности. В начале июля 1917 г. появляются статьи П. А. Сорокина, в которых приведен анализ кризисных явлений в стране [8, с. 461–463] и их возможных последствий. Он даёт следующую характеристику этого периода: «...мы живём в такое время, когда приходится выбирать не между опасностью и безопасностью, не между порядком и беспорядком, а приходится выбирать из многих опасностей — наименьшую, из многих беспорядков — минимальный и наиболее спасительный...» [13, с. 95], поэтому в своей статье «Логичные вопросы и нелогичные ответы» (Воля народа. 11 июля 1917 г.) П. А. Сорокин выдвигает единственную и единую цель для правительства и его членов — спасение страны, страны не как названия, а страны как символа 170 миллионов *живых человеческих личностей*, и эта цель должна быть выше частных интересов. Ради достижения этой цели Временное правительство обязано, с точки зрения П. А. Сорокина, всеми мерами противиться акту Финляндии о независимости, имеет право ограничить конституционные гарантии для большевиков, может ввести какие угодно налоги на капиталы, имеет право не допустить

сокращения числа рабочих часов и т.д. Если в мае 1917 г. Сорокин высказывал только предположения по поводу вероятности наступления реакции, то два месяца спустя он констатирует свершение этого, видя в реакции «трагедию революции» в России. Кроме этого, он уточняет свою схему революции, выделяя уже не два, а три её этапа: «...первый — этап подъема, этап её начала и роста, второй — наступающий после первого — этап обратного поворота революционного маятника. Раскачнувшись влево и достигнув максимального отклонения, он начинает ползти обратно. Третий этап — этап окончательного установления общественного равновесия, закрепления того нового порядка, который представляет среднюю равнодействующую между старым режимом и тем положением революционного маятника, который являлся максимальным его отклонением влево. В зависимости от ряда условий это окончательное положение общественного равновесия бывает ближе то к последнему, то к первому пункту...» [13, с. 97].

На примере событий, свидетелем и участником которых он являлся, П. А. Сорокин показывает, с чего начиналась революция и к чему она пришла. На первом этапе революции были установлены такие пределы личных прав человека и гражданина, каких не знала ни одна страна. Принудительная основа общественного порядка заменена была основой, покоящейся на доброй воле, на полной свободе. Уничтожено было неравенство всех форм и видов: и сословное, и религиозное, и национальное. Амнистированы были и политические, и уголовные преступники. Отменена была смертная казнь. И снова Сорокин обращается к индивидуальной психологии: «...люди опьянели от свободы, вспыхнули тысячи appetitov. Появились тысячи сепаратизмов...Каждый требовал удовлетворения. Ни один не хотел знать, уместно ли в данный момент его требование или нет; вредно ли оно для того *целого, частью которого он является*, или нет...» [13, с. 98]. Далее Сорокин, не вдаваясь в детали внутриправительственной борьбы и анализ действий отдельных личностей, наделенных властью, констатирует наступление второго этапа революции и введение различного рода ограничений свобод: увеличение числа арестов, закрытие газет, замена «аргументов логики аргументами приказов». Он пишет, что «...социологу не интересно,

чьими руками совершается это обратное отбирание даров революции. Ему важно лишь, что это так...» [13, с. 99]. Но важным для него является тот факт, что трагедия революции, как эхо, откликнется в тысячах душ тысячами личных трагедий. Трагедий, заключающихся в том, что это самоограничение революции тысячи революционеров принуждены будут делать собственными руками, будут отрицать то, что утверждали, прибегать к средствам, которые они отрицают. Причем наступление второго и третьего этапов революции в России П. А. Сорокин связывает не с объективными характеристиками протекания данного процесса, а с тем, что значительная часть общества оказалась неподготовленной к предоставленной революцией свободе и злоупотребила ею, установив вместо «порядка свободы» «беспорядок анархии». Кроме этого он обращает внимание на роль политической пропаганды (более подробно см. [14]) как средства влияния на сознание индивидов, групп, общества для достижения определенного результата. Будучи сторонником позитивизма, он считал, что развитие общества, его прогресс зависят от уровня общественного сознания, которое во многом определяется образованием. Поэтому в 1917 г. Сорокин опубликовал около 20 отдельных работ: «Автономия национальностей и единство государства», «Формы правления», «Что такое монархия и что такое республика?», «Проблема социального равенства», «О свободах: неотъемлемые права человека и гражданина» и ряд других, посвященных самым актуальным проблемам и направленных на самые широкие слои населения. Самой показательной является работа «Что такое социализм?», в которой он предпринимает попытку объяснить, в чем заключается сущность социализма. Эта необходимость была продиктована прежде всего осознанием интеллектуального разрыва между народом и интеллигенцией, поскольку 80 % населения оставалось неграмотным, в то время как ещё в конце XIX в. культурная и научная элита России получила всемирное признание. Как отмечают в своём исследовании А. О. Бороноев и П. И. Смирнов, объективной предпосылкой революционных изменений в стране был факт «глубочайшего социального расслоения русского общества, глубочайшего отчуждения между русской элитой и народом, в первую очередь,

отчуждение между дворянством и крестьянством» [3, с. 147]. Поскольку П. А. Сорокин всегда ясно осознавал своё призвание — работу в области просвещения, с одной стороны, а с другой — преследовал определенные политические цели, то появление подобных агитационно-просветительских работ было закономерным явлением.

Итак, в работе «Что такое социализм?» он прежде всего, следуя академическим традициям написания научных работ, дает определение понятия «социализм». Социализм, с точки зрения Сорокина, это *учение о новом, будущем устройстве общества и общественной жизни, совершенно отличном от современного капиталистического уклада*. Поскольку Сорокин осознавал, что для большинства читателей будет недоступным понимание основ социально-философских аспектов марксизма, опуская их, он просто проводит сравнительный анализ между современным устройством общества и его будущим состоянием. Следует отметить, что с точки зрения методологии подобное сравнение недопустимо или, по меньшей мере, некорректно, но с точки зрения политической пропаганды — весьма успешный прием. Тем не менее П. А. Сорокин выделяет три основных различия.

Первое различие заключается в том, что «современное общество построено на начале борьбы одного человека с другим, на начале неравенства людей, а действиями отдельных людей руководит чувство эгоизма» [15, с. 2]. И это состояние общества с неизбежностью должно быть заменено более лучшим порядком, в основе которого лежит принцип достижения не «узко личного», а общего блага путем взаимопомощи и братской любви.

Второе различие между современным и социалистическим обществом заключается в том, что в первом случае неравенство людей «пропитывает всю ткань общества», а во втором случае не должно быть никакого неравенства и каждый человек должен иметь одинаковые права.

Третье, и основное, различие состоит в устройстве хозяйственной жизни народа, а именно в том, что современная хозяйственная жизнь построена на начале частной собственности, а это, в свою очередь, является главной причиной всех недостатков современного общества.

При этом основной акцент этого вопроса П. А. Сорокин смещает в сторону проблемы частной собственности в сфере промышленного производства, доказывая неэффективность капиталистического уклада в экономике отдельных стран и мира в целом. Основные аргументы, которые он приводит в доказательство, заключаются в отсутствии планомерного упорядочивания хозяйственной жизни и в зависимости рабочего от капиталиста, что в итоге приводит к кризисам. Это основное различие является одновременно и главной причиной всех недостатков современного общества, поэтому уничтожение в будущем социалистическом обществе частной собственности, т.е. «обобществление» или социализация фабрик, заводов и других средств производства, приведет к ликвидации классовых различий, к исчезновению вражды людей друг к другу. Сорокин отмечает: «...уничтожение частной собственности введет в жизнь заветы: братства, равенства, свободы и отсутствие угнетения человека человеком» [15, с. 4]. Далее он утверждает, что «...такой порядок осуществим не скоро. До него ещё не созрели люди. Лишь шаг за шагом возможно его воплощение в жизнь. Хотя и медленно, но человечество, несомненно, идет к этому светлому будущему. Хотя и не скоро, но все же социализм наступит. Задача каждого из нас — стремиться к нему и работать в этом направлении» [16, с. 4]. П. А. Сорокин ясно осознавал, что провозглашение идеалов социализма — пустые слова и лозунги, с помощью которых проводилась агитация среди населения, и в своих работах пытался донести до сознания широких слоев населения иную альтернативу развития страны, опирающуюся на достижения революции, с одной стороны, и с другой — на осмысленные и целесообразные реформы. Как уже было отмечено, в это время Сорокин занимал пост секретаря премьер-министра А. Ф. Керенского и ещё надеялся, что созыв Учредительного собрания позволит объединить демократические силы России и избежать угрозы большевизма и анархии.

После событий 25 октября и прихода к власти большевиков П. А. Сорокин продолжает активно публиковать свои статьи и работы, в которых открыто выступает против новой власти, считая её незаконной. В своей статье «Совершено великое преступление» (Воля народа. 26 октября 1917 г.) он, анализируя ситуацию захвата власти

большевиками, приходит к выводу о том, что, поскольку социальный базис поддержки большевиков очень узок, им не удастся удержать власть в течение длительного времени. При этом Сорокин критикует большевиков за то, что они не учитывают интересы самого широкого социального слоя в России — крестьянства (около 85 % населения России). Здесь можно обратиться к трудам известного историка М. И. Ростовцева, который считал, что «проблема русского крестьянства — одна из наиболее важных и трудных проблем в прошлом и настоящем России..., а лихорадочный способ захвата земли и простейший способ её разделения между живущими по соседству с помещьем является ... крайне отрицательным явлением как с моральной, так и с экономической точки зрения и отбросит Россию назад, в шестнадцатый и семнадцатый века, а экономические результаты сделают её легкой добычей для более развитых соседей» [12, с. 187–188]. В свою очередь Сорокин писал: «...большевики ссылаются на волю Съезда Советов. Но, во-первых, там не представлено крестьянство, нет и полного представительства армии. А без голоса *крестьян и армии* какой же съезд может считать свои решения за голос всей страны! ... Фактически переворот означает факт отрыва маленького революционного ядра от всей страны, общее настроение которой не только не подвинулось влево, а напротив, за последние месяцы качнулось вправо. Общая масса, разочарованная и уставшая от политики, впала в общественную апатию и обнаружила склонность к реакции, а не к диктатуре большевиков. Данный переворот — отдельное проявление той анархии, которая охватила страну» [13, с. 173]. В этом с П. А. Сорокиным можно полностью согласиться, так как между Февральской и Октябрьской революциями произошло полное уничтожение государственной власти, поскольку изначально ни Временное правительство, ни Петроградский Совет рабочих депутатов почти никакой реальной властью не обладали. Но оба эти центра больше всего боялись «реакции» и главную опасность видели в армии. Поэтому в первые месяцы после Февральской революции значительные усилия были направлены на ослабление армии. Серьезные последствия повлек за собой так называемый «Приказ № 1», в котором предписывалось всем воинским частям подчиниться выбранным комитетам, оружие передать под их

контроль и не выдавать его офицерам «даже по их требованию». Приказ, положивший конец всякой дисциплине, был санкционирован Временным правительством и Петроградским Советом. Разрушение армии велось непрерывно и целенаправленно. Верховное командование обязали произвести чистку генералитета и уволить несколько сот генералов «консервативных взглядов». В результате армия стала небоеспособной, а во второй половине 1917 г. стало очевидным, что страна воевать не может, наступила полная анархия, в условиях которой власть могла захватить любая радикально настроенная группа.

В 1908 г., ещё задолго до событий 1917 г., Н. А. Бердяев писал: «...после потрясений нашей революции, после всех её неудач, много новых проблем остро ставится перед сознанием русской интеллигенции, о многом теперь приходится тяжело задуматься, и многое кажется теперь не таким ясным и простым, как казалось раньше. Революция с особенной остротой поставила проблему государства и власти. Застарелая ненависть к исторической власти, к данным формам правления и данному правительству мешала ясной постановке проблемы государства и власти в интеллигентском сознании» [2, с. 124]. Если революция 1905 г. «с особенной остротой поставила проблему государства и власти», то революция 1917 г. не только не решила эту проблему, но и обозначила много новых проблем — в том числе и проблему самой революции как социального явления и как средства достижения определенных политических целей. Поэтому все эти проблемы нашли отражение в публицистике и в активном развитии социально-философской и политической мысли России. Если изначально П. А. Сорокин был сторонником системы взглядов на революцию, сложившейся в рамках философии Просвещения, то затем, колоссальный личный исторический опыт, грандиозные события первой половины XX в. — политические изменения, революции, локальные и мировые войны, свидетелем и участником которых он был, — наложили отпечаток не только на публицистику революционного периода, но и на формирование его социологической концепции революции в целом.

Публицистика в целом — сложный источник, поскольку в ней содержатся эмоции, личные впечатления, выпады, оскорбления,

намеки, часто встречается фальсификация фактов. Именно поэтому при исследовании публицистики того или иного автора стоит уделять основное внимание цели, времени и месту того или иного публицистического выступления, а также личности самого автора.

Возвращаясь к общему анализу социологической публицистики, нельзя не отметить ещё один аспект ориентации публицистики на будущее. И здесь опять стоит обратиться к прошлому отечественной социальной мысли. В начале XX века в России наряду с социально-политическими утопиями научно-фантастические романы с утопическими чертами заполнили книжный рынок. Не только такие известные писатели, как А. Куприн, Е. Замятин, М. Булгаков, вдохновлялись великими открытиями в естественных науках, но и многие знаменитые ученые — К. Циолковский, И. Мечников и др. — наряду с научными монографиями и статьями писали популярные очерки и работы, насыщая их утопическими идеями. Несмотря на это, в отечественной науке практически отсутствуют специальные исследования, посвященные утопиям. Рассматривая основные проблемы современной социологической теории и определяя статус социологического знания в гуманитарных исследованиях, Р. Дарендорф особое внимание уделяет именно утопиям. Выделяя общие черты и структурные признаки утопических конструкций, исследователь приходит к выводу, что значительная часть социологической теории обладает этими признаками и «оперирует утопической моделью общества» [5, с. 338]. Он считает, что большинство теоретических подходов «фактически предполагают утопический образ общества, когда к социальным структурам прилагаются категории, характерные для неподвижных обществ» [5, с. 338–339], что наносит заметный ущерб прогрессу социологических исследований, поэтому предпосылка утопического образа общества должна быть заменена реалистичным подходом к анализу социальных структур и процессов. Тем не менее Дарендорф, оценивая роль утопий в обществе, показывает, что история утопий представляет собой историю моральной и политической ветви человеческого мышления, так как их авторы знакомят «свои эпохи с тревогой за недостатки и несправедливости существовавших тогда институтов и ценностей» [5, с. 346].

Следует отметить, что социологическая публицистика в России надолго прекратила своё существование вместе с существованием социологии как академической дисциплины в 20-е годы прошлого века, на короткий промежуток времени вернувшись на страницы средств массовой информации в 60–70-х годах на волне «хрущевской оттепели». Главный редактор «Журнала социологии и социальной антропологии» В. В. Козловский отмечает, что «...в современной российской социологии не предлагается удовлетворительных объяснений и оценок таких феноменов, как доминирующие и альтернативные социальные практики; рост социальных проблем, отчуждение и конфликты этнонациональных и религиозных культур... Жизненно важная социальная тематика требует пристального внимания и осмысления со стороны заинтересованных читателей и авторов. Необходимая для российской общественности и политической сцены экспертиза тонких социальных структур в условиях резких экономических сдвигов, правовых перемен, новых жизненных траекторий поколений только формируется...» [9, с. 6].

Ключевым вопросом в дискуссии современной социологии по поводу места и статуса публичной социологии [1] является в конечном счете извечный вопрос о том, должен ли социолог принимать участие в общественной и политической жизни, а если должен, то каким образом? Может быть, на этот вопрос можно найти ответ, обратившись к историческому прошлому отечественной социологической публицистики? Тем более что М. Буравой отмечает в своих работах наличие реальной потребности в широкой популяризации теорий и концепций теоретической социологии и в критическом пересмотре многих теоретических положений в свете наиболее острых и актуальных проблем современности.

1. Burawoy M. What is to be Done? Theses on the Degradation of Social Existence in a Globalizing World // Current Sociology. Vol. 56. No. 3, 351-359 (2008).

2. Бердяев Н. А. Духовный кризис интеллигенции. М.: Канон+, 1998. С. 124.

3. Бороноев А. О., Смирнов П. И. Россия и русские. Характер народа и судьбы страны. СПб.: Санкт-Петербургская панорама, 2001.

4. Воля народа. Май — Октябрь 1917 г.
5. Дарендорф Р. Тропы из утопии. М. : Праксис, 2002.
6. Жирков Г. В. История цензуры в России XIX — XX вв. М. : Аспект Пресс, 2001.
7. Иванов Д. В. Социология в России: институциональная и концептуальная структура // Российская социология: история и современные проблемы : сб. научных статей, посв. 70-летию заслуженного деятеля науки России, академика РАЕН, почетного профессора СПбГУ А. О. Бороноева. СПб. : Изд.дом С.-Петерб. гос. ун-та, 2007.
8. История России : в 2 т. Т. 2: С начала XIX в. до начала XXI века / под ред. А. Н. Сахарова. М. : Изд-во АСТ, 2005. С. 458–461.
9. Козловский В. В. Социология в российском контексте // Журнал социологии и социальной антропологии. 2005. № 1.
10. Кравченко А. И. Социология мнений и мнение о социологии // Социологические исследования. 1992. № 3. С. 41–48.
11. Латышева М. Г. Социологическая проблематика в публицистике Питирима Сорокина : автореф. дис. ... канд. социол. наук. СПб., 2005.
12. Ростовцев М. И. Политические статьи. СПб. : Наука, 2002.
13. Сорокин П. А. Заметки социолога. Социологическая публицистика. СПб. : Алетейя, 2000.
14. Сорокин П. А. Славянофильство наизнанку. Опьянение от слов // Воля народа. 1917. № 116, 120, сентябрь.
15. Сорокин П. А. Что такое социализм? Пг.: Револ. мысль, 1917.
16. Троцкий Л. Д. Судьба толстого журнала // Литература и революция. М. : Политиздат, 1991.
17. Чубайс И. Б. Как преодолеть идентификационный кризис. Россия в XXI в. // Мир России. 2000. № 2. Т. IX (социология, этнология).
18. Шпакова Р. П. Завтра было вчера // Социологическое обозрение 2003. Т. 3. № 3. URL: <http://www.sociologica.net/s9/09sta2.pdf>
19. URL: <http://csi.sagepub.com/cgi/content/short/56/3/351>
20. URL: <http://pubsoc.wisc.edu/news.php>
21. URL: <https://webfiles.berkeley.edu/~burawoy/PS.htm>

В. А. Сулимов

Социальная антропология познающего субъекта

УДК 130.2

В статье делается попытка показать динамику изменения свойств познающего субъекта в условиях современного общества. На фоне сетевой социальности и временных малых корпораций автор описывает роль факторов сознания. Главную роль в формировании сознания познающего субъекта играют когнитивные состояния. Энергией, которая помогает совершить качественный переход к синтезу смыслов, является различие.

Ключевые слова: *познающий субъект, когнитивные состояния, синтез смыслов.*

Sulimov V. A. Social Anthropology of the knowing subject

This article attempts to show the dynamics of changes in the properties of the knowing subject in today's society. Against the background of a network sociality and temporary small corporations, the author describes the role of the factors of consciousness. A major role in shaping the consciousness of the knowing subject cognitive state of play. Energy, which helps to make a qualitative shift in the synthesis of meanings, is difference.

Key words: *the knowing subject, cognitive status, the synthesis of meanings.*

Предварительные замечания

Целью нашего рассуждения является сопоставление социального и индивидуального в процессе познания, или, иначе, в ходе осуществления индивидуумом когниции — ведущей функции самодеятельного и интеллектуально-ориентированного сознания. Это сопоставление предполагается провести на философско-культурологическом и когнитивно-семиотическом уровнях научной абстракции, используя соответствующие герменевтические и семиотические методики анализа: герменевтическую интроспекцию и когнитивно-семиотическое моделирование виртуальных объектов. Особое место в данной работе занимает попытка встроить когнитивно-семиотическую модель познающего субъекта в систему современной социальности, определяемой как постиндустриальная, сетевая, когнитивно-корпоративная.

Когнитивный социум

Культурно-антропологический анализ человека в социальной культуре современности, охватывающий достаточно большое когнитивно-социальное пространство (от индивидуального сознания до масштабных когнитивно-сетевых образований), демонстрирует активизацию процесса распада единого социального пространства на фрагментированные и неустойчивые микрогруппы, объединенные общим способом организации интеллектуальной реальности индивидуализированного бытия (системой микромифов, семантических обломков текстов — теней и следов, незавершенными произведениями автонаррации и т.п.). Эта фрагментация не может быть абсолютной (до полной внекоммуникативной атомарности) ввиду действия закона обнуления индивидуальности в ситуации отсутствия иных коммуницирующих субъектов. Индивидуальность утрачивает элементарные смыслы именно в отсутствие Иного или со-беседника, предполагающего своим существованием наличие (или=значимое отсутствие) достаточного социально-культурного пространства, насыщенного информационными продуктами, а значит, смыслами, текстами, коммуникативными возможностями. Свойственный человеку как особому био-социо-культурному виду инстинкт поиска истины требует правдоподобия высказывания, верифицируемого только в наличии со-беседника: «Собеседник виртуально требует эффекта правдоподобия именно как со-беседник. Таким образом, субъект речи, расслоенный на говорящего и со-беседника, воплощает в себе единственно возможную географию правдоподобия» [2, с. 143]. Еще более важна автостратификация «нарратива жизни» индивидуума, использующая в отсутствие «большой социальности» приемы социальной ориентации в виде простого социального мимесиса. Создаются устойчивые (или = неустойчивые) социально-коммуникативные группы, корпорации, связанные (а) единым текстовым и/или символическим тезаурусом — интеллектуальной базой формирования индивидуальных картин мира; (б) единым кодом «шифровки», «расшифровки» полезной (новой, ситуативно важной) информации; (в) едиными принципами организации ценностной коммуникативной иерархии (опредетель «новое/старое», «важно/неважно»). Мысль, исключенная из «длинных» нарративов культуры (культурно-исторических парадигм или стилей),

все в большей степени обслуживает корпоративное сетевое взаимодействие индивидуумов: интеллектуальный (или нон-интеллектуальный, если таков уровень индивидуумов) сетевой маркетинг оказывается наиболее удачной метафорой нового «городского» типа когнитивно-информационного «обслуживания».

При этом речь идет не только (а иногда — не столько) о сетевой коммуникации в Интернете, речь идет о событии более сущностном, нашедшем свое выражение в том числе и в Глобальной сети, — сетевой маркетинг повседневности¹. Маркетинг повседневности не только преобразовывает сознание индивидуума, но и выдвигает важные социальные цели, обеспечивающие поступление идей, моделей, интеллектуальных услуг и когнитивных проектов на рынок общества знаний [6]. Главенствующий фактор изменяющейся социальности удачно описал Бруно Латур: «Продолжая метафору супермаркета, мы назвали бы «социальным» не какую-то отдельную полку или отдел, а осуществляемые по всему пространству множественные модификации в организации всех товаров — касающиеся их упаковки, цены, этикеток, — потому что такие незначительные сдвиги раскрывают наблюдателю, какие новые сочетания тут используются и какие пути будут выбраны» [4, с. 92].

Привычность образа (понятия, высказывания, вещи) и непривычность, новизна, неоднозначность его трактовки становятся основой текста и подтекста одновременно: интерпретатор противоречит сам себе в любой момент интерпретации. Даже в том случае, когда он свято верит в торжество правильности и однозначности, интерпретатор стремится *выдать нечто за...*, создать ту искомую новизну, которую в сети воспримут за стоимостную величину, увеличив тем самым конкурентные преимущества предложенного. Общество начинает напоминать кипящую кастрюлю с неоднородным (и часто вообще несъедобным) содержимым, организация которого (как извне, так и изнутри) серьезно затруднена, а любая попытка сформулировать «общую идею» является только толчком к деструкции. Отсюда и усиленный поиск тех социальных стратегий (и=интеллектуальных практик),

¹ В этом смысле культура сетевого маркетинга стала культурой повседневного общения, культурой интеллектуальных практик, культурой управления, культурой производства и распределения, политической культурой, культурой образования, т.е. пронизала все сферы человеческой жизнедеятельности.

которые, используя наиболее древний и хорошо работающий когнитивный механизм индивидуального (и, что очень важно, социального) сознания — мифологизацию, — могут объяснять, моделировать, даже конструировать реальность, преодолевая возрастающую демо-социальную энтропию мира, переводя мифопоэтический акт в разряд понимающего интеллектуального действия.

Одной из таких эффективных стратегий современности является, несомненно, стратегия тотального брендинга, позволяющая включать сложные процессы социальных преобразований (в том числе в важнейших сферах производства символической реальности и производства самого человека) без видимых социальных потрясений и разрушительных «модернизаций»¹. Эту существующую и все более используемую стратегию философско-культурологического осмысления и преобразования мира как системы *человек — символическая деятельность — общество* достаточно подробно и обоснованно описывает Г. Л. Тульчинский [6], на большом количестве примеров показывая: трансформация общества потребителей в общество самодостаточных информационных сетей не только изменило характер социальности, но и существенно деформировало культурно-антропологическую сущность человеческого существа, сделав его (при помощи массовой культуры, массмедиа, сети Интернет, системы профессионального мифотворчества и тотального брендинга) продуктом специализированного мифодизайна. Другими словами, в мире, порожденном символическим бизнесом, формируется и Иной субъект, защищающий себя от страдания сетевой атомарности осознанием особой со-причастности — сопричастности бренду как сверх-Вещи, как авторитетному *Сообщению* демиургического порядка, как источнику правил символического поведения.

Все эти когнитивные трансформации «на грани» можно осмыслить в терминах Ю. Кристевой как борьбу погруженных в избыточную информацию современников с «шизоидным страхом фрагментации» при помощи танатрического «союза с Вещью», субъективно воспринимаемого в виде действенного облегчения [3, с. 28–29]. Это

¹ Как, например, разрушительная «модернизация» отечественного высшего образования и науки, негативные последствия которой будут проявляться, на наш взгляд, еще длительный исторический период.

облегчение в условиях перманентной информационной раздвоенности современного субъекта приносит ему ощущение включенности в процесс, деятельность, наконец, в Вещь, принадлежность вещи, уже принадлежащей субъекту. Вещи придается сущностный — Телосный — смысл, подменяющий личностный смысл неудачного включения в Бытие, а потому — притягательный. Предпочтительность выхода из депрессии при помощи отказа от трудного и часто — трагического индивидуального смыслопоиска в пользу принятия символического мифа Вещи переводит проблему фактического отказа от самообоснования на индивидуально-смысловой основе с индивидуального на социальный уровень, уровень социально оформленной символизированной Мечты. На фоне этой, всегда вещной, но символически представленной Мечты возникает достоверно описанный Г. Л. Тульчинским социально оправдываемый *генератор человеческой субъектности*, который «производит не продукты, не товары и услуги и даже уже не бренды. Он производит собственно потребителей, определенные типы личности и их образ жизни, культуру и ее носителей» [6, с. 27]. Даже если уйти от не всегда корректного преувеличения роли факторов символической экономики в формировании социальности, следует отметить: роль символических элементов социально-экономического пространства значительно увеличивается в условиях сетевого общества. Происходит вещная (или=целевая, телеологическая, так как часто цель представляется как Вещь на фоне некоторой Мечты) дегуманизация человеческого пространства. Закономерности социальной организации, проблемы соотношения глобального и национального, система ценностей и ее трансформации — все это в той или иной степени подчиняется выдвижению и позиционированию системы мифосимволических сообщений/ассоциаций: экономических, политических, интеллектуальных, художественно-эстетических. Более того, перечень ментефактов, устанавливаемых процедурой тотального и разнонаправленного мифопоэтического строительства, можно было бы продолжить в область информационных, воспитывающих и собственно образовательных практик, т.е. выйти за пределы отношений социально-экономического характера — в сферу когнитивного. Важно понять, что мифодизайн как эффективный прием формирования человека заданного типа использовался в истории (на-

пример, в эпоху Средневековья или в тоталитарных обществах XX века), однако лишь в эпоху современности он приобретает характер социальной необходимости.

В любом случае информационное пространство индивидуума требует от него не только параллелизма разнонаправленных процессов понимания и модификации информации, но и серьезной перестройки структуры и функций индивидуального сознания, попытки перейти от преимущественно линейного построения наррации (и автонаррации — построения образа *себя в мире*) к преимущественно симультанному, инсайтному, а значит — сильно метафоризированному и/или концептуализированному представлению *мира в себе*. В этом случае можно предположить, что трансформация социальности в первой половине XXI века обуславливается факторами когнитивно-семиотических изменений сознания индивидуума, к которым следует отнести:

1. Изменение соотношения между оперативной и долговременной памятью в сторону усиления роли оперативной памяти, позволяющей «выводить» в светлое поле сознания одновременно несколько информационно-тезаурусных областей, создавая пограничную смыслообразующую когнитивную ситуацию.

2. Усложнение тезаурусных и причинно-следственных отношений между высказываниями и текстами в потоке мыследеятельности, определяющем обязательный поисковый характер понимания, необходимость привлечения широкого философско-культурологического и предметного контекста для понимания даже элементарного высказывания.

3. Изменение способа формирования картины мира с естественного или автоматического, основанного на миметических свойствах сознания, на искусственный или целевой (телосный), основанный на интеллектуально-исследовательских, собственно когнитивных свойствах сознания.

4. Возрастание роли аутопойесисных, герменевтических и семиотических практик в создании индивидуальных кодов дешифровки информационных потоков и вычленения (автоформулирования) нового сообщения.

5. Переноса лингвоинформационного центра речи с системы диктумов на систему модусов с одновременным падением тематических последовательностей (цепочек).

6. Относительной «открытости» нового для интеллектуального субъекта высокого уровня, переход подготовленного сознания с последовательных моделей получения информации к симультанным, одномоментным, инсайтным, а также к бесконтактной текстово ориентированной коммуникации.

Другими словами, под воздействием измененного индивидуального сознания социальность трансформировалась настолько, что перестала вообще восприниматься как социальность традиционным наблюдателем, предполагающим относительную неподвижность социальных форм, институтов, ценностей и отношений. При этом современная социальность как объект и проблема полностью соответствует эпохе новой когнитивно-семиотической реальности — континуальной, предполагающей наличие открытого интеллектуального (информационного, когнитивного, тезаурусного) пространства и распределенного в интеллектуальном пространстве субъекта, способного к интертекстуальным и образно-ассоциативным реминисценциям, разнонаправленным и разнородным информационным инвазиям сетевого типа, инсайтным типам продуктивных интеллектуальных практик. Только в этом случае познающий субъект обнаружит способность захватить и присвоить (а затем — и постоянно трансформировать, адаптируя к новым «правилам игры») один из множества узлов символических связей большой социально-информационной сети, обеспечив себе достаточный уровень когнитивно-семиотического существования. Конечно, этот новый познающий субъект должен обнаруживать и свои новые основания.

Основания познающего

В условиях новой социальности возникает проблема измененных оснований познающего субъекта. Познающий субъект в ситуации сетевого распределения и, соответственно, сетевой неопределенности информации оказывается перед задачей перманентного создания *временного кода* понимания. Это особый код — код, конструируемый сознанием на период восприятия *Данного* как всегда *Нового*, в каком

бы виде *Сообщение* не представало в информационном потоке. В отличие от онтологичности постоянного кода познания, детерминированного научными или повседневными устойчивыми картинами мира, концептуальными или ассоциативными (часто сакрализированными) высказываниями (текстами), продолжающимися во времени социально-культурными мифами, *временный код* познания всегда телеологичен. Он направлен на познание себя-в-мире и мира-в-себе в качестве условия поддержания информационного равновесия между Данным, Новым и Полученным в потоке информации. Вместе с тем познание по-прежнему неотделимо от познающего субъекта. Эту сложную ситуацию причинно-следственного характера можно было бы представить в простом триединстве (познающий субъект — мир — познаваемая сущность), если бы она не преобразовалась в результате эволюции в другое сложное процессное единство. Опираясь на анализ М. Хайдеггера, допустим, что основу такой процессности составляет неустранимая бытийность познания: «Даже если бы пришлось определять бытие-в онтологически первично из *познающего* бытия в мире, то и тут первой неперменной задачей встала бы феноменальная характеристика познания как некоего бытия в мире и к миру» [7, с. 60]. Процесс познания, показанный М. Хайдеггером в виде двуединого движения сознания бытийствующего субъекта («бытия в мире и к миру»), нуждается в уточнении и внутренней регламентации, что сам же М. Хайдеггер осуществляет, выстраивая некоторую иерархию *когнитивных состояний*. Эту иерархию когнитивных состояний познающего субъекта можно представить в виде следующей нестрогой последовательности:

(а) первичное когнитивное состояние — присутствия («...само познание заранее основано в уже-бытии-при-мире как сущностном конститутиве бытия присутствия»);

(б) последующее когнитивное состояние — захваченности («Бытие-в-мире как озабочение озабоченным миром *захвачено*»);

(в) фокусирующее состояние — вглядывания (или=концентрации) («Это вглядывание есть всякий раз определенное взятие направления на ..., прицеливание к наличному. Оно заранее заимствует у встречного сущего «точку зрения»);

(г) качественное состояние (состояние когнитивной рефлексии) — внятия («Внятие имеет способом своего осуществления *рассмотрение и обсуждение* чего-то как чего-то»);

(д) текстообразующий уровень когниции — уровень *удержанного высказанного* («Внятное и определенное может быть высказано в суждениях, как такое высказанное удержано и сохранено» [7, с. 61–62]).

Фактически мы имеем дело с моделью информационно-текстовой деятельности сознания, которая укладывается в рамки классической триады интеллектуально-текстовой деятельности А. А. Потебни (перцепция — апперцепция — продукция) с той разницей, что дает гораздо более обоснованный и детализированный портрет познания как сложного когнитивного феномена. Характерным для модели когнитивных состояний, предложенной Мартином Хайдеггером, является его временная полихромность: последовательное развитие первичного когнитивного состояния *присутствия* в фокусирующее состояние *вглядывания* спонтанно прерывается в момент качественного преобразования — приобретения субъектом когнитивного состояния *внятия*. Это новое качество содержит в себе важный информационный элемент — смысл, переводящий процедуру получения информации в качественно иную процедуру — осмысления информации. Качественный переход *получение информации — осмысление информации* есть в конечном счете переход от речевосприятия / речепорождения к текстовосприятию / текстопорождению, соотносимый с фундаментальными свойствами мира (физическими и семантическими), в том числе правилами трансформации полевых структур (коммуникативности, спонтанности и когерентности) в сверхполевые ассоциации. На свойство текста возникать в результате спонтанности индивидуального осмысления (реинтерпретации «состояния поля») указывал, в частности, В. В. Налимов: «Семантический текст всегда *индивидуален*, он несет свои собственные смыслы, отличные (по селективной значимости) от других текстов. Тексты, несущие семантику, могут быть корреляционно связанными, образуя статистические структуры высокой размерности» [5, с. 68]. Следует предположить, что интеллектуальные структуры высокой размерности, содержащие большое количество разнородных и обязательно реинтерпретируемых индивидуумом текстов есть интеллектуальное пространство современной культуры,

возникшее как важный элемент современных сетевых коммуникаций (в том числе — межличностных и информационных) и реализующее задачу бытия в ней познающего субъекта. Можно обоснованно предположить, что «пусковым моментом», моментом активизации индивидуального сознания в ходе его трансформации из созерцающего в познающее является момент перехода «получение информации» — «осмысление информации, закрепленное историей развития социально-культурных институтов и когнитивно-семиотических средств».

Иерархия когнитивных состояний и особенно наличие главного качественного перехода в этих состояниях (получение информации — осмысление информации) представляет собой только часть *оснований познающего*. Другая его часть — это понимание собственно феномена *сознания* как онто-телеологически оправданного присутствия человека, уже отмеченного способностью понимать (или ощущать) смыслы в актуальном пространстве культуры, здесь и сейчас, в ситуации становления реальности¹. Очевидное «обострение» актуальности восприятия любой смыслоориентированной вещи (или текста культуры) произошло в эпоху Пост (постиндустриальности, постмодерна, постчеловеческого и т.п.). Ж. Деррида, хорошо прочувствовавший и осмысливший трансформации конца XX века, показал здесь присутствие разорванного индивидуального сознания как принцип обновленного социального: «Подобно тому, как категория субъекта не может и никогда не могла мыслиться без отсылки к присутствию..., так и субъект как сознание никогда не мог заявлять себя иначе как присутствие для себя. Привилегия, отдаваемая сознанию, следовательно, означает привилегию, отдаваемую присутствующему в настоящем; и даже если описывать с той глубиной, которой достигает Гуссерль, трансцендентальную темпоральность сознания, именно «живое настоящее» наделяется силой синтеза и беспрестанного собирания следов» [1, с. 39]. Синтез теней и следов интеллектуального действия, произведенного в высказывании, тексте или дискурсе («текущей», процессной разновидности текста), становятся доминантным способом освоения когнитивной системы «себя-в-мире» / «мира-в-себе» в виде осмысляемой картины мира, отличающейся метафоричностью,

¹ Всегда становления, потому что история (как и любое другое проявление сознания) есть результат актуальной интерпретации.

концептуальностью и обязательной соотнесенностью с интериоризированным тезаурусным основанием (багажом), даже в том случае, когда он предельно мал. Достаточно здесь указать на всем хорошо известное явление: весьма интересные и глубоко метафоричные высказывания детей раннего возраста, ставящих в тупик взрослого наблюдателя. Вероятно, в этом случае мы имеем дело с «чистым» проявлением когнитивного синтеза, не замутненного набором социально-оправданных миметических по своей природе речевых штампов. Такое сознание «напрямую» соединяет текстовые следы и тени (полученные в «подслушанных» и по-своему понятых — «внятых» высказываниях взрослых) в единую синтетическую речемыслительную ситуацию, всегда находящуюся на грани или за гранью устойчивой (еще очень маленькой) картины мира, а потому — выходящую за рамки обыденного — в зону смыслообразования. Нарастающий вал социального мимесиса (в виде социальных кодов общения, в том числе — педагогического) гасит способность чистого синтеза, делает индивидуальное сознание не только информационно зависимым, но и инертным к самостоятельному смыслообразованию, процедуре, явно запрещенной в жесткой образовательной системе. Вместе с тем отсутствие социального мимесиса в виде парадигмы текстов культуры, оформленных в виде активно используемого индивидуального тезауруса, также негативно влияет на развитие индивидуального сознания, прекращает процедуру интеллектуального выбора как основания синтеза смыслов. «Сцилла» деиндивидуации и «Харибда» деинтеллектуализации — вот пределы потока развития *понимающего индивидуума в интеллектуальную личность*.

Современный мир есть мир предельно информационно насыщенный. Вхождение и сохранение себя в информационном (и тем более — интеллектуальном) пространстве современности — задача, требующая использования надежного источника *смыслопоисковой* деятельности, своеобразного энергетического стимулятора синтеза смыслов (нового знания, новой информации). Таким энергетическим источником в конце XX — начале XXI веков стала показанная Ж. Дерридой доминантная логико-семиотическая операция «различания», которая, относясь к потенциальному или бессознательному, тем не менее является важной операцией для сличения бытия и сущего, не

совпадающих по фазам восприятия/понимания. Находясь всегда на границе, *различание* есть несомненный стимул к пониманию и, следовательно, к когнитивному синтезу (на основании когнитивных следов и когнитивных теней) в ситуации поиска смыслов и сущностных характеристик наличного: «Повсюду различае (различание — В.С.) расшатывает именно господство сущего... Именно определение бытия как присутствия или как сущности вопрошается, следовательно, мыслью о различаи» [1, с. 44].

Попытка предварительного осмысления

Сознание выражается сквозь призму высказывания (текста), а текст — всегда результат интерпретации — т.е. различания. Когнитивный синтез сохраняется и доминирует в развитии человека при условии перманентной интеллектуальной текстовой деятельности, позволяющей всякий раз включать эффект различания в процессе интерпретации. Качественные когнитивные состояния усиливают свое воздействие на социальное пространство, преобразуя узлы информационной зависимости сетевого общества в узлы интеллектуального взаимодействия. Происходит все более быстрая смена временных коммуникативных кодов, открывающая перспективу нового универсального когнитивного состояния — направленности на постоянное интеллектуальное действие (активизированное различание). Так, по нашему мнению, окончательно становится феномен познающего субъекта. Дальнейшие изменения пока не видны за пеленой непроясняемого будущего.

-
1. Деррида Ж. Поля философии / пер. с фр. Д. Ю. Кралечкина. М. : Академический проект, 2012.
 2. Кристева Ю. Семиотика: Исследования по семанализу / пер. с фр. Э. А. Орловой. М. : Академический проект, 2013.
 3. Кристева Ю. Черное солнце: Депрессия и меланхолия / пер. с фр. М. : Когито-Центр, 2010.
 4. Латур Бруно. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию : пер. И. Полонской. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2014.
 5. Налимов В. В. В поисках иных смыслов. 2-е изд. СПб. ; М. : Центр гуманитарных инициатив, 2013.

6. Тульчинский Г. Л. Total Branding: мифодизайн постинформационного общества. Бренды и их роль в современном бизнесе и культуре. СПб. : Филологический факультет СПбГУ, Факультет свободных наук и искусств СПбГУ, 2013.

7. Хайдеггер М. Бытие и время / пер. с нем. В. В. Бибихина. М. : Академический проект, 2013.

И. Е. Фадеева

Антропология современности: экзистенциальная рефлексия и социальный вакуум

УДК 130.2 + 304.2

Статья посвящена анализу культурно-антропологических аспектов современной социальности. Автор обращается к парадоксам экзистенциального и социального, ставших особенно очевидными в начале XXI века. В статье делается вывод о появлении новой социокультурной реальности — «смерти адресата», которая является следствием гиперкоммуникативности и гиперсоциальности современной социокультуры.

Ключевые слова: социальность, коммуникация, адресат, экзистенция, экзистенциальная рефлексия, трансцендирование.

Fadeeva I. E. Anthropology of modernity: the existential reflection and social vacuum

This article analyzes the cultural and anthropological aspects of modern sociality. The author refers to the paradox of existential and social, which became especially apparent at the beginning of the XXI century. The article concludes that the appearance of new social and cultural reality — “the death of the recipient”, which is a consequence of hyper-communicativity and hyper-sociality of modern social culture.

Key word: sociality, communication, the addressee, existence, existential reflection, transcendence.

Введение в проблему

В своем знаменитом письме В. П. Боткину в сентябре 1841 года как всегда романтически настроенный В. Г. Белинский писал: «Социальность, социальность — или смерть! (...) Прочь же от меня блаженство, если оно достояние мне одному из тысяч! Не хочу я его, если оно у меня не общее меньшими братьями моими!» [3, с. 69]. Сегодня, почти через два столетия, ситуация не сильно изменилась: необходимость социальности и проблематичность ее реализации остается дилеммой любой социокультуры. В то же время для понимающего взгляда наблюдателя очевидны и серьезные изменения социального пространства, произошедшие к началу XXI века. Одной из теоретических позиций, учитываемых в данной статье, является понимание социального пространства П. Бурдьё, согласно которому его структура определяется структурой социальных позиций актора и наблюдателя. С этим связана актуальность исследований в области социальной и культурной антропологии, направленных на выявление когнитивных и персонологических качеств современного человека, находящихся на пересечении социального и индивидуального — экзистенциального. Иными словами, социально- и культурно-антропологические процессы могут и должны рассматриваться в контексте социальных трансформаций (как и наоборот, социальные трансформации — в контексте антропологических изменений). С этой точки зрения парадоксы современной социальности являются одним из проявлений социальной и культурной антропологии, представляя собой в то же время одну из универсалий историко-культурного процесса.

Методологическим основанием этой статьи является культурологическая герменевтика современной социокультурной феноменологии и, одновременно, направленных на интерпретацию этой феноменологии герменевтических исследовательских практик.

Человек в поле сетевой социальности

Появившиеся в конце XX столетия понятия сетевой социальности, киберкультуры (развернутое описание которой см. Дери [6]), «e-culture» (А. М. Рончи [1]), связаны с попытками формирования новых представлений не только о культуре и искусстве в век технической воспроизводимости, но и прежде всего о человеке в пространст-

ве сетевых коммуникаций. Новая — сетевая — реальность создала основание для пересмотра ряда позиций философско-антропологического и социально-антропологического знания. В этом смысле показательной является книга французского антрополога и философа Ж.-М. Шеффера «Конец человеческой исключительности» [11], автор которой, анализируя традиционные определения человека, утверждает: «“Культура” не трансцендентна биологии человека, она составляет один из главных ее признаков» [11, с. 168], притом что «социальный образ жизни не образует человеческой специфики» [11, с. 217]. Говоря иначе, культурные, а не природные и не социальные факторы определяют феномен человека, и это, по мысли Шеффера, снимает оппозицию природы и культуры [11, с. 227]. Но остается вопрос: является ли в этом случае сетевая социальность органическим порождением феномена человека или она представляет собой новую когнитивную и экзистенциально-психологическую реальность, свидетельствующую о радикальных антропологических изменениях?

Противоречивость трактовок и возможных интерпретаций осложняется еще одним фактором — фактором массовой культуры, которую вопреки сложившимся трактовкам не следует рассматривать как поле действия неких демонических сил, самой своей природой предназначенных для разрушения «высокой» культуры. Массовая культура — социально-культурный адаптер, приспособливающий «высокое» к общепринятому (и наоборот), создающий когнитивные модели семиотических трансформаций, выполняющий функции социокультурной медиации — снятия крайностей бинарной оппозиции высокого и низкого, центра и периферии. Кроме того, массовая культура — слепок тех глубинных изменений, которые происходят в культуре и обществе, пена на гребне волны, под которой при внимательном рассмотрении обнаруживаются те же процессы и механизмы, что и на ее часто мутной поверхности. Ее противоположностью является вовсе не элитарная культура, как это полагалось во время Хосе Ортеги-и-Гассета. Противоположностью масскультуры является культура, персоналогически ориентированная, адресант и адресат которой — *экзистенциальный* человек как антипод *овнешненного* индивида массовой культуры. Но обе части социокультурного целого порождают сходные или просто тождественные интеллектуальные, художест-

венные, социальные практики, когнитивно и аксиологически разнообразные (среди которых назовем практики концептуализации, символопорождения, художественного, когнитивного и социально-культурного моделирования). Их предельным основанием является *экзистенциальный опыт* и *экзистенциальная рефлексия*, вне которой оказывается невозможным продуцирование текстов и порождение смыслов.

Понятие экзистенциального опыта, по-разному толкуемое представителями европейского и русского экзистенциализма, очевидно требует более подробного описания. Следует, видимо, оттолкнуться от известного суждения О.Ф. Больнова, отметившего, что единого определения экзистенциальной философии нет, а есть варианты экзистенциализма К. Ясперса, М. Хайдеггера, Ж.-П. Сартра, а также экзистенциализма Р. М. Рильке или Ф. Кафки: «собственно, “чистой” экзистенциальной философии не существует вовсе» [4]. Однако, прослеживая разнородные практики экзистенциального самообоснования и экзистенциальной рефлексии, возможно обнаружить связывающие их когнитивные и семиотические механизмы, проступающие в качестве остатка при процедуре, обратной процедуре эйдетической редукции классической феноменологии — движение от эссенции к экзистенции, но к экзистенции, уже очищенной от случайностей эмпирического бытия.

Экзистенция предстает как принципиально переходное состояние «я», сутью которого является акт трансцендирования — самотрансцендирования этого «я». «Я существую не просто как бытие, — пишет К. Ясперс, — но как бытие, которое относится к себе самому и потому к своей трансценденции» [12, с. 114]. Сложность современной ситуации заключается в радикальной несовместимости экзистирующего человека и коммуникативного пространства, не позволяющего индивидуальному сознанию реализовать возможность самотрансценденции. Ускорение темпа жизни, отмеченный З. Бауманом «реванш кочевничества», кризис идентичности и продуцируемая им множественная идентичность, коррелирующая с фактом децентрации субъекта, обилие деловых коммуникаций (следствием которого становится трудовоголизм как форма существования индивида, желающего объять необъятное в стремительно расширяющемся информационном поле), необходимость одновременно решать множество профессиональных

задач — все это лишает индивида когнитивной и личностной свободы, заставляя вспомнить известное выражение «о душе подумать некогда». Индивид оказывается одним из узелков сети (социальной, профессиональной, научной, корпоративной), притом что исчезновение одного из таких узелков не становится катастрофичным для сети в целом (см. [9, с. 63]): индивидуальное поглощается социальным. «Захваченность человека социумом» не предлагает индивиду «ничего иного, кроме как видеть себя через призму другого» [7, с. 49], и с этим утверждением И. Т. Касавина нельзя не согласиться.

На первый взгляд здесь обнаруживается явное противоречие по отношению к одной из магистральных идей XX века: к идее диалога и самообоснования индивида в диалоге с «ты», «другим», к идее трансцендирования собственного «я» в «я» другого как акта «встречи с ты» [10]. И поскольку источник культурогенеза (семиозиса) — экзистенциальная рефлексия — оказывается возможным при трансцендировании «я» в иное («...Я есмь экзистенция, — утверждает К. Ясперс, — лишь заодно со знанием о трансцененции как той силе, благодаря которой я собственно и есмь как самость» [12, с. 54]), прекращение трансцендирования оборачивается прекращением семиозиса и культурогенеза. Трансцендирование — акт «встречи» с другим «я», когда происходит конституирование «я» как точки сосредоточения экзистенциального опыта: «трансцендирование “во-вне”» становится «трасцендированием “во-внутри”» [10]. Однако при доминировании взгляда «другого», подавляющего или не дающего возможности обращения к себе, происходит поглощение индивидуального социальным и обезличивание коммуникации.

На самом деле обезличенность коммуникации — следствие переполненности коммуникативного поля акторами коммуникации — *гиперкоммуникативность* и *гиперсоциальность* (особенно очевидные в социальных сетях) влекут за собой деперсонологизацию коммуникативного взаимодействия. Парадокс гиперкоммуникативности и распада коммуникации оборачивается не прекращением коммуникации, но ситуацией *смерти адресата*. Адресатом коммуникации в ЖЖ, Facebook или «В контакте» становится неограниченное количество пользователей, добавляемых сетью вне зависимости от желания отдельного человека, которому достаточно использовать соответст-

вующую функцию, чтобы стать членом сети. В конечном счете коммуникация становится вновь и вновь воспроизводимой коммуникативной инверсией, адресат и адресант совпадают в своих ментальных и физических характеристиках. Сетевая коммуникация в ее маскультном варианте повторяет ситуацию средневекового карнавала, описанную М. М. Бахтиным: в карнавале нет зрителя и актера, в карнавале живут. И, как следствие, индивид теряет возможность фокусирования взгляда из глубин себя-внутреннего, становясь *овнешненным* человеком, или, в терминологии М. Хайдеггера, *Das Man*.

Вместе с тем именно в рамках сетевой коммуникации возникает то, что один из основателей теории сетевого общества — Б. Уэллман — назвал «сетевым индивидуализмом» (см. [2]), рассматриваемым им как возможность для индивида выстраивать собственные коммуникативные сети, а значит, дающим возможность экзистенциальной рефлексии как проявления индивидуальной деятельности сознания.

На фоне этих противоречивых фактов не может не быть вновь заданным вопрос о субъекте, «похороны» которого, как и возможности его воскрешения, уже состоялись. Именно субъективность является источником символического обмена, постоянно вступая в противоречие с социально признанными коммуникативными практиками. Погруженный в пространство массмедиа, овнешненный человек теряет возможность фокусирования взгляда из глубин себя-внутреннего и поэтому трансцендирования своего «я» в «я» «другого», связанного не только с процессом репрезентации некоего неопределенного экзистенциального состояния вовне, но и с процессом, как пишет Б. Гройс, «репрезентации *внешнего во внутреннем*» (*выделено мной. — И. Ф.*) как началом рождения «мечты о бесконечности» [5, с. 12]. Таким образом, возможность рефлексии, направленной на «я», оказывается способом выражения этого «я» *вовне* — в текстах и в индивидуально производимых культурных кодах. В результате коммуникативные процессы в двойном ракурсе их рассмотрения — в ракурсе массовой культуры и в рамках культуры персонологически и экзистенциально ориентированной — так или иначе упираются в проблему соотношения «внешнего» и «внутреннего»: означающего и смысла, текста и мысли, речи и интенции, между которыми нет однозначной и заранее социально легитимированной связи. «Откровенность,

— пишет Гройс, — не связана с референциальностью знака и, следовательно, с проблемой “соответствия знака и референта”. Откровенность относится не к сигнификативному, а к медиальному статусу знака — к тому, что скрывается за этим знаком» [5, с. 60].

Между тем сетевая социальность с ее, казалось бы, гипертрофированной «откровенностью» (пример чему не только ЖЖ, но и коммуникативные практики социальных сетей в целом, балансирующих на грани вуайеризма/экзгибиционизма) на деле оказывается предельно закрытой, непроницаемой формой коммуникации, не только не дающей возможности самотрансценденции индивидуальному «я», но и пресекающей такие попытки. Это означает распад коммуникации, как и связанный с ней процесс деструкции семиозиса (тексто- и смыслопорождения, культурогенеза): отсутствие означаемого (экзистенциальной рефлексии) приводит к невозможности означивания и, следовательно, к прекращению символического обмена как основания социальности. Поглощающая индивидуальное сознание социальность все более уводит индивида от акта «встречи»; обезличенность коммуникации, внешне проявляясь как гипертрофия социальности, становится ее разрушением, не давая индивидуальному сознанию возможности трансцендирования.

Экзистенция — «темная основа самобытия, потаенность, из которой я выхожу навстречу себе» [12, с. 57], представляет собой бесконечный по своей природе путь к собственному «внутреннему» и в то же время — путь «вовне», прояснение в репрезентирующих формах непроященного темного поля. Современная культура, исключившая трансцендентные основания из сферы своего самообоснования, а вместе с ними и столь значимое для культуры прошлого чувство бесконечного, обусловленное в досекулярном обществе религиозной трансценденцией, оказывается лишенной фундаментальных онтологических оснований. В XX столетии аналогом религиозного трансцендирования становится пограничная ситуация, попадая в которую, индивид получает возможность «выхода к себе». В результате в относительно благополучном мире культура оказывается перед дилеммой утраты смысла и «конца истории» (истории как когнитивно-семиотического и экзистенциально-персонологического процесса смыслопорождения = культурогенеза) вследствие торжества унифи-

цированного человека — или целенаправленного производства пограничности (что, как следствие, не может не привести к полной дегуманизации социосферы). Дилемма заключается в следующем: в основании семиозиса (культурогенеза) может находиться индивид в экзистенциальной пограничной ситуации, трансцендирующий свое «я» в «иное» — переживающий свою трансграничность с *иным*, но в то же время искусственное производство пограничности оборачивается катастрофами, бедствиями, индивидуальными девиациями.

В результате мы наблюдаем неразрешимое противоречие современной социокультурной сферы. С одной стороны, трансцендирование и самотрансцендирование индивидуального «я» как порождение в процессе символического обмена культурных кодов (лишь частично совпадающих с когнитивно непроясненными состояниями) может быть только результатом экзистенциальной рефлексии. Но с другой — наличие экзистенциальной рефлексии блокируется социумом и самим индивидом. В этой связи нельзя не упомянуть показательный факт зрительской оценки новой киноленты С. Звягинцева. Реакция зрителя на фильм «Левиафан», получивший, как известно, международное признание, оказалась скорее негативной. И дело, как представляется, не только в том, что за неореалистической стилистикой киноленты зритель, включенный в парадигму нового идеомифа, увидел некую враждебную идеологию, но прежде всего во внутреннем механизме «запрета на пограничность», сформированном в постсоветском человеке долгими годами тоталитарного прессинга и ситуацией «лихих девяностых». Налицо, на наш взгляд, убедительный пример конфликта социального и экзистенциального: экзистенциальный опыт и экзистенциальная рефлексия киноленты вступили в противоречие с формируемой новой российской реальностью социально: индивидуальный культурный код, порожденный экзистенциальной рефлексией, оказался «несимметричным» обобщенным кодам массового зрителя. Бегство от онтологической тревоги приводит к подавлению субъекта с его экзистенциальной рефлексией; вместе с исчезновением субъекта «исчезает всякая угроза — а вслед за ней и онтологическая тревога» [5, с. 31].

Отсюда вытекает и другое противоречие. С одной стороны, социальность становится возможной только в случае наличия универсаль-

ных культурных кодов, но с другой — именно общность социально легитимированных кодов культуры определяет невозможность радикального обновления / приращения смысла, замыкая информационные процессы в инверсионные ловушки вечного возвращения. В то же время в рамках самой массовой культуры возникает и противоположное движение: погруженный в пучину тотальной медиализации социального и культурного пространства, индивид не может оставаться на его калейдоскопически изменяющейся поверхности, сознание стремится выстроить этот пестрый и «безумный, безумный, безумный мир» в привычных парадигмах знака и значения, значения и смысла, порождая то, что Б. Гройс называет «подозрением». Следуя парадоксальной логике Гройса, убедительность которой не вызывает сомнений, субмедиальное пространство (пространство внутренней «начинки» медийной поверхности — в широком понимании медийности как наличествующего «внешнего») — это «пространство субъективности, поскольку субъективность — не что иное, как чистое, параноидальное и одновременно неизбежное предположение, что позади видимого скрывается что-то невидимое», и именно субмедиальное пространство «оказывается пространством субъективности *par excellence*». И субъективность — это конструируемое на основании «подозрения» субмедиальное, то есть то, что стоит за медиа как средством или знаком (в том числе и речь «другого») [5, с. 25].

Страх перед пограничностью находит свое выражение в одном из относительно новых явлений современной социокультуры: в движении «кидалтов». Кидалт — это игровая практика присвоения взрослыми моделей поведения, характерных для детей, которая, по мысли большинства исследователей, основана на изменении возрастных границ (подробнее см. [8]). Такая ситуация, на наш взгляд, может иметь и другие, более глубинные объяснения. В частности, игровые практики (игры в «солдатики», военные или исторические игры) не только создают формы легитимации посредством создаваемых мифов и формирования на этом основании идентичности, как справедливо пишет М. А. Манокин, но и являются средством бегства от экзистенциальной тревоги, трансформируя индивидуальный экзистенциальный смысл в коммуникативные игровые практики. Бегством от экзистенциальной тревоги являются и современные формы комиче-

ского, предстающего — особенно в сфере масскульта — в телесно-низовых формах. Доминирование комического в его наиболее архаичном облике как бы провоцирует индивида на спонтанные психофизиологические реакции: не смех, а хохот — реакция на комизм современных медийных развлекательных программ, усиленный при этом известным приемом закадрового смеха. Вымывание индивидуально-личностного (или, тем более, интеллектуально-когнитивного) аспекта из сферы комизма делает закадровый смех своего рода эрзац-коммуникацией: необязательность зрителя превращает адресанта комического message в его квазиадресанта.

Казалось бы, противоположную роль в медийном пространстве играет эксплуатация ужасного в его различных вариантах: от космических пришельцев и разного рода монстров до нагнетания жестокости и насилия. Однако и здесь происходит подмена экзистенциального состояния заботы, тревоги или одиночества нарочито кровавыми сценами, где смерть — не экзистенциальное событие, символически удваивающее экзистенциальную тревогу адресата, а элемент игрового нарратива, к которому оказывается неприменимой строка из стихотворения английского проповедника XVII века Джона Донна: «...никогда не посылай узнать, по ком звонит колокол: он звонит по тебе» ...

Таким образом, анализ разных слоев современной социокультурной реальности позволяет обратить внимание на формирование относительно новой феноменологии — феноменологии *смерти адресата* и *социального вакуума*, не дублирующей известную ситуацию смерти автора, но, скорее, противоположную ей: экзистенциальная глухота не позволяет разглядеть в культурных текстах и информационных messages интертекстуальную игру и гипертекстуальные основания. Коммуникативное пространство сегодня, как и характерные для нашего времени социальные практики (профессиональные, корпоративные, повседневные), предоставляет множество примеров смерти адресата как вполне наблюдаемой феноменологии: это безадресность СМИ (выполняющих посыл политических или бизнес-группировок), превращение пиар-акций в подлинную реальность, убедительную в первую очередь для самих производителей пиар-message, бюрократи-

ческий «документооборот», караоке, деперсонологизация хохота (в том числе закадрового смеха), ужаса и смерти.

Заключение

Из этих безрадостных наблюдений, казалось бы, должны последовать безрадостные выводы. Между тем анализ дает возможность для более оптимистических прогнозов. Дело в том, что ситуация сетевой поглощенности индивидуального сознания, гиперкоммуникативности и гиперсоциальности, парадоксально оборачивающиеся смертью адресата, порождает новые формы экзистенциального опыта: «одиночество в сети» становится (или может стать) основанием для экзистенциально-рефлексивной деятельности, отказ от социальности — новыми формами солидарности. Мы наблюдаем процесс, когда коммуникация качественно изменяет свои характеристики: на место диалога «я — ты» приходит диалог с совокупным интеллектуальным и информационным сообществом, коммуникантом индивидуального «я» становится вовлекающий в себя гипертекст культуры.

1. Ronchi A. M. E-Culture: Cultural Content in the Digital Age. Heidelberg: Springer Verlag, 2009.

2. Wellman B. Physical Place and Cyberplace: The Rise of Personalized Networking // International Journal of Urban and Regional Research, vol. 25.2, June 2001): 227–252.

3. Белинский В. Г. Письмо В. П. Боткину от 8 сентября 1841 г. // Белинский В. Г. Полное собрание сочинений. М. : Изд-во АН СССР, 1956. Т. XII. С. 69–91.

4. Больнов О. Ф. Философия экзистенциализма. СПб. : Лань, 1998. URL: http://philosof.onu.edu.ua/elb/articles/bogataya/bogataya_2.pdf

5. Гройс Б. Под подозрением. Феноменология медиа. М. : Художественный журнал, 2006. 199 с.

6. Дери М. Скорость убегания: киберкультура на рубеже веков. Екатеринбург: Ультра; М. : АСТ МОСКВА, 2008.

7. Касавин И. Т. Знание и коммуникация: к современным дискуссиям в аналитической философии // Вопросы философии. 2013. № 6. С. 46–57.

8. Манокин М. А. Влияние мифов на модели поведения потребителей-кидалтов // Общество. Среда. Развитие. 2014. № 1. С. 64–68.
9. Назарчук А. В. Сетевое сообщество и его философское осмысление // Вопросы философии. 2008. № 7. С. 61–73.
10. Франк С. Л. Непостижимое. Онтологическое введение в философию религии. М. : Правда, 1990. URL: <http://www.vehi.net/frank/nepost/06.html>
11. Шеффер Ж.-М. Конец человеческой исключительности. М. : Новое литературное обозрение, 2010.
12. Ясперс К. Разум и экзистенция. С. : «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2013.

ИСТОРИЯ

М. И. Бурлыкина

Становление музейного дела в Московском университете

УДК 069.015(161.1):(47+57)Р

Российские университеты всегда занимали особое место в развитии отечественной науки и культуры. Объединение в структуре университетов различных дисциплин (естественных, точных, гуманитарных) позволило решать многие задачи на стыке наук. Именно поэтому в университетах зарождались и развивались музеи самого различного профиля. Образовательная, научная и просветительская деятельность вуза во многом осуществлялась через собственные музеи. По сути, университетский музей с наибольшей полнотой воплощал природу университета, являясь его миниатюрной моделью.

Ключевые слова: *Московский университет, музей, коллекции, меценаты.*

Burlykina M. I. Formation of Museum Affairs at Moscow University

Russian universities have always occupied a special place in the development of Russian Science and culture. One of their features is the Association of a variety of disciplines (natural, sciences, humanities) that address many of the challenges at the interface of science. That's why universities began and developed museums in various fields. Educational, scientific and educational activities of the University in many ways was through their own museums. In fact, the University Museum most fully embodied nature of the University, as his miniature model.

Key words: *Moscow University, museum, collection, patrons of art.*

Первый университет России был создан в 1724 г. в Санкт-Петербурге в составе Академии наук. В 1755 г. открылся университет в Москве и сразу же был поставлен вне зависимости от всех присутственных мест, властей и непосредственно подчинялся лишь Сенату. Он признавался учреждением бессловным: двери были открыты для всех желающих учиться, кроме крепостных.

19 июля 1754 г. в Сенате был рассмотрен проект об учреждении Московского университета (есть медаль 1754 г., выбитая в честь основания университета), а 12 января (25 января по новому стилю) 1755 г., в день Святой Татьяны, Елизавета Петровна его утвердила. Проект состоял из 45 пунктов. Предусматривалось создание трех факультетов — юридического, медицинского, философского. Штат включал десять профессоров. В пятом пункте проекта отмечено: «доктор и профессор натуральной истории должен на лекциях показывать разные роды минералов, трав и животных», а «доктор и профессор анатомии обучать должен и показывать практикою строение тела человеческого на Анатомическом театре», «профессор истории для показания истории универсальной и российской, а также древностей и геральдики» [1, с. 5]. Кроме того, предполагались бесплатные публичные лекции в здании университета, в том числе в субботние и воскресные дни [2, с. 143–152].

26 апреля (7 мая) 1755 г. состоялось торжественное открытие университета (гимназии), приуроченное ко дню празднования коронации действующей императрицы. 26 апреля следующего года праздновалась годовщина создания Московского университета, о чем было объявлено в университетской газете «Московские ведомости» [3], печатать которую стали в 1756 г. в собственной типографии.

Первое время университет располагался в Главной аптеке на Красной площади (на этом месте сейчас находится здание Государственного исторического музея).

Основателем Московского университета был Иван Иванович Шувалов¹. Именно он представил императрице Елизавете Петровне проект Московского университета и курировал вуз до 1763 г., пока не

¹ Шувалов Иван Иванович (1727–1797) — гос. деятель, генерал-адъютант, меценат, основатель Московского университета и Академии художеств. В 1763 г. бессрочно уволен, уехал за границу и вернулся в 1777 г.

впал в немилость в связи с восшествием на престол Екатерины II. В документах тех лет он подписывался «куратор Иван Шувалов» [4]. Кроме того, в 1757 г. И. И. Шувалов выступил с ходатайством о необходимости учреждения при Московском университете Академии художеств и музея при нем. В 1758 г. он подарил подлинные живописные полотна 99-ти зарубежных и 2-х отечественных художников. Этот дар, ставший одним из лучших в музее, включал картины таких крупнейших мастеров, как фламандец Питер Пауль Рубенс (1577–1640), голландец Харменс ван Рейн Рембрандт (1606–1669), итальянцы Якопо Тинторетто (1518–1594), Паоло Веронезе (1528–1588), Гуэрчино Гверчино (1591–1666). В состав коллекции входила также картина Лагрене¹ «Лот с дочерьми», которая пользовалась неизменным успехом у студентов, неоднократно копировалась и гравировалась [5]. Дар И. И. Шувалова кроме того включал хорошее собрание гравюр и рисунков. При его кураторстве в музее коллекция гравюр насчитывала 384 наименования: подлинные работы мастеров П. Веронезе, К. Ван Лоо, Бушардона, Девильи, Плацетта, Буше, Фонтебассо, А. И. Пучинова, Натуара, Лоррена (163 номеров), Лагрене (191 номеров). В 1763 г. И. И. Шувалов передал в музей 723 эстампа. При активном содействии И. И. Шувалова музей стал первым по времени и значимости хранилищем произведений русского искусства. В целом Ивану Ивановичу удалось сделать очень много добрых дел в период становления Московского университета и Академии художеств. К моменту подписания Екатериной II «Привилегии и Устава Императорской Академии трех важнейших художеств» (4 ноября 1764 г.) Академию художеств отделили от Московского университета.

Первым директором Московского университета в 1755–1757 гг. стал Алексей Михайлович Аргамаков², также один из самых прогрессивных людей своего времени, активно поддерживавший передовое научное направление в университете. В 1754 г. им был представлен в

¹ Лагрене Луи Жан Франсуа (1724–1805) — франц. живописец, гравёр; в 1760 г. приехал в Санкт-Петербург по приглашению императрицы Елизаветы Петровны, преподавал в Академии художеств. В 1781–1787 гг. — директор французской Академии в Риме.

² Аргамаков Алексей Михайлович (1711–1757) — учился в Женевской академии; коллежский советник, советник Мануфактур-коллегии.

Сенат проект превращения Московской оружейной палаты в Музей национальной славы, открытый для публики [6, с. 33].

Московский университет с XVIII в. заявил о себе как центр научных знаний и просветительства. Здесь создавались музеи, формировались выставки, проводились всероссийские и международные съезды, конференции, организовывались научные общества.

Музей естественной (натуральной) истории, или Камора натуральных и курioзных вещей Московского университета, формировавшийся одновременно с вузом, считался в XVIII — начале XIX вв. лучшим музеем России по количеству экспонатов и научному значению. Он оказал огромное влияние на характер деятельности других университетских музеев, послужил образцом при создании аналогичных структур в стране. Позднее, в 1804 г., первый университетский Устав узаконил наличие музеев естественной истории в каждом университете. По составу коллекций они были смешанными (комплексными), содержали предметы как искусственного, так и естественного происхождения.

*Здесь представляется
Природа вам сама
В своих бесчисленных
Твореньях...*¹

В научных разработках ученых до середины 1990-х гг. не нашли отражение точные данные ни о времени основания первого университетского музея и открытия его для публики, ни о его основателе. В исследованиях приводились разноречивые сведения. Так, профессор Г. А. Кожевников считал годом основания Музея естественной истории 1791 г., но не связывал эту дату ни с одной фамилией [7, с. 8]. С. С. Туров назвал в качестве основателя музея А. А. Антонского-Прокоповича и указал год — 1791 [8, с. 3]. Авторы «Истории Московского университета» (1955) называли в одном разделе монографии основателем музея Ф. Г. Политковского, указывая ту же дату основания — 1791 г., в другом — Г. И. Фишера (год не указан). Время открытия для публики называлось также различное — 1805 или 1806 гг.

¹ Стихотворение прозвучало на торжественном собрании университета; автор — Алексей Федорович Мерзляков (1778–1830) — поэт, лит. критик, профессор Московского университета, в 1817–1830 гг. декан словесного отделения.

На основании достоверных источников мы пытались выявить многие факты из деятельности музея, уточнить даты, имя первого заведующего. Часть этой информации отражена в подготовленной нами монографии [9].

Следует отметить, что большую роль в формировании университетского музея сыграли Демидовы, особенно на начальном периоде его развития. Основатель династии Никита Демидов (Никита Демидович Антуфьев; 1656–1725) оставил сыну Акинфию Демидову (1678–1745) огромное состояние, «нажитое умом, трудом и милостью Царскою... Оно для рода Демидовых послужило источником обширного истинно-меценатского покровительства русскому просвещению и разнообразной благотворительности» [10]. Акинфий воспитывал троих детей, их звали Прокофий, Григорий, Никита.

Младший сын стал основателем первого в университете музея — Музея естественной истории (собрание натуральных и курьезных вещей). Годом его рождения можно считать 1755. Именно тогда, 17 февраля 1755 г., Никита Акинфиевич Демидов¹ решил передать в дар создаваемому университету треть коллекции своего отца. А. Н. Демидов приобрел ее в г. Фрайберге (Саксония) — она некогда принадлежала знаменитому И. Ф. Генкелю², у которого учился М. В. Ломоносов в 1739–1740 гг. Коллекция некоторое время находилась в Санкт-Петербурге, потом в Сибири, где пополнилась местными ценными минералами, затем снова оказалась в столице России.

Это событие отражено 14 марта 1755 г. в «Санкт-Петербургских ведомостях», где отмечалось, что дворянином Никитой Демидовым «усерднейше» подарена Императорскому Московскому университету «третья доля славного кабинета господина Генкеля», состоявшая из наилучших минералов, многих курьезных вещей, ... разных раковин.

¹ Демидов Никита Акинфиевич (1724–1789) — горнопромышленник, землевладелец, первым из Демидовых стал собирать коллекцию художественных, исторических ценностей; в 1779 г. Московскому университету пожертвовал 5,5 тысяч листов аршинного кровельного железа, в 1781 г. — 800 пудов связного железа.

² Генкель Иоганн Фридрих (1678–1744) — всемирно известный немецкий врач, минералог, металлург, химик; учился в Йенском университете, жил в Дрездене, Фрайберге, где в 1733 г. создал химическую лабораторию, в которой в 1739–1740 гг. обучался М. В. Ломоносов; лаборатория стала основой Горной академии (1765).

Подчеркивалось, что тем самым «господин Демидов первый пример оказал». Пожертвование положило начало музею.

Оставшиеся 2/3 части драгоценного собрания наследники А. Н. Демидова подарили университету в 1757 г. (через И. И. Шувалова). Коллекция была перевезена в 1759 г. в Москву. В числовом инвентарии насчитывалось (простиралось) до 6 тысяч предметов [10, с. 34]. Кроме того, Демидовы оказали финансовую поддержку зарождающему университету: в 1755 г. они подарили 13 тысяч рублей, 1757 г. — 8 тысяч рублей, 1779 г. — 20 тысяч рублей. В дальнейшем продолжили благотворительную деятельность.

В первое время Музей натуральной истории не имел собственного помещения, предметы были выставлены для всеобщего обозрения публики в библиотеке, состоящей «из знатного числа книг на всех почти европейских языках». С 3 июля 1756 г. «в удовольствие любителей наук и охотников до чтения книг» библиотека была «отворена... и впредь по всякую среду и субботу от 2 до 5 часов пополудни» была доступна публике [11]. Факт сам по себе замечательный, подтверждающий стремление молодого университета к просветительству.

За коллекцией присматривали ассессор и библиотекарь М. Н. Херасков¹, ставший с 1778 г. куратором Московского университета (в 1802 г. вышел в отставку). Его помощником был экстраординарный профессор Д. В. Савич², трудолюбивый и дельный, который преподавал с 1757 г. географию (на русском языке). Затем коллекция была передана в распоряжение первого профессора медицинского института Московского университета Иоганна Христиана Керштенса³, который и стал первым заведующим Музея естественной истории официально. В «Биографическом словаре» Московского университета (1855) указано, что он в течение десяти лет курировал весьма богатый минера-

¹ Херасков Михаил Николаевич (1733–1807) — издатель, поэт; с 1755 г. работал в Московском университете, с 1770 г. жил в Санкт-Петербурге, в 1778 г. вернулся в Москву.

² Савич Даниил Васильевич (?–1763) — учился в Киевской духовной академии и Вюртембергском ун-те Германии (1750–1754 гг.), получил степень магистра философии и свободных наук, в Московском университете работал в 1755–1761 гг., читал географию.

³ Керштенс Иоганн Христиан (1713–1802) — учился в Лейпцигском университете, д-р медицины и магистр философии, орд. проф. химии и минералогии Московского университета в 1758–1870 гг.

логический кабинет, подаренный наследниками Акинфия Никитича Демидова, однако оставил его «безо всякой описи» [12, с. 407–410].

С 13 августа 1758 г. по 28 июня 1759 г. в Московском университете читались публичные лекции, в Каталоге которых указывалось, что для преподавания минералогии И. Х. Керштенс «имеет в своем распоряжении Минералогический кабинет». Таким образом, коллекция с первых лет предполагала полифункциональное назначение.

В 1761 г. И. Х. Керштенсу выдана шнуровая книга для регистрации экспонатов. Но первый заведующий оказался недостаточно добросовестным, ибо в 1770 г. он передал дела не по описи, а «счетом» — около 6 тысяч образцов. Собрание состояло из трех отделов (рудный, натуральный, смешанный) и включало в себя камни, образцы почв, окаменелости, раковины, кораллы, «куриозные» предметы, размещенные в специальных шкафах.

Рудный отдел (кабинет) содержал десять двойных шкафов, в верхних отделениях которых находилось 58 ящиков с образцами руд. Золотые, серебряные и медные руды занимали три первых шкафа, затем шли руды оловянные, свинцовые, железные, ртуть, мышьяк, сурьма, сера, висмут, цинк.

В нижних полушкафах размещался натуральный отдел (кабинет) — камни, земли и другое: соль каменная, янтари, каменное уголье, земли, мраморы, шпат. Камни были завернуты в бумагу по несколько штук под одним номером, земли упакованы в мешочках и пакетиках. К натуральному отделу относились коллекции различных окаменелостей, раковин, кораллов, куриозных предметов. Они занимали три шкафа и два ларца (всего 60 ящиков).

В смешанном отделе находились шкафы с рудными штуфами, друзами, сталактитами, окаменелостями и т.д. [13, с. 113]. Музей располагался в особом помещении. По количеству экспонатов (в Кунсткамере — 3030 предметов) и научному значению он считался лучшим в России.

Таким образом, можно говорить о том, что первый университетский музей существовал уже в середине, а не в конце XVIII в.

Сохранились любопытные документы, характеризующие И. Х. Керштенса, первого профессора медицинского факультета Московского университета, который читал химию в связи с натуральной

историей простых аптекарских лекарств. Для занятий он использовал весьма богатый Минералогический кабинет. Однако при увольнении выяснилось, что в коллекции оказались некоторые беспорядки, то есть недоставало около 40 штук. Господину Керштенсу пришлось писать объяснительную записку в Конференцию (Ученый Совет). Он считал себя невиновным в этой ситуации, так как полагал, что некоторые штуфы просто выветрились и распались, а потом их мог кто-нибудь выбросить. Кроме того, они могли исчезнуть еще тогда, при длительных перевозках из Фрейберга в Санкт-Петербург, затем в Сибирь (на Урал), потом снова в столицу России и, наконец, в Москву. Еще одна версия профессора — некоторые штуфы могли пропасть, когда находились в доме И. И. Шувалова. Дело в том, что куратор Московского университета, получив коллекцию от наследников Демидова, держал ее некоторое время у себя (ее там видел Керштенс в 1757 г.), а потом передал в университет. Керштенс писал в объяснительной, что не сделал описания коллекций, считая, что «такая работа требовала особого лица», а он «поставлен был для преподавания минералогии, а не для приведения в систематический порядок весьма запутанного кабинета». Автор статьи о И. Х. Керштенсе профессор Г. Е. Щуровский резюмировал: «Керштенс относительно Минерального кабинета перед Конференцией был прав, но не прав перед наукою» [12, с. 407].

Преемником И. Х. Керштенса стал профессор М. И. Афонин¹ — создатель кафедры естественной истории (заметим, кстати, что кафедра была основана позднее музея). Матвей Иванович был выпускником дворянской гимназии Московского университета, учился в Кёнигсбергском, Уппсальском университетах, где слушал зоологию и ботанику у всемирно знаменитого Карла Линнея². С 1 января 1770 г. он преподавал зоологию и ботанику, в дальнейшем читал также минералогию, использовал для занятий музейную коллекцию. К слову, М. И. Афонин первый выдвинул идею создания Почвенного музея, куда предложил собирать черноземы и другие образцы почв и «рас-

¹ Афонин Матвей Иванович (1739–1810) — профессор натуральной истории и земледелия Московского университета в 1770–1777 гг.

² Линней Карл (1707–1778) — шведский естествоиспытатель, ученый с мировым именем, один из основателей Шведской Королевской Академии наук; создатель единой системы классификации растительного и животного мира.

полагать их на свои роды и виды и хранить оные не только с запискою их свойств, названием и того уезду и деревни, но и самого поля, с которого такая земля будет взята» [14]. М. И. Афонин по состоянию здоровья был вынужден уехать из Москвы, но продолжил агрономические опыты в Крыму вместе с П. С. Палласом¹.

В дальнейшем заведовали музеем Ф.Г. Политковский² и А. А. Антонский-Прокопович³. Первый с 1785 г. — экстраординарный профессор, а в 1788–1802 гг. — ординарный профессор. Второй с 1788 г. — адъюнкт, с 1790 г. — экстраординарный профессор, в 1794–1804 гг. — ординарный профессор кафедры энциклопедии и натуральной истории, с 1804 гг. — заведовал кафедрой сельского хозяйства и минералогии (минералогии и сельского домоводства). В начале своей деятельности в Московском университете А. А. Антонский-Прокопович сделал описание коллекций кабинета и привел их в систематический порядок [12, с. 13]. Видимо, скорее именно он был вплотную занят музеем, а не Ф. Г. Политковский.

А. А. Антонский-Прокопович полагал, что наукой необходимо увлечь не только студенческую молодежь, но и детей, для которых история природы очень полезна: «Дети, учась приводить в порядок существа, и разбирая приметы их, нечувствительно получают навык приводить и самые понятия свои в некоторый порядок» [12, с. 33].

Музей естественной истории каждый год обогащался приношениями. Вслед за своими первыми дарами Демидовы прислали университету превосходное собрание моделей, изготовленных лучшими мастерами Саксонии, 28 банок в спирту с редкими экземплярами жи-

¹ Паллас Петер Симон (1741–1811) — крупный немецко-русский естествоиспытатель, географ, лингвист, путешественник, д-р наук (1760); в Лейденском университете систематизировал естественно-историческую коллекцию, в 1796 г. приехал в Санкт-Петербург, путешествовал по многим регионам, описывал их; в 1796 г. уехал в Крым, в 1810 г. — Германию.

² Политковский Федор Герасимович (1754–1809) — в Московском университете преподавал с 1788 г.

³ Антонский-Прокопович Антон Антонович (1762–1848) — действительный статский советник, заслуженный профессор, с 1804 г. был 6 раз деканом физ.-мат. факультета, с 1817 г. — проректор, в 1818–1826 гг. — ректор Московского университета; занимался также литературной деятельностью, возглавлял Общество русской словесности; был директором университетского пансиона, где с 1787 г. преподавал натуральную историю.

вотных. В 1789 г. сыновья Прокофия Демидова¹ Акакий, Лев, Аммос подарили знаменитый гербарий (коллекцию высушенных растений), который их отец собирал «с необыкновенным старанием», и часть библиотеки.

В 1773 г. в Россию после длительного путешествия по Европе вернулся Павел Григорьевич Демидов [15, с.1], ставший основателем лицея в Ярославле. 21 марта 1803 г. он написал письмо министру народного просвещения. Меценат сообщил о своем намерении подарить Московскому университету кабинет естественных произведений (в 1772 г. приобрел у актрисы Клерон), а также Минц-кабинет, содержащий медали и монеты почти всех европейских государств, и коллекцию художественных редкостей, которые собирал около 40 лет с тем, чтобы передать со временем для всеобщего обозрения и пользования. П. Г. Демидов составил описание монет, медалей и естественных произведений. Пожертвование было оценено в 250 тысяч рублей — по тем временам огромная сумма. Кроме того, П. Г. Демидов выделил университету 100 тысяч рублей на обучение нескольких студентов за границей и содержание «одного из лучших профессоров натуральной истории и минералогии» (внесено в Московский ломбард для обращения из процентов). В благодарность за щедрый дар Александр I издал указ, повелевающий выбить золотую медаль с изображением П. Г. Демидова и надписью: «За благотворения наукам», ибо «отличные подвиги граждан, содействующих великому благу отечества, должны пребыть незабвенны от рода в род» [16, с. 158–171]. Действительно, история просвещения России знала не много примеров такой пламенной любви и таких крупных пожертвований на пользу науки.

Собрание П. Г. Демидова и его библиотека были выставлены в окрестностях Москвы в «особом великолепном здании». Произведения «природы, науки и искусств», которые Демидов собирал по Европе, Г. И. Фишер описал и опубликовал в четырех томах со многими рисунками. Наиболее ценные предметы, по ходатайству Г. И. Фишера, перешли в музей Московского университета [17, с. 523].

¹Демидов Прокофий Акинфиевич (1710–1788) — сын А. Н. Демидова, крупнейший владелец горнопромышленных предприятий, увлекался ботаникой; П. С. Паллас составил каталог его растений (1781 г.).

Имя П. Г. Демидова, его вклад в развитие науки, культуры, образования страны по достоинству оценили современники. На его кончину 10 ноября 1821 г. в Москве было организовано публичное собрание [18]. Собравшиеся вспоминали все то благородное, что удалось сделать Павлу Григорьевичу для людей, России. Благодаря своим наставникам Геллерту, Галлеру, Бюффону, Бриссону, переписке с Валлерием, Добантоном, Линнеем, многочисленным путешествиям, он глубоко познал художества, искусства, науки: «Наш патриот был славным испытателем натуры; наш патриот знал совершенно математику, физику, минералогию, металлургию, искусство литейное, и не только был знаменитый физик и наблюдатель, но был глубокий философ, искуснейший литератор и справедливый ценитель всякого рода в области словесности».

Профессор Михаил Ханенко¹ написал стихотворение, в котором отразил скорбь, восхищение делами мецената:

*Его уж нет! Удар, болезненный для муз!
Демидов, друг добра, куда от нас сокрылся?
О неба и земли прекраснейший союз –
Ты ныне от земли на небо преселился!...
Давно ль добро творить ты благом почитал?
И счастье других твой горный дух питало,
Давно ли ты сирот несчастных призывал?
Сколь много взысканных! И вдруг тебя не стало...
Богатство без добра безнужный лишь талант –
Цена его в делах, история свидетель.
Что в прахе бисеры? Что скрытый адамант?
Без добрых наших дел что наша добродетель?...*

Прозвучали проникновенные слова: «От достояния своего, собранного им через многие лета бережливостью, праведным и законным приобретением, ущедрив драгоценнейшими приношениями Императорский Московский университет». «Счастлив тот, который, как бы чуждаясь своего счастья, заставляет чувствовать его других и наслаждаться его плодами. Такого великого счастья деяниями своими достиг наш Демидов».

¹ Ханенко Михаил Осипович (1779–1839) — выпускник ИМУ (1809), преподавал в Благородном пансионе при Московском университете, с 1812 г. — в Демидовском училище (Ярославль), профессор древних языков и российской словесности.

В Музей естественной истории поступали пожертвования также от других меценатов. Так, в 1783 г. академик Санкт-Петербургской академии наук Эрик Густавович Лаксман¹ подарил камни сибирских месторождений разного рода, и что важно для музея, — с описаниями. К слову, его минералогическая коллекция в 1785 г. была пожалована Екатериной II Кунсткамере. Естествоиспытатель и путешественник, исследователь флоры и фауны восточной Сибири и Алтая академик Лаксман преподавал естественную историю и физику в Академическом университете (приехал из Финляндии в 1762 г.). Он неоднократно обогащал музеи минералогическими, ботаническими и зоологическими коллекциями, помогал в классификации материалов. Будучи знаком с известным шведским ученым, создателем системы животного и растительного мира Карлом Линнеем, отправлял ему образцы русских растений и семян.

В 1794 г. титулярный советник Петр Стариков подарил большую и прекрасно составленную коллекцию золотых, серебряных и медных штучков, различных минералов сибирских месторождений.

В 1802 г. по указу Александра I университету пожалована известная в Европе «славная коллекция княгини А. Яблоновской» — кабинет натуральной истории, купленный у наследников Яблоновского. Знаменитый в свое время Семятичский кабинет натуральной истории князей Яблоновских был приобретен за 5000 голландских гульденов, перевезен в Москву из села Семятичи близ Барановичей. Коллекция содержала все известные в то время виды минералов. Владелец коллекции — польская княгиня Анна Паулина Яблоновская (урожденная Сапега, 1728–1800) — была покровительницей наук и искусств, автором восьмитомного труда по сельскому хозяйству. В своем замке она устроила обширные кабинеты по естественной истории, физике, с отделами археологическим и нумизматическим. Наследники княгини, имеющие большие долги, решили выгодно продать коллекцию. 24 января 1802 г. Александр I ознакомился с содержанием каталога объемом 36 листов. Коллекция состояла из четырех частей: 1) царство минералов, 2) царство растений, 3) царство животных, 3) древности. Экспертами выступили известные ученые Василий

¹ Лаксман Эрик (Кирилл) Густавович (1737–1796) — естествоиспытатель, минералог, академик СПб АН (1770 г.).

Михайлович Севергин (1765–1826) и Александр Федорович Севастьянов (1771–1824). 12 февраля император дал указание передать коллекцию Московскому университету («всемилодивейши пожаловали мы этот кабинет Московскому университету»), утверждал условия ее приобретения: 1) оплатить приобретение бумагами по долгу и наличными, 2) оплату произвести «по совершенном приеме помянутого кабинета и по удостоверении, что оный действительно в том качестве находится, как продан», 3) дать соответствующие инструкции господам надворному советнику (Севергину) и коллежскому асессору (Севастьянову) не только о том, куда отправляться за кабинетом, но и том, «откуда требовать нужных для описи, укладки и препровождения ...людей», 4) «сверх прогона» каждому участнику экспедиции выдать 1500 рублей из казны, 5) сообщить барону Бенигсену¹, чтобы оказывал господам ученым «всякоок возможное пособие», 6) сообщить Московскому университету о щедром даре государя, 7) сообщить самому государю по завершении дела «с каким успехом и порядком оное произведено будет». Куратор М. М. Херасков, получив коллекцию, писал в Санкт-Петербург, что весь университет изъявляет «торжественно ... его императорскому величеству достодолжные чувства всеподданнейшаго благоговения и благодарности» за дарование такого «редкого и драгоценного» кабинета. Инструкции и каталог были переданы профессору П. И. Страхову [19].

Таким образом, за короткое время благодаря щедрым пожертвованиям в Музее естественной истории сформировалось богатейшее собрание разнообразных коллекций. Значение первых вузовских музеев комплексного характера со смешанным составом коллекций — музеи естественной истории, или кунсткамеры («каморы натуральных и курioзных вещей»). Значение подобных музеев было велико: «Ничто толико чувств наших не поражает, как зрелище природы. Великолепное естественных вещей хранилище представляет нам картину, на которую воззрев усматриваем в едино мгновение ока все, что ни есть в ней прелестнейшего, редчайшего и древнейшего... Знание натуральной истории придает блеск и красу всем другим наукам... Не хранилищам ли естественных вещей сия наука должна тем степенем совер-

¹ Бенигсен Леонтий Леонтьевич — барон, виленский военный губернатор.

шенства, до которого она ныне достигла», — отмечал Иван Бакмейстер [20, с. 107].

К XVIII в. относится начало формирования в России промышленного производства. Основными видами транспорта являлись тогда гужевой и водный. В первой трети XIX в. стали сооружаться каналы водных систем, развивалось пароводное сообщение. Началось строительство шоссейных дорог. На фоне этих явлений возникли музеи технического направления. Первыми стали модельные и физические кабинеты, созданные в ряде вузов в XVIII в. Так, лучшие физические кабинеты музейного типа, в которые водили всех гостей вуза и где приборы устанавливались на специальные роскошные подставки, сформировались в Московском университете и Петербургской медико-хирургической академии.

Физический кабинет в Московском университете был создан в XVIII в. и представлял определенный интерес как подразделение музейного типа. 20 марта 1755 г. директор университета А. М. Аргамаков на очередном заседании Академии наук изложил просьбу куратора И. И. Шувалова помочь с формированием физического кабинета. Почетный член Академии наук, профессор Лейденского университета Питер Мушенбрек (Мушенбрук)¹ это поручение выполнил. Под № 1 числился «ящичек красного дерева» с пирометром Питера Мушенбрека (Мушенбрука). Он также предоставил прибор для демонстрации опытов с электричеством — «стеклянные фиалы для электрического опыта Мушенбрека» [13, с. 106]. Ученый предлагал также свою коллекцию физических приборов (создавал в течение 40 лет), но стоимость ее оказалась чрезвычайной высокой, неподъемной для Московского университета тех лет.

Первым заведующим физического кабинета стал Иоганн Шульц — механик и преподаватель инструментального дела, конструктор-изобретатель станка для печатания гравюр в университетской типографии. С 1758 г. оптику, физику преподавал профессор Д. В. Савич, он же значительно расширил физический кабинет, работая там до своего отъезда в Казань. С 1761 г. в нем стали работать профессор

¹ Мушенбрек Питер ван (1692–1761) — голландский ученый, специализировался по электричеству, автор первого систематического курса физики, иностранный член Санкт-Петербургской академии наук (1753), поставлял приборы в разные страны, в том числе Россию (Кунсткамера, Московский университет).

Иоганн Рост¹ (читал лекции по экспериментальной физике и оптике) и его помощник французский механик Петр Дюмулен (Дюмолен, Дюмолин).

В 1767 г. в кабинете насчитывалось свыше 200 предметов. Собрание активно пополнялось новыми предметами за счет специальной суммы по смете. На внешнюю, показную, часть обращалось большое внимание: некоторые приборы располагались на подставках или футлярах красного дерева, из слоновой кости, в золотой оправе. Этим кабинетом гордились, его показывали всем гостям. Механик кабинета П. Дюмулен в заявлении от 21 апреля 1765 г. в Конференцию университета называл физический кабинет «одним из главных украшений университета» [21, с. 93].

Дюмулен приехал в Россию в 1755 г., некоторое время жил у графа Шереметева в Санкт-Петербурге, демонстрировал желающим свои механические автоматы в виде движущихся фигур, модель собора Петра в Риме и т.д. В 1759 г. переехал в Москву, где продолжил показывать свои диковинные предметы. В «Московских ведомостях» от 19 марта 1759 г. Дюмулен объявил, что «всякий день от 4 до 9 часов пополудни» будут показывать следующие курioзные самодвижущиеся машины: 1) маленькая Бернская крестьянка, которая 6 лент вдруг тчет, так что оных от 18 до 20 дюймов в минуту поспевает, а между тем играют куранты; 2) машинка, сделанная кинарейкою (так — *М.Б.*), которая так натурально поет, как живая; 3) разные движущиеся и переменяющиеся весьма курioзные и чрезвычайные картины. В других номерах газеты (1759 год — 30 апреля; 11 мая) даны дополнения: «Французский механик Дюмолин, о котором прежде сего опубликовано было, что он показывает удивительную машину, которая одним разом шесть лент тчет, и самодельной канарейке, которая поет разные арии». Кроме того, объявляется о том, что в его кабинет поступили также великолепная электрическая машина, которой он будет делать разные и весьма курioзные эксперименты. Картина, представляющая ландшафт, в котором видны многие движущие изображения дорожных людей и возов, и многие работные люди, которые упражняются в разных вещах, так натурально, как бы живые;

¹ Рост Иоганн Иоахим Юлий (1726–1791) — выпускник Геттингенского университета; в Московском университете преподавал в 1757–1791 гг. на кафедре физики и математики, читал также металлургию, горное дело, механику, географию, др.; его заслугой считается организация кабинета моделей.

другая картина представляет голову движущуюся, которой действия так удивительны, что всех зрителей устрашают. Русский мужик, который голову и глаза движет так совершенно, что можно его почесть живым. Движущийся китаец, который так хорошо сделан, что не можно вообразить, чтобы то была машина. Обе фигуры выполнены в натуральную величину. Он также недавно окончил лягушку движущуюся, над которой долгое время трудился. Эта лягушка знает время на часах и показывает его, плавая в судне: «Сия машина есть самая совершеннейшая, какую только может искусство произвести».

Помимо приборов были сформированы коллекции машин по горнозаводскому делу, военной технике и т.п. Инициатива по созданию модельного кабинета исходила от профессора И. Роста. В своей докладной записке 1 августа 1865 г. он писал: «Поскольку его превосходительство высокоуважаемый господин Императорского Московского университета куратор¹ благосклонно принял и одобрил на прошлой Конференции мое предложение об изготовлении и конструировании моделей машин, то я предлагаю относительно того, каким образом и на какие средства можно было бы изготовить такую коллекцию, нижеследующее: область профессиональной механики требует, чтобы природа, соразмерность и устройство как простых, так и сложных машин изъяснялись слушателям теоретически, но очевидно, что гораздо более пользы и выгоды извлекут ученики из этих лекций, если они смогут уяснить себе абстрактные представления о линиях и телах, пользуясь наглядными моделями различных машин. Изготовленные же таким образом модели пополнят впоследствии университетское собрание приборов, что без сомнения послужит как к пользе университета, так и к его украшению. Ввиду всех этих соображений было бы весьма полезно посвящать этой работе два или четыре часа в неделю» [21, с. 155].

В пополнении физического, или модельного, кабинета, принимал участие также П. Г. Демидов, приславший превосходное собрание моделей горного и плавильного искусства — различные штольни, шахты, печи, машины и инструменты. Они были изготовлены лучшими мастерами в г. Фрейберге (Саксония), известном горными заводами.

6 июня 1780 г. посетил университет, а также и физический кабинет император австрийский Иосиф II (1741–1790). Профессор

¹ Куратором в 1762–1778 гг. был ученый-лингвист Василий Евдокимович Адодуров (1709–1780).

И. И. Рост, который преподавал металлургию и горное дело, демонстрировал опыты по электричеству и давал пояснения. Он знал множество языков, спросил, на каком желает слушать гость. Император выбрал итальянский и очень остался доволен услышанным [22, с. 249].

В 1803 г. попечитель округа М. Н. Муравьев¹, побывавший в университете, отметил в своем отчете: «Осмотрел Семятический кабинет, Анатомический театр...» [22, с. 331].

Анатомический театр в университете был организован в 1764 г. [13, с. 117]. Его основателем стал профессор Иоганн Фридрих Эразмус (?–1777), занимавший кафедру анатомии и хирургии до 1758 г. Он получил медицинское образование в Страсбургском и Йенском университетах, был доктором медицины (1747), с 1757 г. жил в Москве. В Московский университет его пригласил попечитель В. Е. Адодуров². Прозектором с 1765 г. работал Франц Францевич Керестури (1735–1811), венгр по происхождению, приехавший в 1762 г. в Москву на должность врача. Он был доктором медицины (1774), ординарным профессором анатомии и хирургии Московского университета с 1778 г.

Таким образом, первые музеи Московского университета смогли в короткое время стать лучшими в стране и послужили образцом при формировании других музеев начала XIX в. Демократичность, характерная для них, стала основной чертой университетских музеев и последующих поколений.

1. Соловьев И. М. Русские университеты в их Уставах и в воспоминаниях современников. СПб., 1914.

2. Проект о Учреждении Московского университета // Пенчко Н. А. Основание Московского университета. М., 1952.

3. Московские ведомости. 1756. 26 апреля.

¹ Муравьев Михаил Николаевич (1757–1807) — действительный статский советник, тайный советник, сенатор; статс-секретарь Александра I (1801), член комитета по рассмотрению Новых уставов академий и университетов (1802), зам. министра народного просвещения (1802), попечитель Московского университета (с 1803 г.), инициатор создания в университете «Общества соревнования врачей и физических наук» (1804 г., с 1846 г. Физико-медицинское общество).

² Адодуров Василий Евдокимович (1709–1780) — выпускник Санкт-Петербургского академического университета, был куратором Московского университета в 1762–1778 гг.

4. Российский государственный исторический архив (далее РГИА). Ф. 789. Оп. 1. Ч. 1. Д. 9. Л. 3.
5. РГИА. Ф.789. Оп. 1. Ч. 1. Д. 570. Л. 1-64.
6. История Московского университета. М., 1955. Т. 1.
7. Краткий указатель показной коллекции млекопитающих и птиц Зоологического музея Московского университета. М., 1913.
8. Туров С. С. Зоологический музей Московского университета. М., 1956.
9. Бурлыкина М. И. Университетские музеи дореволюционной России (XVIII — первая четверть XX вв.). Сыктывкар, 1996. 204 с.
10. Родословная рода Демидовых, их благотворительная деятельность и медали в память их рода. Житомир, 1910. 64 с. (автор вступ. статьи Павел Демидов).
11. Московские ведомости. 1756. 2 июля.
12. Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Московского университета. М., 1855. Т. 1.
13. Пенчко Н. А. Основание Московского университета. М., 1952.
14. Афонин М. И. О пользе, значении, собирании и расположении чернозему, особливо в хлебопашестве. М., 1771.
15. Ундольский В. Павел Григорьевич Демидов и его славяно-русская библиотека. М., 1846.
16. Периодическое сочинение об успехах народного просвещения. 1803. № 2.
17. Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Московского университета. М., 1855. Т. 2.
18. Речи и стихи, говоренные во время публичного собрания бывшего при Ярославском демидовском высших наук училище 1821 года ноября 10 дня. М., 1821. 59 с.
19. Ананьев В.Г. О некоторых источниках по истории формирования музейной коллекции Московского университета в начале XIX века (к предыстории приобретения Семятичского кабинета) // Вопросы музеологии. 2010. № 1.
20. Бакмейстер И. Опыт о библиотеке и кабинете редкостей и истории натуральной... СПб., 1779.
21. Документы и материалы по истории Московского университета. Т. 2. 1765–1766. М., 1962.
22. Шевырев С. П. История Императорского Московского университета. М., 1855.

Н. П. Миронова

**Этнические стереотипы в молодежной среде:
содержание и функционирование**

УДК 316.3+316.6

В статье анализируется содержание этнических стереотипов у современной молодежи Республики Коми на примере студентов г. Сыктывкара. Приводится описание результатов ряда социологических исследований 2007–2012 гг. Анализируется роль этнических стереотипов в процессе идентификации. Показан сложный характер этнической идентичности и ее символическое значение для современной молодежи Республики Коми.

Ключевые слова: *идентичность, этническая идентичность, молодежь, культурные ориентации, этнические стереотипы.*

Mironova N. P. Ethnic stereotypes in the youth sphere: contents and functioning

The article analyzes the content of ethnic stereotypes of the modern youth in the Komi Republic as example students in Syktyvkar. The results of some sociological studies during 2007–2012 are described. The level of knowledge about ethnicity in the identification process are shown. It gives the complex structure of ethnic identity and its symbolic significance for the modern youth of the Republic of Komi.

Key words: *identity, ethnic identity, ethnicity, youth, ethnic and cultural orientation, ethnic stereotypes.*

Внутренняя противоречивость современных этнических процессов, которая часто определяется как этнический парадокс современности, их многоаспектность определяют специфику функционирования этнического фактора в модернизированном информационном обществе. С одной стороны, этнические символы приобретают характер продукта потребления, приспосабливаются к условиям рынка и включаются в него. С другой, наиболее отчетливо функционирование этничности проявляется в конкретном межэтническом взаимодей-

вии. Межэтнические отношения могут быть рассмотрены на двух уровнях — личностном и групповом. Они складываются в разных сферах жизни — в области политики, трудовой деятельности, в быту, семье, дружеском, неформальном общении. Характер межэтнических отношений (дружественные, нейтральные либо конфликтные) зависит от исторического прошлого, социально-политической обстановки, от экономических и культурно-бытовых условий жизни, непосредственной конкретной ситуации. Межэтнические отношения содержат в себе рациональные, когнитивные элементы, эмоционально-оценочные и регулятивные компоненты и всегда субъективно переживаются [19, с. 177]. По мнению Т. Г. Стефаненко, межэтнические отношения — это не только отношения между группами (доминирования или подчинения, соперничества или сотрудничества), но и отношения к группам, которые проявляются в представлениях о них — от позитивных образов до предрассудков [19, с. 220].

Межэтнические контакты на межличностном уровне могут оказывать как положительное (понижается враждебность, уменьшается степень выраженности негативных стереотипов), так и отрицательное (усиливаются предубеждения к «чужим людям») влияние на человека. Этот аспект этнической идентичности крайне важен при изучении этнических стереотипов. Этнический стереотип подразделяется на два вида: автостереотип и гетеростереотип. Автостереотипы — это мнения, суждения, оценки, относимые к данной этнической общности ее представителями. Обычно автостереотипы содержат комплекс положительных оценок. Гетеростереотипы — совокупность оценочных суждений, выносимых о других народах представителями данной этнической общности.

Стереотип, аккумулирующий некий стандартизированный коллективный опыт и внушенный индивиду в процессе обучения и общения с другими, помогает ему ориентироваться в жизни и определенным образом направляет его поведение [5, с. 187–205]. То, что каждому человеку обычаи, нравы и формы поведения, в которых он воспитан и к которым привык, ближе, чем другие, вполне нормально и естественно. Проблема возникает лишь тогда, когда эти действительные или воображаемые различия возводятся в главное качество и превращаются во враждебную психологическую установку

по отношению к какой-то этнической группе. Эта установка обладает большой устойчивостью и очень плохо поддается изменению под влиянием рациональных доводов. Весь комплекс существующих на сегодняшний день гетеростереотипов в молодежной среде Республики Коми можно подразделить на две основные группы: 1) наличие скрытой дистанции между основными этническими группами — коми и русскими; 2) представления о «чужих», порождающие разного рода этнически окрашенные фобии, в отношениях между основным населением, постоянно проживающем на территории республики независимо от национальности, и переселенцами с юга России и стран СНГ.

Основными источниками по данной теме являются данные этносоциологических исследований и мониторингов общественного мнения, проводившихся в Республике Коми за последние десять лет. Наиболее крупными из них являются следующие исследования: 1) республиканский социологический опрос «Я и мой народ — 2004» (выборка по учащейся молодежи составила 429 человек); 2) материалы республиканского мониторинга 2008 г., организованного Институтом социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра Уральского отделения РАН по заказу Министерства национальной политики Республики Коми. Некоторые сведения по отношению к мигрантам в молодежной среде содержатся и в полевых материалах автора, которые включают данные этносоциологического опроса студенческой молодежи г. Сыктывкара (в 2007 г. выборка составила 500 чел., в 2012 г. по схожей программе было опрошено 300 чел.), а также глубинных интервью со студентами (всего за весь период исследования приняло участие 50 чел.). Цель данной работы — выявление содержания основных этнических стереотипов и оценка уровня «мигрантофобии» в молодежной среде Республики Коми.

Данные массовых опросов 1990-х гг. позволили отметить наличие субъективной психологической дистанции русского населения республики с титульным этносом. Подобный вывод делается на основе анализа высказываний русской и коми молодежи о степени их взаимного доверия. Представители как коми, так и русской молодежи практически в равной степени доверяют своим собственным народам. Одновременно мера доверия русских

респондентов к коми народу ощутило меньше, чем то, насколько коми доверяют русским, при этом среди опрошенных русских почти вдвое выше доля лиц, вообще не доверяющих представителям коми народа [14, с. 14]. Существование субъективной психологической дистанции у русских, проживающих в республике, по отношению к коми В. М. Пешкова объясняет тем, что акцентирование внимания в обществе на необходимости возрождения национальной культуры титульного этноса вызвало трансформацию социальной и культурной неудовлетворенности в межэтническую предубежденность русской молодежи к представителям титульного этноса. Кроме того, вероятно, ими наследуется некий комплекс предубежденности, который сложился в среде городского русского населения республики. Это население сформировалось в основном из внешних мигрантов в очень краткий исторический срок, и у него не сложилось прочных традиций взаимодействия с коми этносом [14, с. 14]. Что касается первого типа дистанции, то она не проявляется отчетливо и усматривается лишь в некоторых повседневных практиках молодых людей, поэтому количественный анализ не позволяет полностью охарактеризовать такое проявление межэтнического взаимодействия. В данном случае более показательными являются материалы интервью, в которых описаны проявления этнических стереотипов. Так, например, студентка гуманитарного факультета Сыктывкарского государственного университета отмечает: «...когда я сама стала слышать уже в свой адрес “комячка” или же “татарка”, понимая, что это неверно, я объясняла людям, что в свидетельстве о рождении в графе “национальность” у меня записано “русская” и искренне недоумевала: почему это столь важно?» (Интервью № 26 ж., г. Сыктывкар, гуманитарный факультет СыктГУ). В данном случае показан пример навязывания этничности со стороны, приписывание человеку маркеров титульного меньшинства и перенос стереотипных представлений. Внешний критерий приписывания особенно важен, когда этничность проявляется в очень явных физических характеристиках. Вот несколько самых ярких описаний, которые дают русские студенты абстрактному образу коми: «они обычно рыжие, конопатые, особенно обьячевские» (Интервью № 35, ж., 1986 г.р., п. Благоево — колледж экономики и права СыктГУ) или

«некоторые коми такие черные, коротышки с длинными руками» (Интервью № 32 м., 1989 г.р., г. Микунь — колледж экономики и права СыктГУ), такие схематичные стереотипные представления о внешнем облике коми имеют мифический характер. Подобные представления формируют собирательный «портрет» коми, который восходит к архетипу «абсолютного Другого». Что значит быть абсолютно другим в клишированном сознании типичного городского жителя? Это значит быть уроженцем и жителем периферии, сельским жителем, носителем другого (т. е. нерусского) языка, человеком с иными ценностями и образом жизни, нетипичной (не встречаемой в городах) профессией, малограмотным, с нетипичными для горожанина потребностями и запросами. Этот портрет полностью дихотомичен и выстроен в негативных терминах (терминах отсутствия) [18].

В этнопсихологии при анализе этнических представлений рассматриваются эмоциональные и социально-психологические стороны группового «Я-образа». В этой связи необходимо обратить внимание на исследования В.М. Бызовой. Согласно выводам В. М. Бызовой, русским, проживающим в Коми, свойственна оптимальная социально-психологическая адаптация, уверенность в себе, активная самореализация. В межэтническом восприятии коми оценивали русского как уверенного в себе, независимого, самостоятельного, деятельного, решительного, доминантного в поведении [1, с. 56–57].

Выводы данных этнопсихологических исследований согласуются с данными опроса молодежи 1997 г. В рамках этого опроса, в частности, выяснилось отношение молодежи к проблеме приоритетности воспитания тех или иных качеств в детях. Большинство опрошенных русских юношей и девушек считают, что в настоящее время в первую очередь в детях следует воспитывать самостоятельность и бесстрашие. Молодежь титульной национальности считает предпочтительным воспитывать в детях послушание, любознательность и ответственность [14, с. 14]. В своем исследовании городского русского населения Республики Коми В. М. Пешкова рассмотрела структуру представлений русских, проживающих в Коми, о своей этнической группе в сравнении с представлениями коми о русских и пришла к следующим выводам. В целом на невербальном и вербальном уровнях самооценка русских выше, чем то, каким образом коми оценивают сами

себя. Тем не менее образ коми этноса в сознании русских, проживающих в Республике Коми, и образ русских в представлениях коми не только в достаточной степени позитивны, но и близки по структуре. Существенная степень сходства автостереотипов русских и гетеростереотипов коми населения Республик Коми свидетельствует о достаточной культурной близости этих народов, указывает на адекватность и толерантность взаимодействия [14, с. 13]. Результаты этнопсихологических исследований основных этнических общин республики — коми и русских — показали преобладание позитивных оценок себя представителями обеих групп [15, с. 103].

Куда более красноречивы и определены сведения о наличии дистанции между населением республики и недавним мигрантским сообществом. В отечественной социологии всесторонний анализ мигрантских дискурсов в российском общественном сознании осуществил В. И. Мукамель [10, 11]. Ряд исследований этнической информации в дискурсе СМИ представлен также в работах В. К. Мальковой [6, 7]. В Республике Коми проблема отношения населения к мигрантам рассматривается в рамках изучения истории межэтнического взаимодействия в регионе [3, 16, 17, 21], при оценке конфликтного потенциала в межнациональной сфере [8, 22] и при характеристике уровня региональной идентичности [23, 24, 25].

Опросы, проводившиеся в республике в 1990-е гг. и в первой половине текущего десятилетия, неизменно фиксировали высокий уровень «кавказофобии», который не только не снижался, но и имел тенденцию к возрастанию. Данные опроса «Я и мой народ», проведенного в Коми в 2004 г. показали, что ксенофобские настроения стали важной составляющей массового сознания: 40,2 % респондентов заявили, что не доверяют представителям кавказских народов [22, с. 98]. По данным того же опроса, среди молодежи уровень «кавказофобии» выше общереспубликанского на 10 %. На вопрос анкеты 2007 г. об отношении к мигрантам из стран ближнего и дальнего зарубежья, основная масса молодежи ответила «нейтрально». При этом количество респондентов, выбравших вариант ответа «скорее отрицательно», в два раза превосходит число выбравших «скорее положительно».

Также результаты республиканского мониторинга 2008 г. показали, что, по мнению жителей Республики Коми, более подвержены не-

терпимому отношению к лицам других национальностей молодежь школьного возраста — 34,6 % и студенчество — 40,8 % [17, с. 136–143]. Весьма показательными являются ответы на вопрос о недавних этнических мигрантах, полученные в рамках проекта «Этнокультурная ситуация в Сыктывкаре». Респондентам предлагалось выделить этнические группы населения РК, которые, по их мнению, возникли недавно. Затем предлагалось определить свое отношение к данным группам. О своем положительном отношении к «новым этническим группам» заявили 13,7 % респондентов, о нейтральном — 64,6 %, об отрицательном — 21,7 % [24, с. 126]. Среди таких групп на первом месте находятся «кавказцы» (37,0 %), на втором азербайджанцы (27,5 %), на третьем армяне (10,9 %), затем идут китайцы (7,4 %) и вьетнамцы (7,2 %). Последние группы, конечно, являются мифическими, ибо количество тех и других ничтожно, но в массовом сознании уже прочно сформировано представление об угрозе из Азии; данные группы по частоте упоминания обошли реально формирующиеся группы. Так, например, в одной из статей в молодежной газете «Твоя параллель», которая посвящена проблемам межнациональной розни и призывает к толерантному отношению, проводится аналогия между событиями во Франции 2006 г. и ситуацией с мигрантами в России. «Вызывают интерес также и события, происходившие не так давно во Франции. Это бунт эмигрантов, по преимуществу чернокожих. Есть в России проблема нелегальной миграции? Есть. В нашей республике это проявляется не так часто, но бывали ли вы во Владивостоке, где сплошь и рядом китайцы? Или в Москве, где нелегалов-гастарбайтеров пруд пруди» [20, с. 9]. В данном случае происходит искажение реальной ситуации и подмена понятий, когда все трудовые мигранты Москвы приравниваются к нелегальным мигрантам, проблема значительно гиперболизируется. На сегодняшний день нет четкого понимания как со стороны властных структур, так и широкой общественности республики проблемы необходимости интеграции мигрантов в принимающую среду. Хотя отдельные сдвиги в этом направлении могут быть отмечены. Так, например, в марте 2010 г. по инициативе Министерства национальной политики в Республике Коми совместно с национально-культурными автономиями «Узбекистан» и «Азербайджан» были организованы курсы по изучению русского языка для ми-

грантов из Кыргызстана и Узбекистана. Среди мигрантов, пришедших на курсы, большая часть — молодежь 1986–1989-х годов рождения. Основная часть работает на ЛПК, также мигранты заняты в строительстве, работают бетонщиками, каменщиками, водителями и слесарями [4].

На сегодняшний день масштабная трудовая миграция из стран Средней Азии не характерна для Республики Коми. Действительно, если обратиться к конкретным цифрам, то окажется, что «не так страшен черт, как его малюют». Для осуществления трудовой деятельности иностранным гражданам УФМС России по Республике Коми за 9 месяцев 2010 года было оформлено 2175 разрешений на работу. С учетом ранее выданных разрешений на работу на территории Республики Коми трудятся 1647 иностранных работников. Кроме того, иностранным гражданам выдан 221 патент, который позволяет работать у физических лиц [12]. По данным исследований Центра миграционных исследований, доля иностранцев среди занятого населения Республики Коми составляет 1,1 %. В данном случае вопрос привлечения иностранной рабочей силы — это дело конкретных работодателей и лежит, прежде всего, в экономической плоскости, нежели в культурной. Гораздо большее значение в анализе мигрантофобии приобретает фактор компактного проживания выходцев из республик Северного Кавказа, численность данной группы населения увеличилась с середины 1990-х гг. Эти мигранты преимущественно заняты в сфере торговли. И как показывают исследования, мигрантофобия в Коми равно «кавказофобия». Причем, негативное отношение к «кавказцам» как к чужакам распространяется и на другие этнические группы — молдаван, узбеков, киргизов и т.д. В данном случае даже не этничность выступает демаркационной линией между своими и чужими, притом, что часто обыватель не различает азербайджанца и чеченца, таджика и узбека, а цвет кожи: «черные», или «съёдьяс». В 2012 г. 53 % студенческой молодежи независимо от этнической принадлежности охарактеризовало состояние межэтнического взаимодействия в регионе как «относительно спокойное», благополучными их назвали 16,9 % респондентов. Снижение уровня позитивной оценки говорит, видимо, не столько о реальных проблемах в межэтническом взаимодействии, сколько о нарастающей тревожности при оцен-

ке ситуации в данной социальной сфере. Действительно, если обратиться к конкретным цифрам, то окажется, что «не так страшен черт, как его малюют». При ответе на вопрос анкеты 2012 г. о том, есть ли народы, к представителям которых вы относитесь с недоверием, 48,6 % молодых людей выбрали вариант «таких народов нет», но 18 % все-таки указали на свою предубежденность к «кавказцам».

Члены групп меньшинств и выходцы из межэтнических браков проходят через «постоянный внутренний референдум» на лояльность к той или иной общности. У этих людей в процессе этнической идентификации кроме критерия приписывания большую роль играет и критерий внутреннего выбора. Даже люди, имеющие объективные основания причислять себя к какой-либо общности, например дети из смешанных в этническом отношении браков, часто оказываются чужими для нее. В одном из интервью была описана подобная ситуация: «... я родился в Азербайджане (г. Баку), отец привез мою мать из Коми АССР в начале 1980-х гг., а когда началась война, мы всей семьей (у меня еще есть старшая сестра Адыля) убежали на Родину матери в село Дон Усть-Куломского района Республики Коми, и в детский сад я пошел уже там. Конечно, в отличие от моей старшей сестры, азербайджанского языка я не знал, зато по-коми говорил лучше многих местных. Но за мной на всю жизнь в деревне закрепилось прозвище “щед Эльмар”, так до конца и не приняли за своего...» (Интервью № 12, м., 1985 г.р., с. Дон — филологический факультет КГПИ).

Конечно, важно, в каком контексте задаются вопросы об отношении к тем или иным этническим группам. Тем не менее следует признать, что уровень этнической интолерантности достаточно высок, что доказывают и материалы глубинных интервью со студентами вузов г. Сыктывкара. Так, при описании значения и содержания своей этнической принадлежности часто встречаются замечания по отношению к мигрантам из кавказского региона: «...я совсем не хотела бы быть кавказской национальности в Республике Коми, мне кажется, я чувствовала бы себя неуютно...» (Интервью № 5, ж., 1988 г.р., г. Емва — колледж экономики и права СыктГУ) или «...могу честно сказать, что испытываю личную неприязнь к лицам кавказской национальности, т.к. они засоряют нашу республику и занимают рабочие места, где могли бы работать местные жители...» (Интервью № 16, м., 1988

г.р., п. Троицко-Печорск — колледж экономики и права СыктГУ). Утверждается мнение, что мигранты из Северного Кавказа составляют значительную конкуренцию для местных жителей, хотя на самом деле данная категория мигрантов задействована только в торговле, где доля местных минимальна.

Важным показателем, свидетельствующим о том, что интолерантность широко распространена, является тот факт, что большинство респондентов могут назвать случаи проявления интолерантности: большая часть знакома с такими примерами из СМИ (61,2 %) [24, с. 126]. В республиканских печатных изданиях начинает активно муссироваться тема толерантности, уважения прав личности, противостояния ксенофобии после событий в Кондопоге. Среди национальной элиты сформировался дискурс поддержки карельского партнера по финно-угорскому миру и переложение проблемы на собственный регион. В ходе анализа выпусков молодежной газеты «Твоя параллель» за 2006–2010 гг., интернет-сайтов информационных агентств оказалось, что, с одной стороны, призывы звучали вполне позитивные, даже в названии статей: «Строители свободного мира», «От чего отводят наши глаза», «Истинная национальность — человек», «Как противостоять экстремизму» и т.д. Но при всем при этом содержание информации и те дискурсы, в которых рассматривалась проблема отношения к мигрантам, сохраняли негативный оттенок. Вот некоторые примеры: «Нужно уважать чувства людей, которые испытывают искреннее негодование при виде беззаконий, совершаемых людьми другой национальности... Как должен реагировать человек на события вроде тех, благодаря которым стала известна карельская Кондопога?» [13, с. 8], «Вспомните, у кого чаще всего работники Госнаркоконтроля изымают героин? И это касается не только Республики Коми. По статистике, чаще всего продажей и ввозом наркотиков занимаются лица неславянской национальности» [20, с. 9]. Мигранты рассматриваются только как нелегальные, представляющие угрозу для общества, с ними связываются криминальные разборки и распространение наркотиков, конкуренция дешевой иностранной рабочей силы. Но не менее значимы и другие источники информации: Интернет (21,4 %), рассказы других людей (25,5 %), надписи на

заборах и стенах (40,0 %). При этом 14,5 % указали, что сами были свидетелями унижения, оскорбления людей на основании их религиозной или этнической принадлежности, а 3,3 % респондентов сами были либо участниками, либо пострадавшими в подобных инцидентах. Более того, 22,8 % респондентов указали, что знакомы со случаями, когда человека увольняли из-за его принадлежности к определенной этнической группе. При этом 11,9 % согласны с тем, что человеку можно отказать в приеме на работу только на основании его принадлежности к этнической, расовой или религиозной группе, а еще 33,0 % допускают это с оговорками [24, с. 149].

Высокая степень поддержки действий, связанных с вытеснением из тех или иных сфер деятельности нежелательных этнических конкурентов, объясняется, с одной стороны, отсутствием в республике продуманной и последовательно реализуемой миграционной политики и стратегии воспитания толерантности у населения, а с другой — поддержкой со стороны властей идей этнического фаворитизма (здесь наиболее типична долгое время была формула «поддержка коренного народа есть главное направление национальной политики в Республике Коми») и глубоко укоренившейся практикой символического разделения республиканского сообщества на две качественные социальные страты, выделяемые по этническому признаку: «коренной народ — некоренное население». Такое схематичное противопоставление широко используется крайними националистическими силами в пропаганде своих идей.

Согласно данным, полученным в ходе опроса Комистата в 2007 г. при ответе на вопрос о том, какие партии, движения и объединения вызывают симпатию и доверие, 0,3 % всех опрошенных в возрасте 14–29 лет назвали какие-либо организации экстремистской направленности (крайне правые, РНЕ, национал-социалисты, скинхеды). По сравнению с данными 2002 г. не наблюдается роста «рейтинга» экстремистских организаций в сознании молодежи. Также каждый девятый респондент сообщил, что ему известны организации, пропагандирующие превосходство одной религии над другой в его населенном пункте, а каждый шестой из числа опрошенных студентов знает организации, пропагандирующие превосходство одной национальности

над другой [9, с. 31]. Похожие данные были получены в ходе опроса студенческой молодежи в 2007 г. Примерно 44 % опрошенных ответили, что никогда не слышали о деятельности таких организаций, как РНЕ, ДПНИ, СНВ; 38 % — что-то слышали, но никогда специально не интересовались; 11 % — знают о их деятельности, но не разделяют программных установок. Причем подавляющее число молодых людей согласны с утверждением, что деятельность неформальных молодежных объединений, радикальных, религиозных и националистических организаций часто сопровождается совершением тяжких преступлений.

Наличие культурной дистанции наиболее остро проявляется при анализе поведения в сфере личного общения и в содержании этнических стереотипов, которые широко распространены в общественном мнении. На вопрос анкеты 2007 г. о готовности принять в качестве члена своей семьи представителя любой национальности, расы, религии, большинство опрошенных студентов всех этнических групп ответили, что скорее согласны с данным утверждением. Среди русских молодых людей на 10 % больше скорее несогласных принять в свою семью представителя другой национальности расы, религии; наибольшее число полностью согласных лишь среди представителей других этнических групп — 30%, тогда как среди русской молодежи таких — 14 %, а среди коми — 9 %.

Похожая ситуация наблюдается при распределении ответов на вопрос: «В смешанных браках обычно больше проблем, чем в браках между людьми одной национальности?» Среди представителей других этнических групп на 10% больше абсолютно не согласных с данным утверждением по сравнению с коми и русской молодежью, тогда как скорее согласных среди коми больше всего — 22 %, у русских — 17 %. Таким образом, наиболее терпимыми по отношению к людям разных национальностей являются представители неосновных этнических групп Республики Коми. Вполне естественно, что в полиэтничной республике отношение к межэтническим бракам в целом является весьма позитивным: только 10 % респондентов в той или иной мере не поддерживают заключение брачных союзов между представителями разных этнических групп населения, а остальные либо выступают в их поддержку, либо относятся к ним нейтрально. В республике, где около 40 % семей — это семьи, где супруги принадлежат к

разным этническим группам, а доля межэтнических браков у некоторых групп (например, у коми) превышает половину от всех заключаемых браков, иного отношения и быть не могло [9, с. 31].

Совершенно естественно, что в Коми 77,6 % респондентов заявили, что среди их друзей и знакомых есть люди разной этнической принадлежности (друзья и знакомые только «одной национальности» у 13,5 %), а 8,8 % респондентов вообще указали, что не знают об этнической принадлежности своих друзей [24, с. 115]. По данным опроса студенческой молодежи 2007 г., подавляющее большинство респондентов имеет друзей разных этнических групп. Несмотря на существующую предубежденность в характере межэтнических установок, с середины 1990-х гг. в Республике Коми отмечается довольно высокий уровень позитивной оценки межэтнического взаимодействия в РК. Так общереспубликанский опрос 1996 г. показал, что 42,3 % респондентов оценили межэтнические отношения в РК как «очень хорошие»; 51,2 % опрошенных согласились с тем, что они «в целом нормальные, но есть некоторые проявления межнациональной вражды», а 1,2 % решили, что они плохие [2].

По данным опроса 2007 г., половина как коми, так и русской молодежи оценивают состояние межнациональных отношений как относительно спокойное. Но с другой стороны, каждый пятый независимо от национальности говорит о напряженном состоянии межнациональных отношений в Республике Коми и лишь каждый десятый респондент называет их благополучными. В такой ситуации характеристика состояния межнациональных отношений как «относительно спокойное» является достаточно противоречивой, и при определенных условиях маятник настроений может колебаться от «благополучного» к «напряженному». Снижение уровня позитивной оценки говорит, видимо, не столько о реальных проблемах в межэтническом взаимодействии, сколько о нарастающей тревожности при оценке ситуации в данной социальной сфере.

В свою очередь, анализ структуры идентификационного поведения показал, что социокультурная идентификация молодежи вне зависимости от этнической принадлежности в целом схожа и включает одни и те же ценностные ориентации, в которых этнические характеристики занимают далеко не первые ранговые места. Наиболее есте-

ственным для человека является стремление к сохранению позитивной этнической идентичности. Важной в этой связи представляется следующая закономерность: позитивная этническая идентичность обязательно предполагает наличие достаточно благоприятных образов других этнических групп и высокую толерантность по отношению к ним. Иными словами, чем благоприятнее представление человека о собственной этнической принадлежности, тем терпимее он в отношении других этносов, и тем менее схематизированными и однозначными становятся его представления о «чужих». В свою очередь позитивное самоощущение и позитивная этническая идентичность во многом зависят от социально-экономической обстановки в регионе: чем она благоприятнее и чем больше возможностей для самореализации молодого поколения, тем меньше межэтническая напряженность. На сегодняшний день признается низкий уровень региональной идентичности среди молодежи. В 2012 г. 45 % опрошенных студентов отметили, что жители республики не составляют единого территориального сообщества. Республика не является привлекательным в социально-экономическом и культурном плане регионом для молодежи. Примерно треть студентов готова навсегда уехать из родной республики. Отмечается фрагментированность самого республиканского общества, что не позволяет сложиться обществу с едиными целями и тесными территориальными связями и затрудняет процессы интеграции мигрантов.

1. Бызова В. М. Психология этнических различий в самосознании коми и русских. Сыктывкар, 1997. С. 56–57.

2. Вячеславов В., Ковалев В., Шабает Ю., Ярошенко С. Республика Коми: экономика, политика, национальные отношения (Социологический портрет весны 1996 года) // Вестник Государственного Совета Республики Коми. 1996. № 3.

3. Жеребцов Л. Н. Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами. М. : Наука, 1982. Жеребцов И. Л., Рожкин Е. Н. Этнодемографические процессы в Коми крае (XI — начало XX века). Сыктывкар, 2005.

4. Как корреспондент «КомиОнлайна» изучал русский язык вместе с мигрантами. URL: <http://komionline.ru/news/19627> (дата обращения: 26.10. 2010)
5. Кон И. С. Психология предрассудка. О социально-психологических корнях этнических предубеждений // Новый мир. 1966. № 9. С. 187–205.
6. Малькова В. К. Российская пресса и проблемы этнической толерантности и конфликтности. URL: <http://www.mdn.ru/information/sections/vk-malkova> (дата обращения: 29.03. 2011)
7. Малькова В. К. «Не допускается разжигание межнациональной розни...». Книга об этнической журналистике. Из опыта анализа российской прессы. 2-е изд. М. : ИЭА РАН-МБПЧ, 2007.
8. Миронова Н. П. Конфликтный потенциал молодежи Республики Коми // Бюллетень сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. Институт этнологии и антропологии РАН. 2009. № 85, май-июнь. С. 45–48.
9. Молодежь Республики Коми. Аналитический материал. Федеральная служба государственной статистики. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Коми. Сыктывкар, 2008.
10. Мукомель В. И. Грани интолерантности (мигрантофобии, этнофобии) // Социс. 2005. № 2. С. 56–65.
11. Мукомель В. И. Ксенофобия и насилие в России: современные и грядущие вызовы // Вестник Института Кеннана в России. 2009. Вып. 16. URL: http://www.isras.ru/pers_about.html?id=120 (дата обращения: 08.09. 2010)
12. Об итогах служебной деятельности Управления Федеральной миграционной службы по Республике Коми за 9 месяцев 2010 года. Официальный сайт УФМС по Республике Коми. Новости. 12 октября 2010 г. // URL: <http://fms.rkomi.ru/news/news.php?show=2> (дата обращения: 20.10. 2010)
13. Пельмегов И. Истинная национальность — человек // Твоя параллель. 2007. 26 января.
14. Пешкова В. М. Городское русское население Республики Коми: самосознание, этнические контакты и социокультурные ориентации : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1999.
15. Понарядова Г. М., Черепанова Т. В. Компоненты самосознания коми // Коренные этносы Севера европейской части России на пороге нового тысячелетия: история, современность, перспективы : материалы Ме-

ждународной научной конференции (Сыктывкар, 17–19 мая 2000 г.). Сыктывкар, 2000.

16. Рогачев М. Б. Межнациональные браки в городах Коми АССР в 1930–70-е гг. XX века (на примере гг. Сыктывкара и Воркуты) // Вопросы этнографии народа коми. Тр. института языка, литературы и истории КФАН СССР. Вып.32. Сыктывкар, 1985.

17. Рожкин Е. Н., Фаузер В. В. Межнациональные факторы социокультурной динамики в XX в. в Республике Коми // Питирим Сорокин в истории, науке и культуре XX века : материалы международной конференции, посвященной 120-летию со дня рождения П. А. Сорокина. Сыктывкар, 2009. С. 136–143.

18. Соколовский С. В. Категория «коренные народы» в российской политике, законодательстве и науке. URL: www.prof.msu.ru/publ/book3/sok.htm (дата обращения: 18.02.2011)

19. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. М. : Аспект Пресс, 2004.

20. Тимошенко В. Национализм и мы // Твоя параллель. 2006. 27 января.

21. Фаузер В. В., Рожкин Е. Н., Загайнова Г. В. Республика Коми в XX веке: демография, расселение, миграция. Сыктывкар, 2001.

22. Шабаев Ю. П. Коми // Этническая ситуация и конфликты в странах СНГ и Балтии. Ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов, 2006 / под ред. В. Тишкова и Е. Филипповой. М., 2007.

23. Шабаев Ю. П. Территориальное сообщество и этнические воззрения населения коми // Социс. 2004. № 11. С. 75–82.

24. Шабаев Ю. П. Этнокультурная ситуация в Сыктывкаре // Российская нация: становление и этнокультурное многообразие. М. : Изд-во Института этнологии и антропологии (ИЭА) РАН, 2008.

25. Шабаев Ю. П., Гончаров И. А. Территориальная и социальная идентификация жителей Республики Коми (по материалам социологических исследований) // Формирование региональной инфраструктуры гражданского общества: социоэкономические и социокультурные аспекты : материалы Третьего Северного социально-экологического конгресса «Социальные перспективы и экологическая безопасность», 18–20 апреля 2007 г., Сыктывкар / [отв. ред. И. А. Гончаров]. Сыктывкар: КРАГСиУ, 2008. С. 35–45.

А. К. Гагиева

**Влияние модернизации на социальные процессы
на территории Коми края в XVIII — начале XIX веков**

УДК 93/94 + 316.422

Исследование влияния модернизационных процессов на жизнь конкретных людей и обществ является актуальным. Впервые в исторической литературе на примере изучения влияния модернизации на социальную структуру общества показаны механизмы появления пограничных зон, выявлены специфические черты развития Коми края в условиях аграрно-промыслового освоения.

Ключевые слова: волость, модернизация, индустриализация, «задатчивание», отход, аграрно-промысловое освоение.

Gagieva A. K. The impact of the modernization of social processes at the territories of the Komi Region in XVIII — at the beginning of XIX centuries

The research necessity of the impact of modernization processes on the life of indigenous people and society is very essential. It is the first time, when on the example of the observation of modernization influence on the social culture, the following items are shown: the mechanisms of creation of the border zones, peculiar features of the Komi region development in the context of agrarian and trade reclaiming.

Key words: volost, modernization, industrialization “zadatchivanie”, break-away, agrarian and trade reclaiming.

Изучение процессов модернизации в настоящее время является одной из актуальных задач. Это связано с тем, что в настоящее время историческая наука находится на описательной стадии, тогда как практически все науки перешли к аналитичности и прогностичности. Происходит отрицание крупных теоретических проблем, идет фрагментация исторического знания [5]. Исходя из этого, вопросы модернизации выходят на первый план.

Мы уже рассмотрели индустриализацию Европейского Севера России в условиях модернизации XVIII в. [2]. В результате исследования были сделаны следующие выводы. Для Коми края был характерен очаговый характер модернизации, который приводил к созданию анклавов, окруженных сохранявшейся традиционной аграрной периферией. В процессе модернизации широко применялись традиционные институты и социальные технологии — внеэкономическое принуждение для мобилизации трудовых ресурсов и феодальные привилегии для обеспечения экономической элиты производственными ресурсами [2]. Однако модернизация привела не только к изменению производственной инфраструктуры, но к изменению социальной структуры крестьянского общества.

Цель этой статьи — рассмотреть социальные отношения и влияние на них промышленной модернизации на примере крестьянских поземельных общин Европейского Севера. Для ее достижения мы использовали как опубликованные, так и неопубликованные источники [2].

С целью более конкретного исследования проблемы мы изучили явления и процессы, проходившие в Яренском и Устьысольском уездах, входивших составной частью в Европейский Север России [4, с. 218–224].

Социальные отношения на изучаемой территории на протяжении веков имели свои особенности. Они выражались в отсутствии здесь крепостного права. Основную массу населения составляли государственные крестьяне, количество которых неуклонно росло. Если в конце XVIII века на территории края насчитывалось 51675 человек, то к 1835 г. — уже 83–84 тыс. чел. [4, с. 293–297]. Национальный состав переселенцев оставался однородным. В основном это были коми крестьяне. Русские составляли незначительный процент [4, с. 297–298].

Издавна население было объединено в крестьянские общины, а основным занятием населения оставалось сельское хозяйство. Охота и рыболовство являлись при этом вспомогательными. Впервые юридическое оформление крестьянского землепользования произошло в ходе Генерального Межевания 1784–1786 гг., когда крестьянам выделялось в надел 15 десятин на ревизскую душу [3]. На изучаемой территории, как показывают исторические источники, крестьяне Яренского и Устьысольского уезда получили земли намного больше. В

ряде селений на душу приходилось до 60 десятин [3]. Это произошло потому, что сюда вошла земля, не только пригодная для хлебопашества, но и болота, лес и перелески. В результате, большинство земель оказалось непригодно для хлебопашества. При этом разработанные земли обычно находились в 25 верстах от селений, которые по Генеральному Межеванию должны были выкупаться у администрации за отдельную плату [3].

Земельные угодья были в индивидуальном, подворном пользовании. Право пользования переходило от одного поколения к другому по наследству, и крестьяне считали себя владельцами земли, причем передача по наследству никогда не оформлялась. Ссылаясь на давность владения, крестьяне свободно дарили, продавали, обменивали, сдавали в аренду свои земельные участки. Государство в конце XVIII века издало ряд указов о категорическом запрещении казенным крестьянам отчуждать наделную землю под каким бы то ни было видом. Однако никакого воздействия данные указы не имели, и население продолжало, вплоть до конца XIX века, считать наделную землю своей собственностью [4, с. 304–315]. Свободное распоряжение землей приводило к мобилизации земельных участков, расширению пахотного клина, социальным изменениям в деревне. Исторические источники в исследуемое время фиксируют в среде крестьянства следующие социальные группы: бобыли, «маломощные», «средние» и «маломощные». По данным Устьсысольского уездного суда, в 1786 г. «478 душ мужского пола и 226 душ женского пола крестьян, именующихся бобылями, потому что своих хлебопашенных земель не имеют» [4, с. 304–315]. В Корткеросской волости в это же время бобылей и маломощных было 20 %, в Подгородной — 12,3 % [3]. Они жили за счет различных заработков — трудились на промышленных предприятиях, нанимались на работу к более состоятельным землякам, уходили за пределы края и принимали участие в освоении территорий.

Для обеспечения удовлетворительных условий существования часть населения нанималась на работу в хозяйствах крестьян. Основанием служили крестьянские долговые обязательства. Обычно деньги за работу брались вперед. Так, в 1746 г. крестьянин Яренского уезда Подгородной волости Г. И. Апенишников занял у Н. Селиванова

24 рубля сроком на пять лет. Для этого Апенишников обязывался «ставить Селиванову половину сена», скошенного с его поля на Вычегде [8, д. 9, л. 3]. В 1775 году крестьянин Ибской волости А. М. Ракков нанялся к крестьянину той же волости Г.М. Муравьеву за 10 руб. в год [8, д. 4, л. 185]. В том же году крестьянин Корткеросской волости Казаков работал у крестьянина Шежаской волости П. Чукичева из договора за оплату по алтыну в день [8]. В 1757 году крестьянин Усть-Немской волости Т. Напалков занял у крестьянина той же волости М. Габова 40 рублей. При этом обязался «за те деньги к нему, Габову в дом... отдать в черные работы детей своих Василия и Петра Тофимовых Напалковых от вышеписанного 1757 году. А на год им за работу засчитать 4 рубля денег» [8, д. 48, л.2].

Кроме работы у своих односельчан, коми население активно трудилось на промышленных предприятиях. Быстрый их рост остро выдвигал вопрос о рабочей силе. Первоначально работа на заводах производилась купленными в различных местах людьми, опытными в горном деле, а подсобные работы выполнялись местным населением. Так, побывавший в крае И. Лепехин в 1767 году отмечал «собственных людей у Походяшина (владелец Ньючимского завода. — А.Г.) на заводе сем нет, кроме нужных мастеровых, а подсобная заводская работа отправляется зырянскими руками». Таких насчитывалось 126 человек вместе с семьями, количество которых постоянно росло и составило к 1800 году 236 человек [4, с. 253–259].

Однако заводы не могли обойтись без привлечения к производству местного населения, которое использовалось для выполнения подсобных работ: добычи руды, жжения угля, рубки леса и т.д. Всего к 1799 году на трех железоделательных заводах ежегодно было занято более 6.000 человек. Отношения, которые складывались между заводладельцами и наемными людьми, получили название «задатчивание», а наемные крестьяне определялись в исторических источниках как «задаточные люди». Следует отметить, что в изучаемое время «задатчивание» было характерно практически для всех промышленных предприятий Коми края. Причем данная «процедура» активно поддерживалась не только заводскими, но и уездными администрациями. И это не случайно. Администрация была заинтересована в сборе подушных денег с населения и прилагала все усилия для свое-

временного сбора налогов. Аналогичную позицию занимали и крестьянские организации.

Заводские управляющие, объезжая волости, предлагали на «мирских» сходах деньги в счет уплаты налогов за несколько лет вперед с последующей отработкой этого долга на заводах. Например, крестьяне Гривенской волости, заняв в 1758 году всей волостью у заводчика Курочкина 300 рублей «для оплаты доимок», обязались работать 4 года по 30 человек на новостроящихся Нючпасском и Кажимском заводах каждый год по два месяца... В том же году крестьяне Ужгинской волости заняли у него же 900 рублей, обязавшись отработать их за 5 лет. Работая в год по 50 человек, каждый по 91 дню [7, дд.145, 188, 197 и др.].

Однако были случаи и самовольного ухода крестьян с работы, и неповиновение заводским властям, и отказ отрабатывать взятые в долг деньги. Следует отметить, что по данному вопросу в исторической литературе существует следующее мнение. Авторы «Очерков по истории Коми АССР», рассматривая «задатчивание» на промышленных предприятиях края в XVIII веке, указывают, что «эксплуатация труда была чисто феодальной: налицо крепостные квалифицированные мастера и “задаточные” люди для подсобной работы. Ни те, ни другие не имели права добровольно покинуть заводы: одни в силу прикрепления к заводам, другие вследствие невозможности расплатиться с долгами» [6, с. 162].

Признавая определенную правоту данных высказываний, необходимо отметить следующее. В документах исследуемого периода случаи крестьянского неповиновения не носят массового характера. В большинстве своем крестьянские «миры», заключая договоры на отработку на заводах, отпускали «добровольно», «с всеобщего согласия» в ближний «отход» для работы на заводах односельчан. Причем процент ушедших на заводы на протяжении исследуемого времени постоянно рос, что подтверждается положительной динамикой ушедших на заработки в пределах края [3, с. 249–259]. Заводчики, заключая договор с крестьянскими «мирами», не только выплачивали аванс за работу на заводах, но и снабжали работников продуктами, что также подтверждается «мирскими приговорами».

Промышленные предприятия постоянно нуждались в дополнительной рабочей силе. Это было вызвано расширением производства, ростом правительственных заказов. Конторы заводов принимали на работу беглых крепостных крестьян из других уездов и местных крестьян, укрывавшихся от сбора подушной подати или рекрутской повинности, а также уголовные элементы, скрывавшиеся на заводах от преследований правительства. По донесению Яренской воеводской канцелярии в 1770 году «при рекрутских наборах, а особливо при нынешнем последнем, многие яренские посадские люди, годные и очередные к отдаче в рекруты, чинили укрывательства, из коих Иван Новоселов и Фёдор Афанасьев допросами показали, что они во все времена одного рекрутского набора укрывательство имели в Яренском уезде на железо действующем верхотурского купца Максима Походяшина Нювчимском заводе.... На котором укрывался и Федор Тарханов, кой, так же и Иван Горинов и поныне находится в держании на том же заводе» [9, кн. 1310, л. 360]. Местная администрация пыталась вернуть «беглецов», но для этого требовались специальные указания Сената и Берг коллегии. Предписывалось «впредь таковых безпашпортных беглых на заводах не держать» [9, кн.1356, д. 14. лл. 456–460]. На заводских приказчиков регулярно накладывались денежные штрафы за невыполнение этого распоряжения, но ситуация не менялась.

На изменение социальной структуры в условиях модернизации оказывал и уход крестьян на заработки как внутри края (ближний), так и за его пределы (дальний). И если ближний не мешал заниматься сельским хозяйством и продолжался от одного до трех месяцев, то дальний включал от одного до трех лет. К ближнему отходу относилась уже упоминаемая нами работа на железоделательных заводах, сплав леса и сопровождение грузов с солью, скотом и прочими товарами по северным рекам. К дальнему относился уход коми крестьян в сибирские города (Иркутск, Якутск, Нерчинск, Томск и другие), а также в центральную Россию — Казань, Таганрог, Вятку. К концу XVIII века наблюдается отход крестьян на металлургические заводы Среднего Урала и Приуралья (Косотуровский железный завод Лучининых, Омутнинский завод Осокиных, Полевицкий медеплавильный завод Турчанинова). Здесь крестьяне становились составной частью работных людей для уральской промышленности. Так, в 1780 году Ярен-

ская воеводская канцелярия в своем определении об отправке крестьян на заводы Осокиных следующим образом сформулировала необходимость подробной «операции»: «...чтобы не отнять от него (заводчика) охоты нанимать в здешнем уезде работников и давать ... задаточные деньги, которые вступают в платеж подушной подати, следовательно, в том зависит польза крестьянству, а паче казне» [7, д. 101].

Вместе с тем отход крестьян на изучаемой территории был ограничен паспортной системой. Паспорта выдавались на три года и то при условии, что за уходящим все налоги будет выплачивать «мир». Довольно часто ушедшие не возвращались. Одна часть «невозвращенцев» оседала в местах отхода, заводила семьи и вливалась в состав ремесленников. Другая часть, приходя на новое место, продолжала заниматься сельским хозяйством. И те и другие в местах нового места жительства сохраняли прежнее социальное положение.

Модернизация промышленности оказала влияние на подвижность населения и аграрно-промысловое в большинстве своем освоение новых территорий. Так, в конце XVIII века начинается активное освоение Ижмо-Печорской территории. Появляется целый ряд населенных пунктов, основанных как русскими, так и коми. Например, русскими были освоены берега р. Цильмы, а коми крестьянами — берега верхней и средней Печоры, верхней Ижмы и т.д. Существенные изменения происходили на верхней Вычегде, в Прилузье, где также шло активное освоение территории [4, с. 218–224]. Формировались группы русских и коми поселений, которые должны были для своего стабильного развития в ситуации «пограничья» продолжать осваивать территории и при этом сохранять свою самобытность. Это приводило к формированию различных хозяйственных, социальных, конфессиональных, этнокультурных ландшафтов, в основе которых лежала разновекторная диффузия традиционного и современного типов, которая была естественной в условиях освоения. Поселяясь на вновь «обретенных» землях, коми и русские крестьяне приносили собой не только сельскохозяйственные и промысловые навыки, но и организовывали свою жизнь исходя из традиций и обычаев, принятых на той территории, откуда они пришли.

Анализируя влияние модернизации на социальные процессы на территории Коми края в XVIII — начале XIX вв., стоит отметить

прежде всего наличие и сохранение здесь так называемого освоенческого синдрома. При этом наблюдалось складывание на изучаемой территории многоукладного комплекса хозяйственных связей, деформация традиционного общества, что выразилось в активизации расслоения населения и усилении товарно-денежных отношений. Следует учитывать и то, что влияние на структуру населения модернизационных процессов проходило крайне медленными темпами и затянулось до конца XIX века.

1.Балуева Д. Д. Земельные отношения и положение крестьян Коми края в XVIII веке : дис. ...канд. ист. наук. Сыктывкар, 1960. Научный архив Коми научного центра Уральского отделения РАН (НА КНЦ УрО РАН). Ф.1 оп.12, д.45.

2. Гагиева А. К. Индустриализация Европейского Севера России в условиях модернизации XVIII в. // Человек. Образование. Культура : научно-образовательный и методический журнал. 2014. № 2 (12). С.121–132.

3. Гагиева А. К. Община крестьян Коми края во второй половине XVIII в. : дис. ... канд. ист. наук. Сыктывкар, 1987. Научный архив Коми научного центра Уральского отделения РАН (НА КНЦ УрО РАН). Ф. 5 оп.2, д.401.

4. История Коми с древнейших времен до конца XX века : в 2 т. Сыктывкар, 2004. Т. 1.

5.Опыт российских модернизаций XVIII–XX вв.: взаимодействие макро и микропроцессов / В. В. Алексеев, Е. В. Алексеева, К. И. Зубков и др.; Ин-т истории и археологии. Екатеринбург : Банк научной информации, 2011.

6 Очерки по истории Коми АССР. Сыктывкар : Коми кн. изд-во, 1955. Т. 1.

7. Российский Государственный Архив Древних Актов (РГАДА) Ф.609. Оп.1.

8.РГАДА, Ф. 609. Оп. 3.

9. РГАДА, Берг коллегия.

ФИЛОЛОГИЯ

А. А. Лысов

Фетовская традиция в стихотворении Н. А. Клюева «О ели, родимые ели...»

УДК 821.161.1

В статье раскрывается наличие фетовской традиции в стихотворении Н. А. Клюева «О ели, родимые ели...». Фетовское лирическое начало является идейно-художественным центром клюевского текста. В то же время достаточное внимание в исследовании уделено и периферии клюевского текста: фольклорному элементу, обрядовости, орнаментальности, загадке, которые значительно усиливают центральный замысел поэта. Своеобразное взаимодействие центра и периферии показывает не только самобытное народное звучание авторской лирической позиции, но и ее близость позиции А. А. Фета, Н. П. Огарева, Л. Н. Толстого, Аввакума. Так, исследуемое стихотворение обнаруживает свое непосредственное функционирование в контексте центростремительных тенденций русской литературы. Также в статье обращается внимание на отсутствие единства клюеведов в понимании как самого замысла, так и ключевых образов и их символики в исследуемом произведении. Статья впервые в клюеведении точно определила главный замысел стихотворения «О ели, родимые ели...».

Ключевые слова: традиция, мотив, образ, символ, лирический герой, орнамент, обряд, загадка.

Lysov A. A. Fet's Tradition in N. A. Kluev's Poem «Oh Spruces, Native Spruces...»

The article is concerned with revealing Fet's tradition in N.A. Kluev's poem «Oh Spruces, Native Spruces...». Fet's lyric basis is the conceptual and artistic center of Kluev's text. At the same time, the sufficient attention in the research is paid to the periphery of Kluev's text: folklore element, ritualism, ornaments, riddle, which increase the poet's central idea. Peculiar interaction of the center and the periphery shows not only original folk sound of the author's lyric position but also its nearness to the position of A. A. Fet, N. P. Ogaryov, L. N. Tolstoy, Avvakum. This way the investigated poem reveals its immediate functioning in the context of the centripetal tendencies of the Russian literature. In addition, the attention in the article is also paid to the absence of the unity between Kluev studying specialists as regards both the main idea itself and key images and their symbolism in the investigated production. The article for the first time in Kluev studying detected precisely the general idea of the poem «Oh Spruces, Native Spruces...».

Key words: *tradition, motif, image, symbol, lyric hero, ornament, ritual, riddle.*

Стихотворение Н. А. Клюева «О ели, родимые ели...» (1916) продолжает поэтическую традицию А. А. Фета, обнаруживает его главную отличительную черту — присутствие философского лиризма, лирической дерзости в одушевлении и очеловечивании природы. Эта художественная особенность в стихотворении «О ели, родимые ели...» своеобразно сочетается с характерным для Клюева приемом психологического параллелизма, фольклорным песенным началом, архаикой, усилена их экспрессивностью, узором, орнаментом.

Суть стихотворения на сегодняшний день не раскрыта: исследователи не обнаружили фетовскую линию и не сумели выделить главную идею, которая полностью охватывает стихотворение и выражается его сложной образностью.

Е. Шокальский указал на «мифологический (точнее, космогонический) характер связи клюевского героя с деревом» [7, с. 4]. По мнению исследователя, в основе стихотворения и его главного образа — деревьев — лежит обрядовая идея посвящения в таинства: «Лес и деревья уподобляются жрецам и священникам, в них как бы сосуществуют начала христианские и языческие; стало быть, посвящение в святыне тайны имеет, соответственно, характер православного таинства и, вместе с тем, языческой мистерии: *Вы<...>клятвой великой связали — Любить Тишину-Богомать, а в финале: ели, пресвитеры-ели,*

В волхвующей хвойной купели Омоют громовых сынов» [7, с. 5]. Это вполне справедливое наблюдение не является, однако, исчерпывающим.

Другой исследователь, Н. И. Неженец, выделяет прежде всего фольклорность ключевского текста: «Произведение это выдержано в народно-песенном плане: в основе его структуры — развернутое лирическое обращение автора-повествователя к характерному предмету внешней среды. Фольклорный колорит, подчинивший себе архитекtonику сюжетной ситуации, одновременно проник и в стилевую сферу стиха <...>» [3]. Фольклорное начало, действительно, присутствует в стихотворении, но имеет, как показывает сопоставительный анализ, более сложное предназначение — репрезентацию фетовского слова.

Также исследователи расходятся в понимании символики центрального образа елей. Согласно Е. Шокальскому, «Деревья, к которым так восторженно взывает человек и о которых он говорит: *Раздумий и ран колыбели, Пир брачный и памятник мой*, символизируют живительную теплоту (грели меня и питали) и, вместе с тем, драматизм материнства и, вообще, сексуальности: *На вашей коре отпечатки, От губ моих жизней зачатки* <...>» [7, с. 4]. Н. И. Неженец считает иначе: «Ели в стихах Ключева символизируют сложную судьбу человека-художника. Вместе с тем и реально, вещно входят в лирический мир поэта. Ели — предмет его самобытной поэзии, источник творческого вдохновения. Они вызвали к жизни мотив “русской Индии”, который в тексте возникает дважды: сначала — косвенно, в скрытом метафорическом сравнении (“давят томов Гималаи”), затем — явно, как психологический штрих поэтического настроения автора» [3].

Прежде всего необходимо подчеркнуть, что первые два шестистишия ключевского стихотворения вводят мысль о ранах и Тишине-Богоматери:

О ели, родимые ели, —
Раздумий и ран колыбели <...>

Вы грели меня и питали,
И клятвой великой связали —
Любить Тишину-Богомать <...> [2, с. 105].

Подтекст понятия «раны» раскрывается непосредственно в связи с символикой зачинного образа стихотворения. «Ели» как объект ли-

рических философских размышлений стихотворения — это в первую очередь архетипический образ, символ вечности, а следовательно, твердости, негибкости, стойкости, непреклонности поэта перед невзгодами, суровыми испытаниями.

Именно этот мотив неуязвимости от многочисленных ран и выражается всей образной системой стихотворения:

<...>

Баюкаю сердце: не сетуй,
Что жизнь как болотная гать,

Что умерли юность и мама,
И ветер расхлябанной рамой,
Как гроб забивают, стучит,
Что скуден заплаканный ужин,
И стих мой под бурей простужен,
Как осенью листья раки, —

В нем сизо-багряные жилки
Запекшейся крови, — подпилки <цензурная порча — А.Л.>
И критик ее не сотрут.
Пусть давят томов Гималаи <...>

Пусть стол мой и лавка кривуша —
Умершего дерева души —
Не видят ни гостя, ни чаш <...> [2, с. 105].

Строка «Пусть давят томов Гималаи» выделяется среди остальных трагических строк и представляет собой подсказку — метафору: вместе строки выражают идею сильного давления, материального и духовного. Одиночество, смерть матери, старение, голод, цензура, критика тяготят поэта, давят на него, но он не ломается под гнетом трагических обстоятельств и остается верным духовным заветам предков.

Основной мотив и задающий его архетипический образ мирового дерева отчетливо выводят на стихотворение А. А. Фета «Одинокий дуб» (1856):

...

Вотще веков минувших сила
Твою вершину обнажила:

Ты не преклонен до конца,
И долго, долго будут годы
Рукой суровой непогоды
Рвать зелень пышного венца.

И под изрытою корою
Ты полон силой молодою...
Так старый витязь, сверстник твой,
Не остывал душой с годами
Под иззубренною мечами,
Давно заржавленной броней <...> [6, с. 146–147].

У Фета и Клюева звучит лирическое обращение к архетипическому образу мирового дерева как символа вечности, нестигаемости под гнетом времени. Образно-композиционное построение обоих произведений позволяет отметить их близость друг к другу и непосредственно к фольклору, обнаруживая единство общерусской словесной традиции — русского народного творчества и русской литературы. Клюев вскрывает глубинные связи поэта и народа, усиливая звучание иносказательного языка линий, орнамента, изографичности, узора, опираясь на поэтику загадки. Стилиевые фольклорные особенности и метафорическая насыщенность в стихотворении Клюева удлиняют и варьируют фетовскую ритмико-композиционную основу. Так, если у Фета пять шестистиший, то у Клюева — шесть, Фет использует ямб $\sim\sim$, Клюев — амфибрахий $\sim\sim\sim$, т.е. ту же ударную структуру с ударением на втором слоге, что и у ямба, только длиннее на один безударный слог.

Первая строфа фетовского текста вводит загадочный образ правнуков:

Смотри, синяя друг за другом,
Каким широким полукругом
Уходят правнуки твои <...> [6, с. 146].

Подсказкой внутри всего иносказания «правнуки уходят полукругом, синяя» являются слова «уходят полукругом». В связи с этим, сама разгадка таинственного образа правнуков начинает открываться в четвертой строфе фетовского текста:

Все дальше, дальше с каждым годом,
Вокруг тебя незримым ходом,
Ползет простор твоих корней <...> [6, с. 147].

Как видно, слова «вокруг» и «ход» характеризуют, на образно-художественном уровне, движение, разрастание, распространение корней Дуба и одновременно продолжают предшествующую мысль «уходят полукругом», тем самым на лексико-языковом уровне являясь корнями, т.е. однокоренными словами этого выражения из первой строфы. Значит, у Дуба и его правнуков, явствует из четвертой строфы, общие, единые корни, а Дуб — это также и словесное дерево, и архетипический образ вечной жизни. Причем идея вечности непременно усиливается орнаментальной структурой варьируемого иносказания, в котором пара (точнее, узор) «уходят полукругом — ход вокруг» указывает на близость к фольклорной традиции и обрядовым представлениям о хороводности, о круговом, т.е. вечном, движении. Следовательно, архетипический образ круга как символа вечности пересекается с фольклорным мотивом хоровода и усиливает центральный фетовский мотив бессмертия, неуязвимости от ран, от гнета времени.

Окончательное раскрытие загадочного образа правнуков как поросли корней мирового дерева Дуба предстает в пятой, заключительной, строфе фетовского текста:

Когда же, вод взломав оковы,
Весенний ветер несет в дубровы
Твои поблеклые листы,
С ним вести на простор широкий,
Что жив их пращур одинокий,
Ко внукам посылаешь ты [6, с. 147].

Этими загадочными правнуками из первой строфы оказываются дубровы — дубовые рощи. Подтекст же слова «синяя» указывает на далекое расстояние, при котором густая поросль деревьев приобретает синий цвет, сливаясь с небом.

Иносказательный язык и обрядовость архетипического образа мирового дерева как символа вечности и неуязвимости от ран еще лучше просматриваются в ключевом тексте. Первая строфа стихотворения «О ели, родимые ели...» вводит индивидуальный образ поэта в его метонимически-частном воплощении «губы»: «От губ моих жизнью зачатки» [2, с. 105]. Другие строфы также дают отдельные части образа лирического героя: «сердце» (вторая строфа), «умершая юность» (третья строфа), «запекшаяся кровь» (четвертая строфа). «Карандаш» в пятой строфе является типичной частью образа поэта,

указывает на его пальцы — метонимию руки и делания, творения. Стихотворение завершается шестой строфой и коллективным образом громовых сынов. Эта отчетливая орнаментальная структура «индивидуальное начало — его расчленение — коллективное начало» или «личность, ее растворение и последующее слияние с коллективом» воспроизводит идею жертвоприношения как разрывания жертвы. Она проясняется благодаря В. Н. Топорову, который писал о природе заговора: «Заговоры всегда предполагают <...> некий резерв неопределенностей, обеспечивающий известную “свободу”, незапрограммированность, дающую возможность маневрировать, применяясь к конкретной ситуации <...> свобода от своих собственных правил, собственно, и определяет оригинальность смысловой конструкции заговора, ее принципиальную двунаправленность и даже разно — (противоположно) направленность <...> Обращаясь к помощи заговора, заказчик исходит только из своего Я (Иван Ильич), но, пройдя через все заговорные фильтры, из своего профанического локуса (из дома во двор, со двора в поле и т.п.) до священного латырь-камня на острове Буяне, он обнаруживает свою неотделимость от любого другого, оказавшегося на этом месте (от Кая — Рая. — А.Л.) и через долженствующее свершиться жертвоприношение приобщается к общему, универсальному, коллективному: частное вливается в общее, соединяясь с ним» [6, с. 23–24].

Клюевский текст, таким образом, носит заговорный оттенок. Загадочный безмолвный образ Тишины-Богоматери начинает преобразоваться в пятой строфе, в которой появляется звучание — пение карандаша:

<...>

Об Индии в русской светелке,

Где все разноеверья и толки,

Поет, как струна, карандаш <...> [2, с. 105].

И в финале, на орнаментальном уровне, раскрывается архетипическая мысль о звуках как детях своей матери — тишины:

Там юных вселенных зачатки —

Лобзаний моих отпечатки —

Предстанут, как сонмы богов.

И ели, пресвитеры-ели,

В волхвующей хвойной купели

Омоют громовых сынов [2, с. 105]/

Орнаментальная заговорно-обрядовая структура «индивидуальное — жертвенное — коллективное» осмысливается как «беззвучие — звук» («Тишина-Богомать — Индия и громовые сыны»).

Таким образом, обнаруживаются два идейно-художественных пласта клюевского поэтического текста. Символический пласт проявляется через фольклорное обрядовое начало, орнамент, заговор, загадку, мотив избяной Индии. Традиционный пласт связан с широким литературным контекстом, прежде всего с фетовски осмысленным архетипом мирового дерева как символа вечности и человека, его внутреннего духовного мира и твердости в вере.

Поэт-лирический герой в стихотворении «О ели, родимые ели...» остается стойким, непоколебимым в своей любви-верности данному обету, не сгибается под тяжкими испытаниями, не ломается, подобно дубу. Поэтому Тишина-Богомать открывается ему, оборачивается сказочной Индией в предпоследнем шестистишии — т.е. незримым Китеж-Градом, Беловодьем, затерянным раем.

Мотив духовной стойкости в перенесении тяжелых страданий характеризует и стихотворение Н. П. Огарева «Смутные мгновенья» (1838):

...
Но я не дам вам грозной власти над собою,
И бледное отчаянья чело
Я твердо отгоню бестрепетной рукою —
Мне веру провидение дало;
И малодушия ничтожные страданья
Падут пред верой сердца моего,
Священные в душе хранятся упованья,
Они мой клад — я сберегу его [4, с. 31].

Этот мотив в фетовском варианте звучит у Л. Н. Толстого в «Войне и мире» в эпизоде с раненым князем Андреем Болконским. Здесь дуб символизирует негибимость не только раненого князя, но и русского народа и России.

Протопоп Аввакум наставлял, что твердость в перенесении мучений за веру истинную — свойство избранных, духовно сильных: «всякий, думая, что он устоит, пусть бережется, чтобы не упасть» [1, с. 439].

В другом клюевском стихотворении «Ах вы, цветики, цветы лазоревы...» (1913) присутствует прямая связь поэта с дубравным дубом и нагорной елью, символизирующей богоизбранность «свет-Миколушки» (фольклорная репрезентация самого Николая Клюева).

Таким образом, лирический герой-поэт в стихотворении «О ели, родимые ели...» уподобляется дубу. Поэтому «громовые сыны» как завершающий образ стихотворения «О ели, родимые ели...» означает на идейно-художественном уровне стойких несломленных людей, не сгибающихся под ударами судьбы, сохранивших верность своим идеалам: Фета, Огарева, Аввакума, Клюева, а в целом — русский народ.

Следовательно, фетовская традиция непосредственно проявляется через центральный текстообразующий мотив, который проходит через все стихотворение Клюева: духовная твердость, несгибаемость перед суровыми невзгодами. Единство данного мотива с архетипическим образом мирового дерева — явная черта фетовского стиля. Сам же архетип у Клюева приобретает самобытные фольклорные черты, которые в данном случае представляют периферийный элемент основного мотива, украшают его, придают ему изографичность, орнаментальную стройность, обрядовость. При этом клюевский текст содержит логическую пару, которая воплощает изографическое фольклорное развитие фетовской традиции: «Тишина-Богомать (2-я строфа) — Индия, о которой поет карандаш (5-я строфа), и громовые сыны (6-я строфа)». Простейший графический узор-схема «тишина-звук» прослеживает наличие орнаментального языка линий, иносказаний как периферийного осмысления центрального фетовского мотива. Стихотворение Клюева показывает единство и неделимость общерусской словесной традиции, связано с центростремительными объединяющими тенденциями русской литературы.

1. Житие протопопа Аввакума // Повесть временных лет : сборник произведений литературы Древней Руси. М. : Эксмо, 2007.

2. Клюев Н. А. Стихотворения и поэмы. Архангельск : Сев.-зап. кн. изд-во, 1986.

3. Неженец Н. И. Лирические новеллы Н. А. Клюева // Русская народно-классическая поэзия. М., 2007. С. 309–373. URL: <http://www.booksite.ru/klyuev/4-10.html>.

4. Огарев Н. П. Стихотворения и поэмы. М. : Сов. Россия, 1980.
5. Топоров В. Н. О статусе и природе заговора (теоретический аспект) // Этнолингвистика текста. Семиотика малых форм фольклора. 1. М. : Институт славяноведения и балканистики АН СССР, 1988. С. 22–24.
6. Фет А. А. Стихотворения. М. : Правда, 1983.
7. Шокальский Е. О реликтах древних мистерий в лирике Николая Клюева. URL: <http://kluev.org.ua/collegium/misteria.doc>.

Г. И. Тираспольский

Визуализация языка как лингвистическая фикция

УДК 340(37)(038)

В статье подвергнут критическому анализу один из наиболее распространённых методов описания языка, рассмотрены некоторые важные вопросы теоретической лингвистики.

Ключевые слова: визуализация, фикция, лингвистический метод, гиперязык.

Tiraspoliskij G.I. The language visualisation as a linguistic fiction.

In article will subject to the critical analysis one of the most widespread methods of the description of language, some important questions of theoretical linguistics are considered.

Key words: visualisation, fiction, the linguistic method, hypelanguage.

Произведённое Ф. де Соссюром решительное разграничение языка и речи стало поворотным пунктом в развитии лингвистики прежде всего потому, что пролило яркий свет на важнейшие свойства предмета лингвистических исследований. Благодаря этому язык вообще (далее — гиперязык) предстал перед умственным взором мыслящих языковедов как противоречивое единство материального (вещественного, осязаемого), воплощаемого в речевых процессах, и мнёмы (наш термин) — идеального (невещественного), находящегося в памяти

людей как средство производства и восприятия речи. Впрочем, сам Ф. де Соссюр в дихотомии «мнема — речь» главным считал оппозицию «социальное — индивидуальное», стремясь тем самым преодолеть заблуждение младограмматиков, пленённых чарами индивидуалистической психологии и опрометчиво заявивших, что «языков столько же, сколько индивидов». Такая особенность истолкования Ф. де Соссюром мнемы и речи несколько не снижает теоретической ценности его учения, которое в наши дни обрело повышенную актуальность в связи с широкой полосой заблуждений, охвативших языкознание последних десятилетий.

Как это нередко случалось в истории языкознания, с прогрессивным новшеством продолжают уживаться отсталые представления о гиперязыке, которые, рядясь в одежду новых теорий, если и не заслоняют ту или иную светлую идею, то доводят её до абсурда. Об этом и поговорим в нашей заметке.

Самым наглядным примером досадного симбиоза верной лингвистической теории и ложных представлений о гиперязыке стало, несомненно, широкое распространение так называемой стратификационной модели языка, разработанной Э. Бенвенистом, С. Лэмом, Г. Глисоном и Д. Локвудом, подхваченной другими исследователями (подробнее см. [5, с. 67–70], [7, с. 202–204]) и утвердившееся в учебниках и учебных пособиях как всепобеждающее учение (см., напр.: [3, с. 137–148], [4, с. 32], [5, с. 27–28], [7, с. 135–138]).

Согласно стратификационной модели, гиперязык состоит из горизонтально расположенных слоёв (пластов, уровней, ярусов), подобно тому как из нескольких коржей испечён торт «Наполеон». Эти слои определённым образом взаимодействуют, кое-где пересекаются, вследствие чего в гиперязыке, кроме так называемых основных уровней (ярусов) — фонетического (фонемного), морфологического (морфемного), синтаксического и лексического — существуют и промежуточные уровни: словообразовательный и фразеологический. О содержании стратификационной теории и её поистине наполеоновском замахе едва ли стоило напоминать, поскольку она и без того досконально известна всем, кто так или иначе причастен к теоретической лингвистике. Мы делаем это лишь для того, чтобы читатель полнее вкусил её наглядность, острее ощутил её телесность, которая и обеспечи-

ла ей неотразимую популярность. Всё бы ладно, однако, как говорится в народе, есть тут, братцы, закавыка: никто из авторов этой модели и даже самые рьяные её сторонники не могут поклясться, что когда-либо созерцали или осязали наяву эти напластования. И неспроста: поскольку язык (мнема) существует в идеальной, т.е. невещественной форме, он не имеет субстанциональных характеристик: веса, цвета, вкуса, запаха, электрического заряда, теплопроводности и всего прочего телесного, а главное — в применении к нашему случаю — пространственных свойств. Вот почему её, мнему, невидимую, неслышимую и ничем не пахнущую окаянную (опять-таки пользуясь народным выражением) и с кобелями не сыщешь, ну а соотнося со стратификационной моделью — никаких в ней коржей, углов, изгибов, впадин, улиц, закоулков, пластов, ям, рытвин, колдобин, буераков и прочих пространственных красот не узришь.

Стало быть, стратификационная модель гиперязыка — не что иное, как *ф и к ц и я*, т.е. положение, которому ничто не соответствует в действительности, но которым пользуются как допущением с целью более внятного и доступного изложения сведений о том или ином объекте (в нашем случае — гиперязыке). Сказанное не следует воспринимать как отрицание качественных различий между фонетическими, грамматическими, лексическими и другими единицами и отношениями гиперязыка или как стремление бросить в стратификационную модель гиперязыка злобный камень. Такая модель с её терминологией полезна и необходима, но только и исключительно в качестве фикции, т.е. условного допущения. Забвение этого факта приводит к тому, что стратификационной модели необоснованно приписывают онтологический статус, тем самым сводя на нет принципиальное различие между мнемой как идеальным (невещественным) объектом и речью как его материальным воплощением.

Напоминание о таком теоретическом изыске было бы излишним, если бы производился он только от случая к случаю и в трудах, не претендующих на широкие обобщения. Увы, не избежали его и солидные теоретические трактаты. Так, в одном из них читаем: «Уровни [гиперязыка — Г.Т.] представляют собой относительно автономные системы, обладающие набором единиц и сеткой связей (структурой)» [11, с. 84]. Как видим, и здесь производится визуализация мнемы, ко-

торая предстаёт перед нами в качестве субстанционально воплощённого объекта. И хотя совокупность («сетка») связей между его единицами — структура — признаётся нематериальной, сами его единицы в таком истолковании квалифицируются как вещественные, а следовательно, и уровни мнемы неизбежно должны быть причислены к таковым.

Примитивность стратификационной модели бросалась в глаза многим языковедам, в том числе и тем, кто не вникал в онтологию гиперязыка, но стремился выявить в нем изощрённые связи. Так возникла полевая модель гиперязыка [8, с. 204–208]. В ней содержится плодотворная мысль о существовании в гиперязыке ряда единиц переходного, промежуточного типа, а также о наличии в кругу грамматических явлений центра и периферии. Ахиллесова пята этой концепции, однако, в том, что названная гибридность языковых единиц в ней подчас непомерно преувеличивается (что вредит уяснению их качественной определённости и расслабляет исследовательскую мысль), а различие между мнемой и речью нередко игнорируется, особенно в трудах по так называемой функциональной грамматике, где тонко и остроумно выявленные смысловые оттенки, переливы и полутона порой необоснованно толкуются как мнемические, а мнемические часто не замечаются или недооцениваются. Вот характерный пассаж из трактата, провозгласившего полевую природу грамматических явлений: «...границы между отдельными грамматическими явлениями в сфере парадигматики часто трудно уловимы. Эти явления оказываются не строго очерченными и замкнутыми образованиями, хотя в отдельных случаях такая структура возможна. От них исходят проекции, теряющиеся вдаль» [1, с. 48].

Главным же изъяном полевой модели является всё та же визуализация мнемы, которая, будь она субстанциональным объектом с громадой степных просторов, наверняка бы стала объектом художественного изображения А. П. Чехова в его повести «Степь» или получила бы музыкальное воплощение в русской народной песне «Степь да степь кругом...», а также, быть может, в своей девственной нетроутости предстала в романе М. А. Шолохова «Поднятая целина»...

Оставим, однако, лирические мечтания и вернёмся к суровой лингвистической действительности. Бойко состряпанная детским психологом Н. Хомским и трескуче явившаяся миру пресловутая ге-

неративная грамматика, как бы там ни витийствовали с пеной у рта правоверные хомскианцы, — ещё один прискорбный пример неряшливой визуализации гиперязыка. Если стратификационная модель языка предстаёт перед нами в геологической или кулинарной наготе, то изделие Н. Хомского, карикатурно следующее современной генетике, снабжено мистической начинкой — так называемой глубинной структурой, никогда и нигде не явленной, но ведомой лишь её хитроумному создателю (попутно заметим, что того же поля ягода и так называемая скрытая грамматика, усердно насаждаемая в одном из сочинений [1, с. 78–94]). Так совершилась подмена научного исследования набором шаманских галлюцинаций, простецкая визуализация которых в виде «деревьев зависимости» напрочь заморочила головы некоторым лингвистирующим личностям, в подражание своему кумиру заполонившим страницы грамматических трактатов бесчисленными каляками-маляками. В сих развесистых чертёжных джунглях мог зародиться какой угодно псевдонаучный уродец — и он зародился, получив название когнитивной лингвистики. Анализ этого чудика-юдика составляет, впрочем, отдельную тему, поэтому оставим его в стороне и вернёмся к главному сюжету нашего повествования.

Тяга к визуализации оказалась настолько неукротимой, что проникла и в те области теоретической лингвистики, которые без неё вполне могли бы обойтись. Не миновала эта участь и семиотическое истолкование гиперязыка, хотя, казалось бы, учение о языковом знаке в отношении наглядности знака самодостаточно. Воистину, как заметил Козьма Прутков, усердие иногда превозмогает рассудок.

С особенной остротой навязчивая визуализация дала о себе знать в тезисе о двусторонности (билатеральности) языкового знака. Согласно этому утверждению, знаковыми свойствами в гиперязыке наделены и план выражения (звучание или графическое изображение языковой единицы), и план содержания (значение, семантика). Если последовательно развивать эту мысль, знаковой придётся признать и значимость — семантическую добавку, порождаемую сочетаемостью значимых языковых единиц и открытую, как известно, всё тем же Ф. де Соссюром, чью заслугу в этом отношении едва ли можно переоценить (хотя и не исключено, что эта светлая идея Ф. де Соссюра была навеяна учением Карла Маркса о прибавочной стоимости, воз-

никающей в процессе производства благодаря взаимодействию рабочей силы и производимого изделия).

К понятию значимости мы ещё вернёмся, а пока рассмотрим вопрос об упомянутой двусторонности языкового знака. Как верно полагают А. Н. Савченко и другие исследователи, «только звуковая сторона языковых единиц может быть признана знаковой» [10, с. 21], если, разумеется, считать знаком не всё, что нам заблагорассудится, а лишь тот объект, который служит заместителем (представителем) другого объекта (денотата) с иным качеством. Денотаты (обозначаемые объекты) — и это очень важно — по своим важнейшим свойствам делятся на две главные группы: 1) денотаты материальные (вещественные, телесные) и 2) денотаты идеальные (невещественные, нематериальные, несубстанциальные). Простейшим примером первых может служить извилистая дорога, обозначенная предупреждающим дорожным знаком . В принципе любой материальный объект при необходимости может быть замещён знаком, и мы широко (с соизволения нашей мощи) этим пользуемся, применяя денежные знаки в качестве заместителей соответствующих предметов. В свою очередь, идеальные денотаты также делятся на две категории: 1) внеязыковые и 2) языковые. К первым относятся внеязыковые явления, не имеющие непосредственной вещественной оболочки: процессы, признаки и разного рода отношения между материальными объектами. Так, совершая сделку по обмену квартир, мы замещаем один материальный объект другим, но, например, услугу парикмахера мы не можем заместить адекватным материальным объектом, вследствие чего такая услуга семиотически равноценно вознаграждается только денежными знаками. И всё же у парикмахерской услуги есть то счастливое свойство, что она непосредственно наблюдаема и косвенно воплощается в материальных свойствах: в движениях рук парикмахера, в изменении внешности клиента и др. Совсем иное дело — языковые (мнемические) единицы. Не имея материальных (вещественных, телесных) свойств, они не поддаются непосредственному наблюдению и уже только по этой причине обречены на сосуществование со знаками. В составе мнемических единиц также содержатся два класса: 1) единицы асемантические (незначимые) и 2) единицы семантические (имеющие значение). К первым относятся

фонемы и их признаки (дифференциальные и интегральные), ко вторым — все остальные, важнейшими из которых являются полнозначные слова.

Как видим, мир незнаком и знаков не прост, поэтому едва ли можно согласиться с А. Н. Савченко [10, с. 24], считающим удачной следующую формулировку Л. О. Резникова: «Знак есть материальный, чувственно воспринимаемый предмет (явление, действие), выступающий в процессе познания и общения в качестве представителя (заместителя) другого предмета (предметов) и используемый для получения, хранения, преобразования и передачи информации о нём» [11, с. 9]. Здесь, как видим, ничего не говорится об идеальных (невещественных) денотатах (внеязыковых и языковых), что лишний раз свидетельствует о том, что в прожорливый буерак вульгарной визуализации гиперязыка способны угодить и глубокие умы.

Что касается связи между фонемой как совокупностью навыков говорения и понимания, хранящейся в памяти человека, с одной стороны, и соответствующего звука — с другой, то двух мнений здесь быть не может: звук в этой корреляции выступает знаком (материальным представителем) фонемы. Сама же фонема и её признаки как явления идеального (невещественного) ряда, бесспорно, знаковыми свойствами не обладают. Не имеют таких свойств, соответственно, и мнемические образцы звуковых оболочек значимых единиц языка. Но стоит лишь обратиться к смысловой стороне этих единиц, как тут же начинается досадная кутерьма. Так, в одном из лучших учебников по курсу «Введение в языкознание» читаем: «Значение, выражаемое словом или морфемой, есть содержание соответствующего знака» [4, с. 28]. Если дело обстоит так, придётся признать, что содержанием, например, господина Икс как представителя Республики Игрек в Организации Объединённых Наций является именно эта Республика, а не то, что, скажем, содержится в памяти этого почтенного джентльмена. Хотя абсурдность такого утверждения очевидна, учебная и, увы, научная лингвистическая литература до рези в глазах и колик в печёнках пестрит подобными формулировками и рассуждениями.

Мы никогда не выйдем из сумрачного лабиринта заблуждений, если не признаем, что семантика (смысловое содержание, значение слова и морфемы) — это о т о б р а ж е н и е внеязыкового предмета,

его идеальный (невещественный) образ в психике человека и, стало быть, интеллектуально обработанная копия предмета, но никак не его знак (заместитель, представитель).

Если сбросить с себя цепкие путы визуализации, надо будет признать, что содержанием языкового знака является только сам знак как набор некоторых вещественных (субстанциональных, материальных) свойств, в то время как семантика (в том числе значимость), тесно связанная со знаком и без знака обречённая оставаться, как говорил Иммануил Кант, вещью в себе (*Ding an sich*), не может войти в состав знака, не способна слиться с ним в единое целое именно потому, что она, в отличие от знака, идеальна (невещественна, несубстанциональна) и именно для того, чтобы всплыть из незримых глубин психики и стать доступной собеседнику, нуждается в материальной опоре, в вещественном заместителе, в телесном посреднике.

Наше повествование останется неполным, если не затронуть вопрос о предпосылках и предыстории визуализации. Как известно, бóльшую часть сведений об окружающем мире (свыше 80 %) мы получаем при помощи зрения. Не случайны поэтому «глазастые» пословицы и поговорки («Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать», «Не доглядишь оком, так заплатишь боком», «Свой глаз что твой алмаз», «Свой глаз лучше родного брата», «Свой глаз — нажива», «Не верь своему брату родному, верь своему глазу кривому», «Гляжёное лучше хвалёного» и др.), суеверные представления о так называемом сглазе, множество стихов, романсов и песен об очах (но никак не об ушках, губках, носиках и крайне редко — о заманчивых выпуклостях) милых женщин. В истории языкознания пионером визуализации был, вероятно, Август Шлейхер, создавший теорию родословного древа и изобразивший в своём «Компендиуме» соответствующую схему. Его ученик и оппонент, Иоганн Шмидт, выдвинув «волновую теорию», также, разумеется, прибег хотя и к иной по очертаниям, но всё той же визуализации. Дальше в лес — больше дров: стараниями структуралистов визуализация приобрела поистине гомерический размах. О дальнейших похождениях этой особы мы уже говорили.

Таким образом, визуализация как приём, полезный для наглядного изображения и восприятия свойств гиперязыка, несомненно, должна оставаться в арсенале лингвистической науки и преподавательской

деятельности. Но знай, сверчок, свой шесток — и фикции-визуализации негоже игриво сигать по чужим шесткам и лукаво его-зить по укромным пристанищам, иначе ещё не раз придётся нам по-жинать гнилые плоды заблуждений и покорно хлебать мутные щи благоглупостей.

-
1. Адмони В. Г. Основы теории грамматики. М. ; Л. : Наука, 1964.
 2. Кацнельсон С. Д. Типология языка и речевое мышление. Л. : Наука, 1972.
 3. Кодухов В. И. Общее языкознание. М. : Высшая школа, 1974.
 4. Маслов Ю. С. Введение в языкознание. 2-е изд., перер. и доп. М. : Высшая школа, 1987.
 5. Мыркин В. Я. Введение в языкознание. Архангельск : Поморский ун-т, 2005.
 6. Общее языкознание: Внутренняя структура языка. М. : Наука, 1972.
 7. Общее языкознание / под общ. ред. А. Е. Супруна. Минск : Высшая школа, 1983.
 8. Попова З. Д., Стернин И. А. Общее языкознание. 3-е изд., перераб. и доп. М. : АСТ-Восток-Запад, 2007.
 9. Резников Л. О. Гносеологические вопросы семиотики. Л. : Изд-во ЛГУ, 1964.
 10. Савченко А. Н. Язык и системы знаков // Вопросы языкознания. 1972. № 6. С. 21–32.
 11. Солнцев В. М. Язык как системно-структурное образование. М. : Наука, 1997.

ПЕДАГОГИКА ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

К. И. Коробко

Юридическая клиника как метод преподавания гражданского права в высшем учебном заведении

УДК 347

Статья посвящена исследованию такого метода преподавания гражданского права у студентов юридических специальностей, как стажировка в юридической клинике. Автор анализирует как теоретические, так и практические аспекты деятельности юридических клиник. Делается вывод, что работа в юридической клинике позволяет закрепить у студентов практические навыки в юридической работе, а также способствует их нравственному формированию как социально активных личностей.

Ключевые слова: юридическая клиника, юридическое образование, общекультурные и профессиональные компетенции, гражданское право.

Korobko K. I. Legal Clinic as a method of teaching civil rights in higher education

The article investigates this method of teaching civil law at the law students as training in legal clinic. The authors analyze both theoretical and practical aspects of the legal clinics. The authors conclude that the work in the legal clinic allows you to assign the students practical skills in legal work, as well as contribute to their moral formation as socially active individuals.

Key words: legal clinic, legal education, general cultural and professional competence, civil law.

Гражданское право относится к общепрофессиональным дисциплинам федерального компонента и, таким образом, является обязательной дисциплиной для преподавания студентам-юристам. Данная отрасль права является одной из наиболее важных и сложных в преподавании. Необходимо отметить, что целью преподавания гражданского права является не только приобретение студентами знаний законодательства и положений правовой науки, но и выработка умений правильно толковать и применять нормы права к конкретным жизненным ситуациям [10, с. 100].

Педагогические методы во всем своем многообразии служат выполнению ключевой задачи учебного процесса — закреплению и отработке знаний студентов. Современная действительность требует от преподавателей новых, инновационных подходов и методов обучения. Одним из эффективных способов изучения дисциплин гражданско-правового цикла и выработки интереса студентов юридических специальностей к практической деятельности является их стажировка в юридической клинике высшего учебного заведения.

По мнению П. Дугласа, «...клиника функционирует как лаборатория, где проблемы, касающиеся существа права, изучаются во всей их глубине, с анализом их функциональности. Клиническое юридическое образование не следует рассматривать как альтернативу или отдельную часть учебного плана, это неотделимая часть эффективной программы обучения» [4, с. 123].

Е. Н. Доброхотова высказывает мнение, что образовательная цель клиники проявляется в формировании практических навыков студентов, способствует выработке у студента определенных профессиональных и личностных компетенций [2, с. 35].

Е. С. Шугрина видит проявление образовательной цели юридической клиники в совершенствовании профессиональных и личностных компетенций преподавателя-куратора, который обладает возможностью применять свои теоретические навыки на практике. Кроме того, образовательный процесс касается как студентов и кураторов, так и граждан, которые приобретают знания в области права [13, с. 898].

Ряд авторов высказывает мнение, что полученные в юридической клинике практические навыки позволяют удачно дополнить теорети-

ческое обучение и сформировать компетентного специалиста в области правоведения [8, с. 54].

В Федеральных государственных образовательных стандартах по направлению подготовки 030900 «Юриспруденция»: квалификация (степень) «бакалавр» и квалификация (степень) «магистр» предусмотрено обучение в юридической клинике. В отношении квалификации «бакалавр» предусмотрено прохождение практики, в отношении квалификации «магистр» закрепляется, что «в вузе должно быть предусмотрено применение инновационных технологий обучения, развивающих навыки консультационной работы, принятия решений, межличностной коммуникации, лидерские и другие необходимые юристу личностные и профессиональные качества (чтение интерактивных лекций, проведение групповых дискуссий и проектов, анализ деловых ситуаций и имитационных моделей, проведение ролевых игр, тренингов, юридических консультаций населения в студенческих правовых консультациях (юридических клиниках)» [11].

Обращаясь к статусу юридической клиники, необходимо отметить, что в соответствии со ст. 23 Федерального закона № 324-ФЗ от 21.11.2011 г. «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» к негосударственной системе бесплатной юридической помощи, в том числе, относятся юридические клиники, которые образуются образовательными учреждениями высшего профессионального образования. В оказании бесплатной юридической помощи юридическими клиниками участвуют лица, обучающиеся по юридической специальности в образовательных учреждениях высшего профессионального образования, под контролем лиц, имеющих высшее юридическое образование, ответственных за обучение указанных лиц и деятельность юридической клиники в образовательном учреждении высшего профессионального образования.

История становления и развития юридического клинического образования в России имеет свою богатую многовековую историю. Идея обучения студентов в процессе правовой практики сформировалась еще в XIX в. Термин «юридическая клиника» ввел в 1855 году профессор Д. И. Мейер, отметив, что главная идея ее состоит в необходимости практического изучения права с целью применения полу-

ченных знаний и навыков при оказании юридической помощи малоимущим гражданам [5, с. 42].

В своей работе «Наука гражданского права в России» Г. Ф. Шершеневич, анализируя модель юридической клиники, впервые предложенную Д. И. Мейером в 40-х годах XIX века на базе Казанского университета, указывал, что Д. И. Мейер «отстаивал необходимость практического изучения права и указывал на совершенную бесполезность одного изучения теории». Содержание предложенной в XIX веке модели юридической клиники заключалась в том, что «профессора и приглашаемые юристы-практики должны были в присутствии студентов давать советы всем обращающимся к ним за даровой консультацией» [12]. Однако, несмотря на важность и практическую необходимость юридических клиник в России, их деятельность в течение довольно продолжительного времени не осуществлялась.

В конце XIX в. можно отметить возрождение юридических клиник. В 1900 г. профессор А. Люблинский на страницах «Журнала Министерства юстиции» выступил за создание на юридических факультетах аналогов медицинских клиник, где студенты получили бы возможность «прийти в непосредственное соприкосновение с нуждающимися в юридической помощи, чтобы уже в университете они смогли увидеть право в действии». Предполагалось, что студенты сталкивались бы с реальными ситуациями, «облеченными в кровь и плоть действительности». Соответственно, студенту предстояло из массы полученной информации выделить только те обстоятельства, которые непосредственно имеют значение для юридической квалификации дела и на основании этого разрешить спор. Кроме того, такие занятия давали бы студентам возможность ознакомиться с массивом сложившейся на данный период времени судебной и административной практикой по данному вопросу [1, с. 298].

Развитие юридического клинического образования в современной России началось в 90-е гг. XX века с издания 30.09.1999 года Министерством образования Российской Федерации Приказа № 433 «О правовых консультациях (“правовых клиниках”) для населения на базе вузов, осуществляющих подготовку юридических кадров», которым было поддержано создание правовых консультаций (“правовых

клиник”) для населения [7]. К началу 2000 гг. в России насчитывалось более 100 юридических клиник [14].

По данным Минобрнауки России, на территории Российской Федерации в настоящее время действует 314 юридических клиник образовательных организаций высшего профессионального образования [3]. Данный факт указывает на востребованность высшими учебными заведениями клинического юридического образования как формы обучения.

Современные формы обучения направлены на выработку у обучающихся общекультурных и профессиональных компетенций.

Участвуя в работе юридической клиники, студент приобретет следующие компетенции:

общекультурные компетенции (ОК):

- 1) способен логически верно, аргументированно и ясно строить устную и письменную речь (ОК-4);
- 2) обладает культурой поведения, готов к кооперации с коллегами, работе в коллективе (ОК-5);
- 3) стремится к саморазвитию, повышению своей квалификации и мастерства (ОК-7);

профессиональные компетенции (ПК):

- 1) способен принимать решения и совершать юридические действия в точном соответствии с законом (ПК-4);
- 2) способен применять нормативные правовые акты, реализовывать нормы материального и процессуального права в профессиональной деятельности (ПК-5);
- 3) владеет навыками подготовки юридических документов (ПК-7);
- 4) способен толковать различные правовые акты (ПК-15).

В сфере подготовки юристов используются различные методики. Методика в образовании (преподавании) — это описание конкретных приемов, способов, техник педагогической деятельности в отдельных образовательных процессах [15]. Методики, используемые в клиническом юридическом образовании, включают в себя:

- наблюдение студентов за реальной работой или ее имитацией, выполняемой преподавателем, юристом-руководителем;
- имитацию студентами различных аспектов практической деятельности юриста;

- работу студентов по реальным делам или проблемам в клинике с «живыми» клиентами;
- индивидуальные консультации студентов с преподавателями, юристами-руководителями;
- аудиторные занятия [9, с. 177].

Вместе с тем, помимо образовательной функции, деятельность юридической клиники выполняет ярко выраженную социальную функцию, в результате реализации которой гражданам, обратившимся в юридическую клинику, оказывается квалифицированная юридическая помощь.

Рассмотрим механизм осуществления деятельности юридических клиник в Республике Коми на примере юридической клиники ФГБОУ ВПО «Сыктывкарский государственный университет».

Об увеличении потребности населения в бесплатной юридической помощи можно судить по количеству правовых консультаций, оказанных в рамках государственной и негосударственной систем бесплатной юридической помощи в Республике Коми. Так, в 2013 году безвозмездные правовые консультации в Республике Коми получили 1138 человек, в I квартале 2014 года — 491 человек [6]. Данный факт свидетельствует об увеличении интереса граждан к бесплатным правовым консультациям. В Республике Коми бесплатная юридическая помощь оказывается двумя юридическими клиниками, образованными на базе ФГБОУ ВПО «Сыктывкарский государственный университет» и ГАОУ ВПО РК «Коми республиканская академия государственной службы и управления».

Идея создания юридической клиники на базе юридического факультета Сыктывкарского государственного университета возникла еще в октябре 1998 года. С 1 ноября 1999 года на юридический факультет решением Научно-технического Совета Сыктывкарского университета был выделен внутривузовский грант для организации правовой клиники. Днем фактического открытия правовой клиники считается 28 января 2000 года, когда были подготовлены соответствующие условия для принятия граждан. За период своей работы юридическая клиника доказала целесообразность и важность своего существования.

В настоящее время в учебный план по направлению подготовки «Юриспруденция» в первом семестре третьего курса включена учебная дисциплина «Юридическая клиника». В рамках данной дисциплины студенты получают базовое клиническое обучение, включающее в себя углубление знаний и овладение конкретными приемами консультирования и составления правовых документов, а также непосредственно осуществляют консультирование в приемной юридической клиники.

Одним из основных направлений деятельности юридической клиники является личное консультирование граждан города Сыктывкар на русском языке. Вместе с тем 25 % национального состава Республики Коми составляют коми, поэтому отдельное внимание юридической клиники направлено на консультирование жителей Республики Коми, владеющих только коми языком [16]. В связи с вышеизложенным, одним из перспективных направлений деятельности юридической клиники является выпуск статей практического характера и ответов на актуальные правовые вопросы на коми языке в районных периодических изданиях.

Важным направлением деятельности юридической клиники Сыктывкарского государственного университета является интернет-консультирование. В настоящее время реализуется механизм подачи онлайн-заявок на оказание бесплатной юридической помощи и оказание онлайн-консультаций. В ближайшее время планируется создать базу публикаций студентов и их кураторов по наиболее актуальным и проблемным юридическим вопросам.

С целью правового просвещения населения на сайте университета публикуются ответы на наиболее часто встречающиеся правовые вопросы. В настоящее время на сайте Сыктывкарского государственного университета представлен ряд вопросов и ответов как на русском, так и на коми языке.

За период с сентября 2013 по май 2014 г. юридической клиникой Сыктывкарского государственного университета было оказано правовое консультирование в устной форме 53 обратившимся, правовое консультирование в письменной форме — 8 обратившимся, составлено 12 документов правового характера. Из общего количества обращений в разрезе отраслей права были поставлены вопросы в сфере:

гражданского права — 20, жилищного права — 15, трудового права — 9, семейного права — 9.

На основании приведенных выше данных можно сделать вывод, что именно в сфере гражданского права возникает наибольшее количество обращений граждан в юридическую клинику. Проанализируем одну из ситуаций, в результате которой обратился клиент в данную юридическую клинику. Студентами было составлено следующее исковое заявление в городской суд.

Гражданка Х. является членом семьи нанимателя жилого помещения, расположенного по адресу: г. Сыктывкар, ул. Катаева, д. __ ком. __.

В указанной комнате зарегистрирован гражданин У., который является ее бывшим супругом. Брак с У. был расторгнут на основании решения суда от 01.03.2001г. Также в данном жилом помещении зарегистрированы и проживают совместно с Х. совершеннолетний сын, а также несовершеннолетняя дочь.

С начала 2004 года и по настоящее время ответчик в указанном жилом помещении не проживает, никаких отношений с Х не поддерживает. Все расходы по оплате за жилое помещение и коммунальные услуги несет Х. С регистрационного учета У. сниматься не желает.

На основании изложенного, руководствуясь статьей 196 Гражданского кодекса РФ, Х просит суд:

1. Снять У. с регистрационного учета по месту жительства из жилого помещения по адресу: г. Сыктывкар, ул. Катаева, д. __ ком. __.

2. Взыскать с У. расходы по оплате за жилое помещение и коммунальные услуги в сумме _____ за период с __ по __.

Подводя итог проведенного исследования, можно сделать вывод, что юридическую клинику, являющуюся частью образовательного процесса в вузе, можно считать инновацией в гуманитарном образовании, способствующей повышению уровня правосознания и правовой культуры граждан и депопуляризации противозаконных форм социального поведения.

1. Воскобитова Л. А., Михайлова Л. П., Шугрина Е. С. Организация и управление в юридической клинике: опыт практической деятельности в современной России. М. : Дело, 2003. 384 с.
2. Доброхотова Е. Н. Практическое обучение юристов в России: история становления и перспективы развития: на примере юридической клиники в СПбГУ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2007.
3. Доклад о деятельности Министерства юстиции Российской Федерации в сфере обеспечения граждан Российской Федерации бесплатной юридической помощью за 2013 год. URL: <http://www.rg.ru/2014/04/04/doklad-site-dok.html> (дата обращения: 29.09.2014).
4. Дуглас П. Руководство по организации клиники // Юридические клиники на рубеже тысячелетия: обмен опытом с целью повышения эффективности программ : материалы конференции. М., 2000.
5. Мейер Д. И. О значении практики в системе современного юридического образования. Казань, 1855.
6. Официальный сайт Агентства Республики Коми по социальному развитию: URL: <http://www.agentsoc.rkomi.ru/help.html> (дата обращения: 02.06.2014).
7. Приказ Минобразования РФ «О правовых консультациях (“правовых клиниках”) для населения на базе вузов, осуществляющих подготовку юридических кадров» от 30.09.1999 № 433// Бюллетень Минобразования РФ. 1999. № 11.
8. Романова Н. Л., Рябцева И. Б. Юридическая клиника как инструмент совершенствования практического обучения студентов // Правовая помощь населению как одно из направлений совершенствования высшего юридического образования : сб. мат. научно-практического семинара руководителей центров правовой помощи населению (юридических клиник) / отв. ред. А. Р. Усиевич. Ижевск : ИжЮИ (ф) РПА МЮ РФ, 2009.
9. Романова Н. Л. Юридическая клиника как инновационный метод гуманитарного образования // Юридическая клиника : сб. науч. тр. / под ред. А. Н. Мячина. СПб. : Санкт-Петербургский имени В. Б. Бобкова филиал РТА, 2013. С. 176–181.
10. Симаева Е. П. Совершенствование методики преподавания гражданского права в высших учебных заведениях // Вестник ВолГУ. Серия 6. Вып. 12. 2010. С. 100–104.

11. ФГОС. Утвержден приказом Минобрнауки Российской Федерации от 14 декабря 2010 г. № 1763 (в действ. ред.). Официальный сайт Минобрнауки Российской Федерации. СПС «КонсультантПлюс».
12. Шершеневич Г. Ф. Наука гражданского права в России. Подготовлено с использованием СПС «КонсультантПлюс».
13. Шутрина Е. С. Юридическая клиника в России: новое или хорошо забытое старое?// Актуальные проблемы российского права. 2013. № 7.
14. Юридические клиники в России. Справочник. М. : Южно-российский гуманитарный институт «Фемида», 2002.
15. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/>. (дата обращения: 03.08.2013г.)
16. URL: <http://agentsoc.rkomi.ru/> (дата обращения: 01.09.2013г.)

С. С. Мигунова

Формирование умений постановки учебной проблемы у студентов-филологов

УДК 372.881.161.1

В статье рассматриваются этапы формирования у студентов-филологов умения организовать работу учащихся по определению и формулированию темы урока с использованием проблемных методов на уроках русского языка.

Ключевые слова: *проблемная ситуация, проблемное обучение, учебная проблема.*

Migunova S. S. Formation of skills of statement of educational problems of students philologists

This article considers steps of forming at students philologists ability to organize the work of pupils on definition and formulating topic of the lesson using problematic methods at Russian lessons

Key words: *problem situation, problem training, training problem*

К важнейшим результатам освоения основной образовательной программы основного общего образования стандарты нового поколения относят формирование познавательной самостоятельности учащихся, проявляющейся в том числе в умении «осознанно выбирать наиболее эффективные способы решения учебных и познавательных задач; определять способы действий в рамках предложенных условий и требований, корректировать свои действия в соответствии с изменяющейся ситуацией» [6, с. 7]. Решение названных задач может быть осуществлено в рамках проблемного обучения, целенаправленная реализация которого в учебном процессе способствует становлению творческой личности, способной самостоятельно ставить и решать учебные проблемы. В этих условиях возникает необходимость подготовить учителя, способного организовать и осуществлять проблемное обучение. М. И. Махмутов отмечает, что деятельность учителя при проблемном обучении состоит в том, что он «систематически создает проблемные ситуации, сообщает учащимся факты и организует их учебно-познавательную деятельность так, что на основе анализа фактов учащиеся самостоятельно делают выводы и обобщения, формулируют (с помощью учителя) определения понятий, правила, теоремы, законы или самостоятельно применяют известные знания в новой ситуации» [2, с. 11].

С такими важнейшими понятиями проблемного обучения, как проблема, проблемная ситуация, проблемная задача, проблемный вопрос, методы проблемного обучения, разработанными в 70–80-х годах прошлого века известными психологами и педагогами В. Т. Кудрявцевым, И. Я. Лернером, А. М. Матюшкиным, М. И. Махмутовым и др., студенты знакомятся при изучении педагогики. Поэтому на занятиях методики обучения русскому языку основное внимание необходимо сосредоточить на современных подходах к данной проблеме, в частности познакомить студентов с работами современного исследователя Е. Н. Мельниковой, в которых разрабатывается технология проблемного диалога [3 и другие работы того же автора]. Как показывает анализ интернет-ресурсов, работы Е. Н. Мельниковой чрезвычайно востребованы в практике работы современных учителей, поскольку ориентированы на реализацию требований новых стандартов. Автор не только дает классификацию методов обучения на этапах по-

становки проблемы и поиска ее решения, но и детально исследует особенности использования каждого метода: описывает приемы создания проблемной ситуации, приводит примеры их использования, определяет реплики, которые должны вводить рассматриваемые приемы.

Анализ и сопоставление классического и современного подходов в работах, посвященных проблемному обучению, позволяет выявить преемственность новых исследований. Так, известный психолог А. М. Матюшкин выделяет два этапа процесса проблемного обучения: этап постановки практического или теоретического задания, вызывающего проблемную ситуацию, и этап поиска неизвестного в этой проблемной ситуации либо путем самостоятельного исследования учащегося (в старших классах и в вузе), либо путем сообщения учителем сведений, необходимых для решения поставленной проблемы [1, с. 66].

Исследования Е. Н. Мельниковой касаются одного из типов уроков — уроков изучения нового материала, причем, основываясь на взглядах А. М. Матюшкина, автор выделяет два звена урока изучения нового материала: постановки учебной проблемы, иначе говоря, определения и формулирования темы урока или одного из вопросов, который будет рассматриваться на уроке, и поиска решения учебной проблемы [3, с. 1]. Этап определения и формулирования темы урока в работах Е. Н. Мельниковой вводится двумя группами методов: с использованием технологий проблемного обучения или непроблемно.

Отсутствие у студентов опыта разработки не только проблемных, но и традиционных уроков вызвало необходимость разделить работу над названными этапами (*звеньями* в терминологии Е. Н. Мельниковой). Поэтому целью данной статьи является определение методических путей формирования умений определять и формулировать тему урока с использованием проблемных методов у студентов-филологов.

Поскольку данная работа проводится на этапе знакомства с общими вопросами методики обучения русскому языку, когда третьекурсники еще не владеют знаниями и умениями, необходимыми для самостоятельного составления конспектов уроков, формирование умения начинается с аналитической деятельности: студенты знакомятся с конспектами уроков русского языка, представленными на сайте «Образовательная система “Школа 2100”», и определяют, какие

методы и приемы введения проблемы используются авторами конспектов [4]. Результаты наблюдений были следующими:

1. Каждый конспект урока изучения новой темы включает этап определения и формулирования проблемы учащимися.

2. Для организации данного этапа используются как проблемные, так и неproblemные методы и приемы. В соответствии с целью работы остановимся на тех случаях, когда этап формулирования темы урока представляет собой проблемную ситуацию.

Наиболее детально теория проблемной ситуации исследована в работах А. М. Матюшкина, который характеризует проблемную ситуацию как «определенное психологическое состояние субъекта (учащегося), возникающее в процессе выполнения такого задания, которое требует открытия (усвоения) новых знаний о предмете, способах или условиях выполнения задания» [1, с. 56]. Автор выделяет три компонента проблемной ситуации: а) необходимость выполнения такого действия, при котором возникает познавательная потребность в новом знании или способе действия; б) неизвестное, которое должно быть раскрыто в возникшей проблемной ситуации; в) возможности учащегося в выполнении поставленного задания, в анализе условий и открытии неизвестного [1, с. 60]. При изучении русского языка возможности учащегося могут быть представлены исходными знаниями, способами действия, речевым опытом (речевой интуицией — умением правильно использовать языковые средства без владения соответствующими теоретическими сведениями), на которые ученик опирается при анализе представленных учителем языковых фактов.

Рассмотрим, как организуются проблемные ситуации в фрагментах конспектов уроков образовательной системы «Школа 2100» (этап формулирования темы урока) [4].

Фрагмент 1.

Тема: Условия выбора орфограммы. Орфограммы-буквы **ь** и **ъ**.

Учитель: Какую букву надо писать в слове *в...юга*?

Ученица: Букву **ъ**.

Учитель: Объясни, почему ты так думаешь.

Ученица: После приставки **в** перед буквами **е, ё, ю, я** пишется разделительный **ъ**.

– Вы согласны с ответом ученицы?

– Какую ошибку она допустила? (Неправильно разобрала по составу слово *вьюга*.)

– Что будет являться одним из главных условий грамотного письма? Попробуйте определить тему урока. (Условия грамотного письма. Орфограмма-буква **ъ** и **ь**.)

Как видим, анализ языковых фактов организуется на основе имеющихся у учащихся знаний о морфемах и умении выделять морфемы в слове. Потребность в новом знании возникает у учащихся путем осознания противоречия между имеющимися знаниями и умениями, с одной стороны, и осознанием ошибочного выполнения задания, с другой стороны.

Фрагмент 2.

Тема: Звуки речи. Гласные и согласные звуки.

Учитель: Прочитайте и отгадайте задачу-загадку:

С Т я книга, *с С* я рыба,

С К — бесформенная глыба,

С Л помог колоть я лёд,

С Д народ во мне живёт.

(Том, сом, ком, лом, дом.)

– Что интересного заметили в словах-отгадках?

– Что изменилось, когда поменялся один звук?

– Сделайте вывод: для чего нужны звуки речи?

– Какой может быть тема урока?

Ученик: Звуки речи. Роль звуков в языке.

Учитель: Уточните тему, указав, какие звуки речи вы знаете.

Как известно, знания о смысловозначительной роли звуков у пятиклассников еще отсутствуют, однако к нужному выводу учащиеся приходят на основе языкового опыта (определяют слово в соответствии с предложенным толкованием его значения, сопоставляют слова, отличающиеся одной буквой, и их значения). Уточнение темы осуществляется на основе полученных в начальной школе знаний:

- первоначальный вывод: звуки речи;

- окончательный вывод: гласные и согласные звуки.

3. Задача подготовки современного, творчески работающего учителя вызвала необходимость обратить внимание студентов на особенности использования классификации Е. Н. Мельниковой. Так, студен-

ты познакомились с некоторыми из многочисленных работ учителей русского языка, выложенных в Интернет, и конспектами уроков образовательной системы «Школа 2100». Сопоставим использование одного из приемов постановки проблемы в данных работах и анализируемой классификации.

Описание приема в классификации Е. Н. Мельниковой	Использование приема в конспекте урока, выложенном в Интернет	Использование приема в конспекте урока образовательной системы «Школа 2100»
Прием 2. Проблемная ситуация со столкновением мнений учеников класса создается вопросом или практическим заданием на новый материал. Побуждение к осознанию противоречия осуществляется репликами: «Вопрос был один? А мнений сколько?» или «Задание было одно? А выполнили вы его как?». И далее общий текст: «Почему так получилось? Чего мы еще не знаем?» [3, с. 5]	Распознавание спряжения глаголов. (2 учащихся работают у доски). Учитель. Как сказать иначе? Напишите глаголы в 2 столбика по спряжениям. Обращаться к кому-либо с вопросом (спросить) Переместить снизу вверх (поднять) и т.д. Учитель. Вы выполнили моё задание? Как вы его выполнили? Учащиеся. По-разному. Учитель. Почему так вышло? Что мы не знаем о глаголах в неопределённой форме? Учащиеся. Мы не знаем, как распознавать спряжение глаголов по неопределённой форме. Учитель. Значит, какая тема нашего урока? Учащиеся формулируют тему урока: «Распознавание спряжений глаголов по неопределённой форме». [5, с. 21]	5 класс. Урок 11. Тема: Условия выбора орфограммы. Орфограммы-буквы ь и ъ. <i>Учитель:</i> Какую букву надо писать в слове в...юга? <i>Ученица:</i> Букву ъ. <i>Учитель:</i> Объясни, почему ты так думаешь. <i>Ученица:</i> После приставки в перед буквами е, ё, ю, я пишется раздельный ъ. – Вы согласны с ответом ученицы? – Какую ошибку она допустила? (Неправильно разобрала по составу слово вьюга.) – Что будет являться одним из главных условий грамотного письма? Попробуйте определить тему урока. (Условия грамотного письма. Орфограмма-буква ъ и ь.) [4]

Сопоставление приведенных материалов позволяет сделать вывод о том, что приемы постановки проблемы, описанные в интернет-ресурсах, приводятся в том виде, в каком они представлены в классификации Е. Н. Мельниковой, дословно, без каких-либо изменений. Без сомнения, подобная работа полезна для студентов, не имеющих педагогического опыта, и свидетельствует об усвоении теоретических сведений и сформированности умения применять полученные знания в новой ситуации. Использование того же приема в конспектах уроков образовательной системы «Школа 2100» позволяет показать будущим учителям возможность вариативного применения приемов проблемного обучения. В анализируемом фрагменте урока за основу взята та же проблемная ситуация, однако внимание учащихся фиксируется не на внешних условиях ее реализации (сколько заданий, сколько мнений: как ученица у доски выполнила задание, как другие ученики класса выполнили задание), а на содержании деятельности, состоящей в том, что ошибка в морфемном анализе слова приводит к орфографической ошибке. Подобная работа чрезвычайно важна в современных условиях, когда в многочисленных интернет-ресурсах предлагается огромное количество конспектов уроков, зачастую весьма сомнительно качества. Поэтому занятия методики обучения русскому языку должны, помимо прочего, сформировать у студентов умения критически оценивать предлагаемые в Интернете материалы и проявлять творческий подход в их использовании.

Как показывает опыт, создание проблемной ситуации на этапе формулирования проблемы урока вызывает у студентов серьезные затруднения. Поэтому следующим этапом аналитической работы третьекурсников стал анализ фрагментов конспектов уроков (этап постановки проблемы), подготовленных студентами на предыдущей педагогической практике. Необходимо было мотивированно объяснить, представлено ли в данных фрагментах проблемное формулирование темы.

Фрагмент 1.

Учитель: Страна Морфемика с радостью открывает перед вами двери! Кто здесь живет? Угадайте: кто ждет нас в гости, чтобы поделиться своей мудростью? Чьи секреты мы сегодня будем собирать?

Уберите повторяющиеся буквы в словах и узнаете.

ТКТОТРТЕТНТЬТ УСУЛУОУВУАУ

Ученик: корень слова.

Фрагмент 2.

Учитель: Для того чтобы узнать тему урока, вам придется немного поработать. На доске записаны слова с пропущенными буквами, вставьте эти буквы и объясните орфограммы.

Словарно-орфографическая работа:

Схв...тить, кол...екция, ше...ский, зап...х, верё...ка, прож...вать (в городе), чес...ный.

- Посмотрите, какое слово получается из вставленных букв? (Алфавит).

- Назовите тему нашего урока.

Ученик: Алфавит.

Представленные задания нельзя отнести к проблемным не только потому, что их выполнение предполагает репродуктивную деятельность (репродуктивная деятельность — опора на имеющиеся знания, применение их на практике — является составной частью анализа проблемной ситуации), но прежде всего потому, что в данных заданиях отсутствует важнейший элемент проблемной ситуации — противоречие между имеющимися и отсутствующими у учащихся знаниями или способами деятельности.

Таким образом, данный этап работы посвящен знакомству студентов с теоретическими основами создания проблемной ситуации, анализу готовых фрагментов уроков с точки зрения наличия / отсутствия в них проблемы.

На следующем этапе работы продолжается осмысление методической литературы: студенты знакомятся с приемами создания проблемной ситуации и постановки учебной проблемы по классификации Е. Н. Мельниковой [3, с. 2–15]. Вместе с тем работа на этом этапе состоит не только в восприятии готовых теоретических сведений, студентам предлагается познакомиться с примерами, иллюстрирующими приемы, представленные в классификации, и подобрать собственные примеры использования каждого приема.

Приемы создания проблемной ситуации (проблемное введение темы урока) на основе классификации Е. Н. Мельниковой.

1 прием. Одновременно предъявить ученикам противоречивые факты, теории, мнения.

Предъявление учителем противоречивых мнений:

1. Теория звукоподражания состоит в том, что «безъязычный человек», слыша звуки природы (журчание ручья, пение птиц и т. д.), старался подражать им.

2. Теория «*трудовых выкриков*» состоит в том, что язык возник из выкриков, сопровождавших коллективный труд.

3. Теория социального договора.

4. Теория Божественного происхождения языка. Язык был создан Богом, богами или божественными мудрецами.

Побуждение к осознанию проблемы:

Учитель: Вас что-то удивило? Что интересного вы заметили?

Ученики: Существует много мнений по одной проблеме. (Осознание противоречия.)

Побуждение к формулированию проблемы:

Учитель: Какой возникает вопрос?

Ученики: Какая теория верна?

Формулирование темы урока

Учитель: Какая сегодня будет тема урока?

Ученики: Гипотезы происхождения языка.

2 прием. Столкнуть мнения учеников вопросом или практическим заданием.

Практическое задание на новый материал:

Учитель: От существительных грач, истина образуйте прилагательные.

1 ученик: Грачинный, истинный.

2 ученик: Грачиный, истинный.

Побуждение к осознанию проблемы:

Учитель: Задание было одно? А как вы его выполнили?

Ученики: Выполнили его по-разному. (Осознание противоречия.)

Побуждение к формулированию проблемы:

Учитель: Почему так получилось? Чего мы еще не знаем?

Ученики: Не знаем правила написания Н и НН в суффиксах прилагательных.

Учитель: Значит, какая сегодня тема урока?

Ученики: Правописание Н и НН в суффиксах прилагательных.

3 прием. Проблемная ситуация с противоречием между житейским (т.е. ограниченным или ошибочным) представлением учеников и научным фактом.

Выявление житейского представления:

Учитель: Разделите данные существительные на две группы: одушевленные — неодушевленные: учитель, кукла, дедушка, дом.

Ученики: Одушевленные существительные: учитель, дедушка. Неодушевленные существительные: кукла, дом.

Учитель: Как вы определяли?

Ученики: Одушевленные существительные — живые существа, неодушевленные существительные — неживые существа.

Предъявление научного факта:

Учитель: Вы знаете, что языковые единицы одного разряда изменяются одинаково. Поставьте данные существительные в форму множественного числа именительного, родительного, винительного падежей. Распределите существительные с общими формами в 2 группы.

Ученики: 1 группа: совпадают формы именительного и винительного падежей множественного числа у существительного *дом* (дома). 2 группа: совпадают формы винительного и родительного падежей множественного числа у существительных *учитель, дедушка, кукла* (учителей, дедушек, кукол).

Побуждение к осознанию противоречия:

Учитель: Что вас удивило? Вы как думали всегда?

Ученики: Что существительное *кукла* — неодушевленное.

Учитель: А как оказалось на самом деле?

Ученики: Существительное *кукла* изменяется так же, как одушевленные существительные. (Осознание противоречия.)

Побуждение к осознанию проблемы:

Учитель: Значит, какая сегодня тема урока?

Ученики: Одушевленные и неодушевленные существительные.

Учитель: А какова цель нашего урока?

Ученики: Выяснить, как в лингвистике определяют, какие существительные относятся к одушевленным, какие — к неодушевленным.

4 прием. Выполнить практическое задание, несходное с предыдущим.

Задание на известный материал.

Учитель: Расставьте знаки препинания в предложении: *Но грустно думать что напрасно была нам молодость дана что изменяли ей всечасно что обманула нас она.*

Ученики: Но грустно думать, что напрасно была нам молодость дана, что изменяли ей всечасно, что обманула нас она.

Задание на новый материал.

Учитель: А теперь расставьте знаки препинания в таком предложении: *Вы действительно согласны с тем что когда вас ударят по правой щеке нужно подставить левую?*

Побуждение к осознанию проблемы.

Учитель: Смогли выполнить задание?

Ученики: Не полностью: мы поставили запятые перед первым подчинительным союзом и после придаточного предложения, но непонятно, нужно ли ставить запятую перед вторым подчинительным союзом (между союзами).

Учитель: В чем затруднение?

Ученики: Мы такого еще не делали.

Учитель: Чем это задание не похоже на предыдущее?

Ученики: Во втором предложении рядом два подчинительных союза.

Побуждение к формулированию проблемы.

Учитель: Значит, какая сегодня тема урока?

Ученики: Знаки препинания в сложноподчиненном предложении с двумя рядом стоящими подчинительными союзами.

Завершается этап в формировании умений постановки учебной проблемы самостоятельной подготовкой студентами конспектов уроков, представления конспектов в студенческой группе и последующем их обсуждении.

Приведем фрагмент конспекта урока (этап проблемного формулирования темы урока), самостоятельно созданного студентом и

представленного на занятии методики обучения русскому языку в процессе подготовки к педагогической практике.

Тема: Правописание безударных гласных в личных окончаниях глаголов.

Задание на использование известного способа действия.

Учитель: Вставьте безударные гласные в окончания прилагательных в словосочетаниях: *Идти по стар..му мосту, любоваться зимн..м утром.*

- Какой способ действия вы использовали? (Как вы определяли написание безударной гласной?)

Ученики: Безударные гласные в окончаниях прилагательных определяют по вопросу: *по мосту (какОму?) старОму, утром (какИм?) зимнИм.*

В окончании прилагательного пишется та же гласная, что и в окончании вопроса (определение способа действия).

Задание на применение нового способа действия, неизвестного учащимся.

Учитель: Вставьте безударные гласные в окончания глаголов.

Они бор..тся с трудностями.

Они кле..т конверты.

Какие буквы вы вставили? Как вы действовали?

Ученики: Они (что делаЮт?) борЮтся. Они (что делаЮт?) клеЮт.

В окончании глагола пишем ту же гласную, что и в окончании вопроса (определение способа действия, оперирование известным способом действия).

Предъявление правильного варианта выполнения задания.

Учитель: Посмотрите, как нужно правильно писать эти слова (демонстрируется слайд):

Они (что делаЮт?) борЮтся.

Они (что делаЮт?) клеЯт.

Побуждение к осознанию противоречия.

Учитель: Почему в окончаниях глаголов борются и клеят пишутся разные безударные гласные?

Учащиеся не могут ответить на вопрос.

Учитель: Можно ли использовать известный нам способ действия написания безударных гласных в окончаниях прилагательных?

Ученики: Нет, в этом случае нужно действовать как-то по-другому. Мы пока не знаем как.

Побуждение к формулированию проблемы.

Учитель: Значит, какая сегодня тема урока?

Ученики: Правописание безударных гласных в личных окончаниях глаголов.

В процессе анализа представленного урока студенты характеризуют использованный прием, определяют особенности создания проблемной ситуации, выделяют этапы постановки проблемы.

Проблемная ситуация создается предъявлением классу двух заданий, выполнение которых требует использования разных способов действия, причем способ выполнения второго задания учащимся неизвестен, поэтому они пытаются при выполнении обоих заданий применить один способ действия. Противоречие возникает при осознании учащимися того, что в процессе выполнения нового задания невозможно использовать известный способ действия. Побуждение к осознанию противоречия осуществляется репликами: *Как вы действовали? Можно ли использовать известный нам способ действия?*

Таким образом, для формирования у будущих учителей русского языка умения организовать работу учащихся по определению и формулированию учебной проблемы должна быть организована специальная целенаправленная работа. В рамках освоения рассматриваемого умения студенты должны пройти все этапы: от изучения теоретических сведений и аналитической работы до создания собственных конспектов уроков и презентации их в студенческой группе. Кроме того, студенты участвуют в обсуждении представленных уроков, таким образом формируются умения участвовать не только в подготовленных, но и в импровизированных выступлениях, что также является важнейшим профессиональным умением учителя.

1. Матюшкин А. М. Проблемные ситуации в мышлении и обучении. М. : Педагогика, 1972.

1. Махмутов М. И. Организация проблемного обучения в школе. М. : Просвещение, 1977.

2. Мельникова Е. Л. Технология проблемного диалога: методы, формы, средства обучения // Образовательные технологии : сборник материалов. М. : Баласс, 2008. С. 5–55.

3. Образовательная система «Школа 2100» URL: <http://www.school2100.ru/>

4. Рыжкова Л. В. Проблемный подход в обучении русскому языку как средство развития коммуникативной компетенции учащихся. МОУ Ливенская средняя общеобразовательная школа № 1, 2008. URL: <http://nsportal.ru/shkola/russkiy-yazyk>

5. Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования. URL: <http://standart.edu.ru>

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Е. М. Кузюрина

Политическая эстетика в Польше (1948–1957 годы): историографический аспект

УДК 7.035

В статье ставится задача проанализировать формирование понятия «политическая эстетика» в польской, советско-российской и немецкой историографии. Сделан вывод о том, что это понятие достаточно широко, а потому в исследованиях неизбежны терминологические расхождения. Это обусловлено в первую очередь масштабами и способами практического использования эстетики в политике разных стран в условиях отсутствия демократии. В статье достаточно подробно рассмотрены особенности использования политической эстетики в Польше 1947–1956 гг. В польской историографии эта проблема изучена недостаточно, исследователи не выходят за пределы терминов, доминировавших в отмеченный период.

Ключевые слова: эстетика, политика, политическая эстетика, культура, искусство, недемократические режимы, идеология.

Kuziurina E. M. Political aesthetics in Poland (1948–1957): historiographic aspect

The main article's task is to analyze the formation of the term «political aesthetics» in German, Soviet — Russian and Polish historiography. It is concluded that this notion is wide, and therefore studies have inevitable terminological differences. This is primarily due to the scale and methods of practical using of aesthetics in politics of different countries, in the absence of democracy.

Features of political aesthetics' using in Poland 1947-1956 are considered in detail in article. This problem has been poorly studied in polish historiography, researchers did not go beyond the terms that dominated in the indicated period.

Key words: *aesthetics, politics, political aesthetics, culture, art, non-democratic regimes, ideology*

Изучение политической эстетики как целостного явления подтолкнули политические изменения в большинстве стран в XX веке, хотя сам феномен существовал задолго до его научного осмысления. На сегодняшний день можно отметить постоянное повышение интереса к этой теме в разных странах (см., напр. [23], [24], [34], [13]). В качестве источников представлены работы немецких, отечественных и польских исследователей. Количество исследований при этом разное: работ отечественных и польских авторов гораздо больше, но это отнюдь не связано со степенью ее осмысления. С точки зрения актуальности на первом месте оказывается немецкая научная традиция как наиболее концептуально разработанная. Здесь представлено последовательное изучение составляющих политической эстетики. Эта литература использована только в переводе.

Тема политической эстетики раньше всего возникает в философской работе В. Бенямина [1] и развивается в контексте искусства как пропаганды. Его работа была сначала опубликована в 1936 году во Франции, куда В. Бенямин эмигрировал из Германии из-за расовой непригодности и иных политических взглядов. В этот период В. Бенямин работал в Франкфуртском институте, где одной из тем исследования была критика тоталитаризма и авторитарной личности [8]. Работа В. Бенямина вписывается в общее русло разоблачения фашизма. При этом он описывает только конкретную историческую ситуацию первой половины 1930-х годов в Европе, связанную с приходом фашистов к власти и использованием ими искусства в политических целях.

Бенямин полагает, что война, в прославлении которой фашизм (и итальянский, и немецкий, поскольку в употреблении автора термин имеет собирательный характер) использовал эстетические параметры, стала высшей точкой соединения политики и эстетики. Прекрасными становились все атрибуты войны: оружие, танки, «металлизация» человеческого тела. Бенямин приводит в качестве аргумента высказы-

вание футуриста, одного из основателей итальянского фашизма Ф. Маринетти, в котором подчеркивается, что красота может быть только в борьбе [1]. В этом соединении эстетики и политики исследователь видит источник зла в современном мире. Самоотчуждение человечества, подводит итог В. Беньямин, достигло той степени, которая позволяет переживать свое собственное уничтожение как эстетическое наслаждение высшего ранга [1].

Согласно мнению Беньямина, развитие технических средств привело к тому, что эстетические категории стали политическим средством выражения классовой борьбы, а культура орудием пропаганды. В связи с этим возникает понятие «эстетизация политической жизни». Эстетизация для Беньямина — негативный процесс, который наиболее ярко выразился в потере произведением искусства «ауры» — уникального существования во времени и пространстве. Беньямин характеризует эстетизацию политики как насилие над массами с использованием искусства для создания культовых символов. Он полагал, что на эстетизацию политики фашизмом коммунизм отвечает политизацией искусства. Таким образом, фиксируется следующее: правые эстетизируют политику, а левые политизируют эстетику. Обе эти силы используют эстетику в политических целях, как способ выражения идеологии.

В работе Беньямина прослеживаются отголоски «доктрины тоталитаризма» — автор сопоставляет фашизм и коммунизм и находит их общие черты, а именно включение эстетики в политическую сферу.

В современной немецкой культурфилософии происходит дальнейшее рассмотрение вопроса через его составляющие.

Традиционно исследователи приводят примеры гитлеровской Германии, Советского Союза и Италии времен правления Муссолини, поскольку эти примеры XX века наиболее показательны в изучении политической эстетики.

Современный немецкий славист Х. Гюнтер анализирует представления о прекрасном и его функциях в тоталитарных культурах. «Красота» в первую очередь служит средством восполнения недостатков экономической, социальной и политической реальности, а не средством эстетического наслаждения. В качестве доказательства Х. Гюнтер приводит мнение итальянского историка Э. Джентиле, ко-

торый утверждал, что «массовые зрелища становились компенсацией за те лишения, которые претерпевали низшие классы общества», скрывая «трудности, которые испытывал режим, за фасадом, изображавшим порядок и эффективность» [3].

В тоталитарных обществах, считает Гюнтер, государство присваивает эстетическую функцию, превращая ее в фактор всеобъемлющей гармонизации общества. Эстетизация политики для Х. Гюнтера всегда является признаком значительных политических и общественных изменений. В отличие от Бенямина, он не противопоставляет недемократические режимы, отмечая, что в СССР эстетизация политики производилась иными методами и с другими целями, чем в фашистской Италии и нацистской Германии, но не менее интенсивно. Более того, автор полагает, что с начала 1930-х годов диктатуры в значительной мере начинают учиться друг у друга, подражать друг другу и становятся все более похожими. Это дает основания применять термин «эстетизация политики» не только в отношении Германии и Италии, но и по отношению к Советскому Союзу.

Гюнтер выделяет специфические формы, которые принимает эстетизация политики: театрализация, сакрализация, мифологизация, производство визуальной сверхреальности. Их общей чертой является изготовление общедоступных образов и сцен, которые направлены на подсознание. А способы их применения зависят от конкретных исторических обстоятельств и национальных традиций [3].

Автор включает сюда и идею создания «нового человека», поскольку особое значение приобретала эстетизация тела, полагая, что в результате эстетизации публичной жизни в складывавшихся тоталитарных государствах проступала новая политическая антропология, основанная на «потере разумом центральной роли» [3].

Немецкая исследовательница Н. Россол также рассматривает историю Германии, но нацистский период не выделяет. Она считает, что ритуалы, символы и празднества как средства конструирования и выражения идентичности применялись в Германии начиная от периода Веймарской республики, особый расцвет получив при Третьем рейхе. Основным параметром Россол считает общественное пространство и его трансформацию посредством зрелищ, шествий, спортивных мероприятий. С помощью данных форм, по мнению автора, создавалась

особая культурно-художественная форма государства [15]. В итоге исследовательница дает более широкое понимание политической эстетики как способа интерпретации политики и идеологии.

Взаимосвязь политики и эстетики в Советском Союзе почти сразу привела к возникновению специальных исследований в российской и советской философской и политологической мысли. Большевики, пришедшие к власти в 1917 году, решали вопрос о способах внедрения новой идеологии в массы, политическая эстетика в СССР изначально рассматривалась с точки зрения возможности ее практического использования.

Раньше всех писал об этом А. В. Луначарский¹, отмечая стремление В.И. Ленина использовать все виды искусства в целях пропаганды. Причем в скульптуре это даже имело свое название «монументальная пропаганда». Каждое открытие нового памятника, по мысли Луначарского, должно было стать маленьким праздником, но в реальности актом пропаганды. Позднее он вспоминал, что В. И. Ленин также подчеркивал значение надписей, кратких, но выразительных, содержащих наиболее длительные коренные принципы и лозунги марксизма [10].

Подчеркивая значение, которое придавала власть искусству, Н. М. Куренная отмечает, что партийному руководству был необходим новый творческий метод, который смог бы обслуживать и пропагандировать его идеологические цели [9, с. 4]. Исследовательница особо отмечает работу А. В. Луначарского «Основы позитивной эстетики» (брошюра вышла в 1903 г. и без изменений была переиздана в 1923 г.), утверждая, что в ней берет свое начало теория социалистического реализма, поскольку в этой работе прозвучал призыв «рисовать сияющие счастьем и совершенством картины будущего» [9, с. 4]. Функциональность искусства выходила на первый план.

Началом использования политической эстетики советской властью принято считать декрет СНК от 12 апреля 1918 г., предусматривающий перекодирование общественного пространства при помощи

¹ Луначарский А. В. В период с 1917 по 1929 гг. занимал пост наркома просвещения, а после был назначен директором НИИ литературы. С 1929 по 1930 — председатель Комитета по заведованию учеными и учебными заведениями ЦИК СССР.

ликвидации монументов царской России и создания взамен произведений революционного монументального искусства [4].

Советский историк В. П. Толстой, один из соавторов работы «Всеобщая история искусств», подчеркивает, что внимание уделялось и оформлению праздничных народных манифестаций — здесь основное значение придавалось объединению всех видов искусства: архитектуры и театра, музыки и живописи, скульптуры и пантомимы [18]. Большевистской властью проводилась своеобразная временная сакрализация пространства на время празднований.

Со временем этот метод в искусстве получил новое название — социалистический реализм, который помимо украшений, предусматривал и контроль над творчеством. Впервые словосочетание «социалистический реализм» появилось в передовой статье «Литературной газеты» от 23 мая 1932 г. В этом же году было дано его официальное определение, как наиболее правдивого метода описания действительности, в Уставе Союза писателей СССР. С этого момента термин, получив широкое распространение, бытовал без каких-либо изменений. Ориентация на коммунистическую идеологию делала термин пригодным для будущего использования в социалистических странах, в частности в Польше.

Первоначально изучение социалистического реализма было апологетическим, но в последние годы его существования стала проявляться критическая оценка. Искусственный характер создания термина, зависимость советского искусства от официальной идеологии впоследствии стали аспектами изучения проблемы в советской и российской историографии.

Советский философ и искусствовед А. А. Фарбштейн отмечал, что социалистическое искусство развивалось не стихийно, а являлось управляемым. В качестве доказательства автор приводит слова В. И. Ленина об обосновании права государства на вмешательство в культуру [19, с. 23]. Ленинские рассуждения автор цитирует без прежней веры в неопровержимость, оценивает их критически.

В современной российской историографии продолжается акцентирование внимания на активной роли коммунистической власти в конструировании нового типа официальной эстетики. К исследованию подключаются искусствоведы и филологи, поскольку социали-

стический реализм относился к ним прежде всего, они приводят новые аргументы.

Искусствовед И. С. Воробьев полагает, что идеи В. И. Ленина, но уже в плоскости выработки самостоятельных методологических предпосылок будущего тоталитарного искусства, в 1920-е годы успешно развивались деятелями большевистской партии [2]. Но в историографии, по его мнению, недостаточно внимания было уделено Л. Троцкому и Н. Бухарину как теоретикам официального искусства. Это связано с отрицательной оценкой их роли в истории советского государства. Автор приводит в качестве аргументов суждения Л. Троцкого и Н. Бухарина, дающие основания полагать, что именно они готовили почву для будущей терминологии. Кроме того, по мнению автора, именно Л. Троцкий и Н. Бухарин задолго до 1932 года обрисовывают контуры нового стиля: реализм, идейность, партийность [2]. И. С. Воробьев приходит к выводу, что взгляды этих политиков вполне соответствовали главному вектору государственной политики в сфере искусства в середине 1920-х годов. А искусство, таким образом, изначально неизбежно было подчинено идеологии [2].

Тему функциональности искусства исследует эмигрировавший из Советского Союза Е. Добренко, в настоящем специалист по советской и постсоветской литературе и культуре. Автор подчеркивает, что коммунистической партией эстетическое воспитание народа было возведено в ранг государственной политики. Главной функцией эстетики, по мнению исследователя, в советской культуре было не украшение, а производство реальности через ее эстетизацию [5, с. 26].

После распада Советского Союза происходит переосмысление феномена социалистического реализма. Появляется серия работ, посвященных необходимости изменения подхода к изучению социалистического реализма. В 1993 году состоялась конференция в Институте славяноведения и балканистики РАН, посвященная проблемам социалистического реализма.

В. А. Хорев отмечает, что в 70-е годы литературоведы, в частности и сам автор, боролись против господства агрессивно-нормативного толкования социалистического реализма, за расширение его спектра и «открытую» концепцию. Автор констатирует, что ошибкой была попытка раздвинуть рамки системы,

не выходя из нее самой [21, с. 35]. Но на современном этапе, считает исследователь, происходит скорее не развенчание, а трезвое осмысление социалистического реализма. В. А. Хорев подчеркивает малое количество серьезных исследований соцреализма. В основном же сложилось представление о соцреализме только как сумме норм и требований, предъявляемых коммунистической идеологией к художнику [21, с. 35].

А. А. Ревякина выделяет несколько этапов в дискуссии о теории соцреализма, когда проявилась тенденция расширения понятия с 50-х годов XX века в литературоведении. В качестве критерия смены этапов она называет научные конференции. Коллективный способ изучения проблемы, в отличие от индивидуального, признается наиболее плодотворным. Кроме того, конец 90-х годов XX века отмечен появлением нескольких сборников, где были опубликованы проблемно-тематические статьи, материалы дискуссий, круглых столов, конференций (см., например, [7], [16]). Особенно Ревякина подчеркивает значение Всесоюзного совещания 1959 г. по вопросам социалистического реализма «Творческая практика и теоретическая мысль», где была сформулирована потребность преодоления догматических постулатов социалистического реализма [14].

Следующим шагом в дискуссии о социалистическом реализме стала проходившая в 1966 г. в Институте мировой литературы РАН конференция «Актуальные проблемы социалистического реализма», где выступил советский литературовед Г. Н. Пospelов. Ученый предложил различать социалистическую литературу (во всем ее своеобразии и многообразии) и социалистический реализм (господствующий в этой литературе принцип отражения). Сутью размышлений Пospelова было стремление преодолеть «догматическую схему», согласно которой вся советская литература — это социалистический реализм. По убеждению ученого, «социалистическая литература — это только одно, основное и ведущее течение в советской литературе» [14].

Одновременно действовала и старая, предельно идеологизированная схема — забота о «чистоте» партийной ориентации социалистического реализма. О чем свидетельствует большое количество публикаций на эту тему.

На этой волне противостояния двух точек зрения — традиционной и ревизионистской — в 1980-е годы возникла итоговая дискуссия о социалистическом реализме на страницах Литературной газеты 1988 г. К тому времени был окончательно утрачен авторитет уставного определения, которое ассоциировалось с догматизмом, некомпетентным руководством в сфере искусства, диктатом. И практически не осталось критиков, которые пользовались термином «социалистический реализм» в осмыслении текущего литературного процесса. Однако, подчеркивает Ревякина, всеохватывающее определение, если бы его удалось изобрести, означало бы полное размывание границ понятия [14].

Исследования социалистического реализма представлены и в Польше, где он был внедрен в 1948–1949 годах. Насаждение социалистического видения мира привело к негативному восприятию социалистического реализма в польской историографии и современниками, и современными учеными. В нашем распоряжении работы более позднего периода на языке оригинала, сохранившие основную оценку метода в искусстве как навязанной сверху идеологии.

В воспоминаниях польской писательницы М. Домбровской подчеркивается отрицательное отношение к советизации и русификации Польши. Домбровская подчеркивает, что «от немцев Польше грозила биологическая зависимость, а от Москвы — в сто раз страшнее — духовная и моральная». Кроме того, писательница указывала на ненависть, которая формировалась к России, какой не было за 150 лет царской России» (цит. по [12]).

Согласно мнению К. Кулиг-Янарек, сотрудницы Национального музея в Кракове, социалистический реализм стал, прежде всего, «иллюстрацией идеологической и политической агитации посредством художественного творчества» [28]. Польский историк Г. Врона подчеркивает первостепенную роль политического фактора в социалистическом реализме, когда искусство стало проводником социалистических идеалов [35, с. 24]. Авторы подчеркивают смешение политики и искусства, что означает возможность применения к Польше второй половины XX века термина «политическая эстетика».

Следует выделить отечественных авторов, работы которых посвящены исследовательской проблеме. В. А. Хорев, изучая соцреа-

лизм в польской литературе, называет три подхода к его пониманию в Польше. При первом подходе упор делался на воспитательную роль социалистического реализма, где основными темами служили прославление партийных лидеров, рабочего класса. Второй подход — критический — представлял собой устоявшееся понимание социалистического реализма как средства уничтожения искусства. Третий оценивал соцреализм как многогранное явление: не только в качестве «ширмы для бездарных», но и как художественную систему [21, с. 33].

О. Р. Медведева останавливается на филологической стороне проблемы, уделяя внимание лексике в Польше. О. Р. Медведева замечает закономерность: едва ли не с момента появления термина «социалистический реализм» он стало употребляться, за исключением официальных документов, как «соцреализм». Такое сокращение вывело понятие из ряда «неприкосновенных» и в определенной степени снижало его [11, с. 37]. Поляками был изобретен термин для обозначения соцреалистического жанра производственного романа «produkcyjniak», который характеризовался невысокой художественной ценностью. Подобное экспериментирование с соцреалистической терминологией в СССР было недопустимо, считает Медведева [11, с. 37].

Польские исследователи интересуются конкретными аспектами: архитектура, праздники, плакатное искусство. Отсюда и узкотематический характер исследований. При отсутствии термина частные аспекты проблемы вполне соответствуют тем, которые разрабатывались в немецкой и советской историографии.

Наиболее ярким проявлением социалистического реализма на территории Польши стало пространство праздника. Именно тема официальных коммунистических праздников является одной из значительных в Польше. Эта тема представлена как в публицистике (см., например, [25], [26], [27], [29], [31]), так и разрабатывается историками в историографии. Статьи появились относительно тех дат, которые признаны в международном плане, но прочно ассоциируются у поляков с коммунистическим прошлым. Особое внимание исследователи уделяют следующим праздникам: Национальный День Победы и Свободы 9 мая, в отличие от Западной Европы, где день окончания Второй мировой войны празднуется 8 мая; День Труда 1 мая; Национальный фестиваль польского возрождения 22 июля, установленный в

честь подписания Манифеста Польского комитета национального освобождения (ПКНО) в 1944 г., содержащий программу строительства народно-демократической Польши; женский день 8 марта. Сценарии проведения праздников входят в сферу интересов современных польских исследователей. Достаточно подробно тема разрабатывается историками Г. Вроной [35], П. Осенкой [33] и К. Навроцки [32].

Мероприятия, по мнению Г. Вроны, были настоящим праздником пропаганды — проявлением сил коммунистического режима. Все мероприятия, подчеркивает исследователь, можно считать осторожно организованным шоу, при помощи которого власти осуществляли тотальный контроль, а Польша тем самым становилась настоящим «государством пропаганды». О том значении, которое придавалось пропаганде, свидетельствовало учреждение особых институтов, таких как Отдел пропаганды и Министерство пропаганды и информации [35, с. 64]. Врона подчеркивает идеологическое значение парадов, маршей, песен. По мнению автора, несмотря на энергичные усилия, энтузиазм был искусственным, а «режиссер ритуала» вызвал недовольство среди граждан, большинство из которых были лишь пассивными актерами коммунистического спектакля [35, с. 65].

К. Навроцки подчеркивает, что в празднованиях принимали участие все самые важные сановники государства. Для презентации и саморекламы власти использовались различные средства. Центральным пунктом всех торжеств была «трибуна чести», народно-рабочим акцентом которой становилось приглашение на нее «обычных» людей. Критерием служило, считает исследователь, членство в коммунистической партии и тесное сотрудничество с ней [33].

Большую роль в структуре праздников играли плакаты, целью которых было формирование второй реальности для людей. Достаточно подробный анализ тематики плакатов представлен в работе Вроны, чего нет в иных исследованиях. Среди основных сюжетов он выделяет изображения лидеров, коммунистической партии, антивоенную пропаганду, популярную после Второй мировой войны, возрождение Польши. На плакатах активно использовались советские клише: «Партия — наш рулевой», «Под линией Коммунистической партии к дальнейшим победам».

Поскольку соцреализм в ПНР охватил небольшой по длительности период времени с 1948 по 1957 [11, с. 37], в архитектуре не так много его примеров. Среди основных можно выделить Дворец науки и культуры в Варшаве, возведенный по распоряжению И. В. Сталина, и пролетарский район в Кракове — Новая Гута. Несмотря на то что строительство Дворца вызывает многочисленные споры и на сегодняшний день, в историко-культурных и искусствоведческих исследованиях подробного внимания ему не уделено. Споры и мнения представлены в основном в публицистике. В частности, журналист Э. Лемп отмечает благосклонное принятие подарка польской властью: на первой полосе газеты «Жизнь Варшавы» («Życie Warszawy») в день открытия Дворца была помещена фотография здания с подписью: «Спасибо вам, Товарищи!» Для поляков, по мнению польского руководства, Дворец стал плодом дружбы (цит. по [29]). Выступавший на торжественном открытии Б. Берут, первый секретарь Польской объединенной рабочей партии, подчеркивал, что Дворец культуры — это в первую очередь «символ могучей силы пролетарского интернационализма». Кроме того, Берут отмечал, что «весь польский народ обращается с самыми искренними чувствами дружбы и братства к советскому народу» (цит. по [29]). Особое значение Дворцу как атрибуту образцовой социалистической столицы, придавал тот факт, что в 1955 году после заключения Варшавского договора столица Польши обрела номинальный статус столицы восточного блока. На сегодняшний день доминирует негативная оценка строительства Дворца, который поляки восприняли как советское присутствие на польской территории, «символ польского порабощения советской империей» [27].

Другой пример соцреалистической архитектуры — район Новая Гута в Кракове, исследования которого присутствуют в историографии. Достаточно подробный анализ представлен в работе М. Стрельбицкой. Основной целью строительства, считает исследовательница, было стремление разбавить район Кракова, исторического и культурного центра страны, где всегда доминировала интеллигенция, представителями рабочего класса [17]. Но, кроме того, подчеркивалось значение металлургии. В обоих случаях

(строительство Дворца и Новой Гуты) было выражено стремление придать пространству новые характеристики.

Социалистический реализм приобрел в Польше национальные элементы, поэтому для польской социалистической архитектуры характерно смешение стилей, соответствующее идеологической формуле — «социалистический по содержанию» (государство рабочего класса) и «национальный по форме» (стилизация под аттики Суккениц (торговых рядов) в Кракове и городского рынка в Казимеже над Вислой, композиция ратуши [17]).

Учитывая высоту 42-этажного Дворца, которая составляет 167,68 метров, а вместе со шпилем — 230,68, масштаб нового промышленного района Кракова, очевидным становится стремление подчеркнуть мощь и силу государства. Социалистический реализм в архитектуре — не столь популярная тема исследований, причинами могут быть и небольшой временной отрезок господства социалистического метода, и стремление отказаться от коммунистического прошлого.

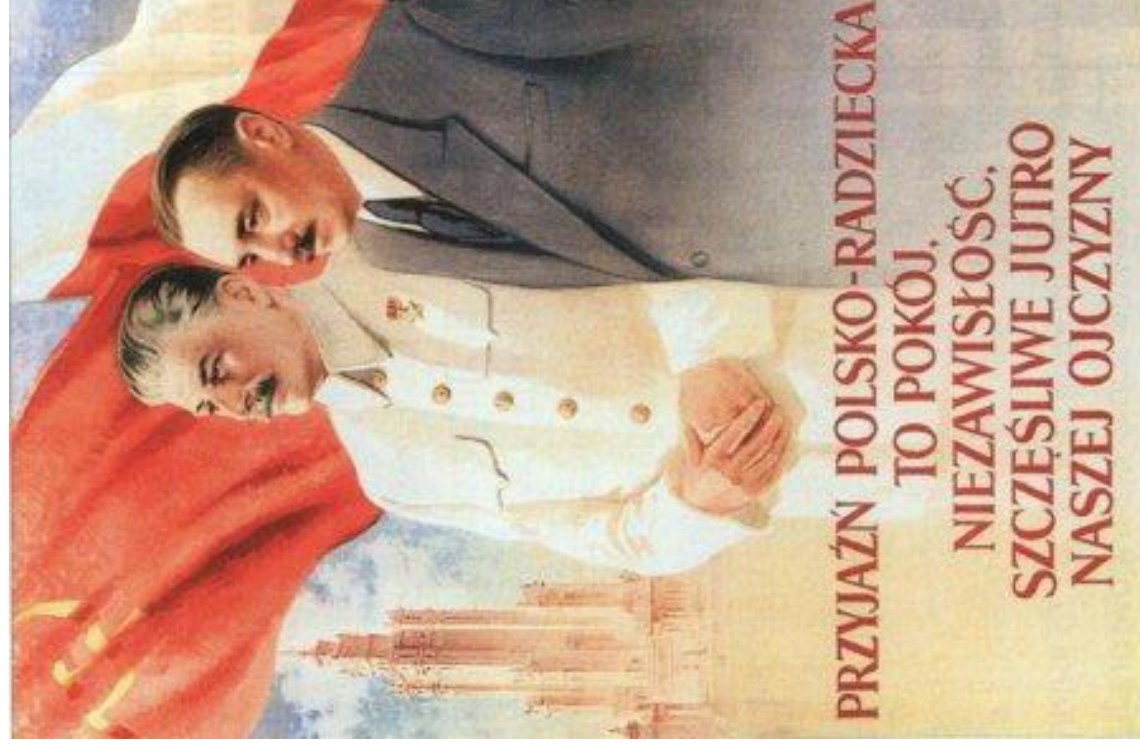
В современной российской историко-культурной и искусствоведческой мысли исследования термина «социалистический реализм» отходят на второй план. Появляются новые темы исследования в рамках политической эстетики. Особо выделяется работа основоположника российской кратологии В. Ф. Халипова — академика Академии политической науки, «Кратология как система наук о власти». Исследование представляет собой синтез знаний о власти из разных областей науки, в том числе и культурологии.

В. Ф. Халипов выделяет особый параметр — эстетика власти и характеризует его в двух направлениях. Во-первых, как проявление во властной практике величественного, достойного и прекрасного. А во-вторых, как совокупность знаний, относящихся к осмыслению проявлений категорий эстетики во властной практике [20, с. 289]. Автор констатирует здесь и относительную нераспространенность понятия «эстетика власти».

Однако эстетика власти выступает частным случаем политической эстетики. Критерием при этом становятся сами сущностные характеристики «политики» и «власти». Тем не менее впервые в литературе фиксируется постановка вопроса о политической эстетике как специальной дисциплине.

«Строители! создавайте и превышайте новые нормы!»

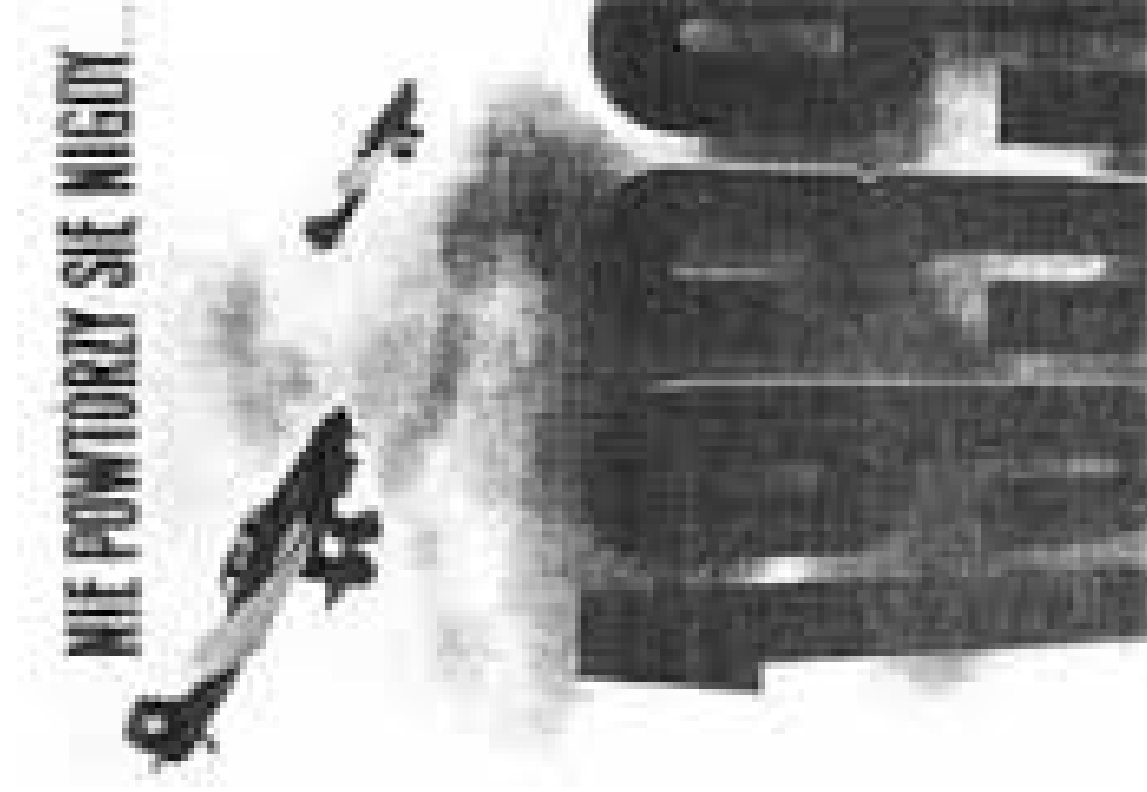
«Советско-польская дружба – это мир. Независимость. Счастливое завтра нашей Родины»

В. Закжевский «Партия. IV съезд Польской Объединенной Рабочей Партии»

«Будь бдителен по отношению к врагу народа»

Т. Трепковский «Не повторится никогда 1939»

Э. Липиньский «Уничтожим фашизм до конца», 1945 г.

Дворец науки и культуры в Варшаве

Эстетика власти в работе А. Ю. Дорского становится специальным предметом исследования. По мнению автора, именно в политической власти эстетика является особенно значимым параметром, который проявляется достаточно ярко. Особое значение А. Ю. Дорский придает фигуре властителя, посредством которого происходит символизация всего общества. Исследователь рассматривает генезис эстетической сущности политической власти и приводит собственную классификацию способов эстетической легитимации власти. Дорский подчеркивает, что современный период характеризуется противостоянием эстетики власти и эстетики публичности как видов политической эстетики [6].

Особого внимания в исследовании политической эстетики заслуживает работа Т. В. Юдиной «Германия. Новая политэстетика». В ней автор совмещает понятия политики и эстетики, применяя при анализе политики методы наук о культуре. Раскрывая свою концепцию, автор отходит от традиционных исторических примеров XX века и анализирует современную Германию периода канцлерства Ангелы Меркель (2005–2009 гг.) [22].

На основании обширной источниковедческой базы Т. В. Юдина приходит к выводу, что политика в первую очередь — это искусство. В своей работе автор анализирует проблемы политического символизма и символов, а также роль инсценировки и игры в политической жизни.

В России проблема политической эстетики приобретает новый масштаб, что свидетельствует о возрастающей актуальности исследовательской проблемы. Отдельного внимания заслуживает изучение феномена взаимосвязи политики и эстетики с определенными историческими событиями XX века, когда эстетика стала одним из критериев при политическом режиме. В частности, можно говорить о неравномерности в исследовании этой проблемы. Советско-российская и немецкая мысль развиваются параллельно, хотя исследования имеют национальную специфику. В немецкой — эстетика выходит на первое место, в отечественной на первом плане оказывается политика, потребности которой обслуживала эстетика. Польские исследования отстают от них: для них характерна узкотематическая направленность, определяемая сферой интересов исследователей. В посткомму-

нистической Польше значительно увеличивается количество работ, проблематика расширяется, но при сохранении критической оценки советской политики в области искусства.

Польша стала страной, где накладывались друг на друга два различных культурных пласта. Политическая эстетика в Польше формируется под сильным советским влиянием. Традиция использования социалистического реализма в СССР к моменту установления коммунистической власти в Польше уже сложилась, поэтому поляки переняли (хоть и ненадолго) и термин, и способ отражения реальности. С другой стороны, исторический контекст, общественная ситуация в Польше не позволили отказаться от исторической памяти и собственных культурных ориентаций. В Польше сохранялась значительная альтернатива марксистско-ленинской идеологии — религия. Именно это определяло специфический облик социалистической эпохи Польши. В итоге перенос установок одной культуры на другую успеха не имел.

Ключевыми примерами в исследовании взаимосвязи политики и эстетики традиционно остаются Германия, Советский Союз и Италия, причем для всех этих исследовательских традиций в целом характерно изучение собственного исторического опыта. Однако только в немецкой представлена концептуализация термина «политическая эстетика». Здесь выделены ключевые составляющие: «эстетизация политики» и «политизация эстетики», которые конкретизируются и дополняются с течением времени.

В отечественном и польском научном дискурсе долгое время близким к термину «политическая эстетика» был идеологизированный термин «социалистический реализм». Он применялся для обозначения метода в искусстве, то есть характеризовал состояние политизированной эстетики в этих странах. В России интерес к проблеме возрастает, что характеризуется появлением новых работ и возникновением термина «эстетика власти» (вновь частного случая политической эстетики) и употреблением термина «политэстетика». «Политическая эстетика» как термин не имеет универсального применения, что свидетельствует о мировоззренческих и методологических различиях между историографиями. Двойственность термина определяет междисциплинарный характер исследования, различные подходы с профессиональной точки зрения. Феномен политической эстетики в

разное время изучают политики, философы, искусствоведы, филологи и историки. Расширенная база авторов, кроме того, свидетельствует о новизне исследования и о широте вопроса. Появление коллективных работ с конца 1990-х годов означает включение исследователей в междисциплинарные контакты для получения информации из смежных областей. Термин «политическая эстетика» может служить инструментом при изучении использования эстетических параметров в политических целях вне связи с какой-либо конкретной идеологией. В качестве специальной государственной программы она имеет свои методы осуществления. В частности, в рамках социалистических стран таким методом стал социалистический реализм.

Анализ позволяет выявить развитие философско-эстетической и искусствоведческой мысли, ее непосредственную связь с господствующими мировоззренческими ориентирами в обществе, а также определить проблемы, требующие дальнейшего углубления исследования.

1. Беньямин В. Производство искусства в эпоху его технической воспроизводимости. URL: http://www.philol.msu.ru/~forlit/Pages/Biblioteka_Benjamin.htm (дата обращения: 15.10.2012).

2. Воробьев И. С. Соцреализм как «третья эстетика» в художественной культуре СССР 1920-х годов // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов : Грамота, 2012. № 12. Ч. 3. С. 45–48. URL: <http://www.gramota.net/materials/3/2012/12-3/9.html> (дата обращения: 30.10.2013).

3. Гюнтер Х. О красоте, которая не смогла спасти социализм (авторизованный перевод с нем. А. Маркова), 2010. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2010/101/gu2.html> (дата обращения: 21.01.2014).

4. Декрет СНК от 12 апреля 1918 «О снятии памятников, воздвигнутых в честь царей и их слуг, и выработке проектов памятников Российской Социалистической Революции» («О памятниках республики»). URL: <http://ppt.ru/texts/index.phtml?id=18600&PrintVersion=1> (дата обращения: 16.02.2014).

5. Добренко Е. Формовка советского читателя. Социальные и эстетические предпосылки рецепции советской литературы. 1997. URL:

http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Literat/dobr/index.php (дата обращения: 20.01.2014)

6. Дорский А. Ю. Эстетика власти : автореф. дисс. ... д-ра филос. наук. 2013. URL: <http://www.dslib.net/estetika/jestetika-vlasti.html> (дата обращения: 14.10.2014)

7. Знакомый незнакомец: Социалистический реализм как историко-культурная проблема. М. : Институт славяноведения и балканистики РАН, 1995.

8. Кохановский В., Яковлев В. История философии, 2001. URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Kohan/index.php (дата обращения: 15.10.2014).

9. Куренная Н. М. О социалистическом реализме // Славяноведение, 1993. № 5. С. 4–7. URL: <http://www.inslav.ru/images/stories/pdf/SovSlav/Slav-1993-5.pdf> (дата обращения: 21.01.2014).

10. Луначарский А. В. Воспоминания и впечатления. Ленин о монументальной пропаганде, 1933. URL: <http://leninism.su/memory/4163-vospominaniya-i-vpechatleniya.html?showall=&start=19> (дата обращения: 16.02.2014).

11. Медведева О. Р. Польские писатели: отношение к соцреализму // Славяноведение. 1993. № 5. URL: <http://www.inslav.ru/images/stories/pdf/SovSlav/Slav-1993-5.pdf>.

12. Ободжа О. В. Формирование массовой социалистической культуры в Польше и Советский Союз: 1945–1955 гг. : дисс. ...канд. ист. наук. М., 2006. URL: <http://www.dslib.net/vseobwaja-istoria/formirovanie-massovoj-socialisticheskoy-kultury-v-polshe-i-sovetskij-sojuz-1945.html#2194181>

13. Рансьер Ж. Разделяя чувственное. СПб. : Издательство Европейского университета, 2007.

14. Ревякина А. А. О социалистическом реализме // А. Н. Островский, А. П. Чехов и литературный процесс XIX–XX вв. : сборник статей в память об Александре Ивановиче Ревякине (1900–1983). М. : Intrada, 2003. С. 508– 527. URL: <http://kostromka.ru/revyakin/literature/5.php> (дата обращения: 14.11.2012).

15. Россол Н. Представляя нацию: спорт, зрелища и эстетика в Германии (1926–1936) : пер. с англ. А. Горбуновой / под ред. А. Скидана. М., 2012. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2012/117/r30.html> (дата обращения: 20.09.2014).

16. Соцреалистический канон : сборник статей / под общ. ред. Х. Гюнтера, Е. Добренко. М. : Гуманитарное Агентство «Академический Проект», 2000.

17. Стрельбицкая М. Новая Гута // Советская архитектура. 2006. URL: <http://www.sovarch.ru/243/> (дата обращения: 02.02.2014).

18. Толстой В. Архитектура // Всеобщая история искусств. Т. 6. Книга вторая. Искусство 20 века / под общ. ред. Б. В. Веймарна и Ю. Д. Колпинского. М. : Искусство, 1966. URL: <http://artyx.ru/books/item/f00/s00/z0000029/st011.shtml> (дата обращения: 25.11.2013).

19. Фарбштейн А. А. Об эстетическом богатстве социалистического искусства // Современное искусство социалистических стран. Проблемы творческих взаимосвязей. М. : Наука. 1981. С. 22–47.

20. Халипов В. Ф. Кратология как система наук о власти. М. : Республика, 1999. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/Halip/index.php (дата обращения: 14.10.2014).

21. Хорев В. А. Теория и практика соцреализма и польская литература // Славяноведение. 1993. № 5. С. 32–36. URL: <http://www.inslav.ru/images/stories/pdf/SovSlav/Slav-1993-5.pdf> (дата обращения: 21.01.2014).

22. Юдина Т. В. Германия. Новая политэстетика. М. : РОССПЭН, 2010.

23. Bohrer K. H. Ästhetik und Politik // Merkur, Nr. 751, Dezember 2011.

24. Braungart W. Ästhetik der Politik, Ästhetik des Politischen. Ein Versuch in Thesen. 2012- Lieferbar.

25. Dzień Kobiet — komunistyczne święto? 2011. URL: http://wiadomosci.onet.pl/waszymzdaniem/60414,dzien_kobiet_-_komunistyczne_swieto,artykul.html (дата обращения: 10.11.2012).

26. Jeszcze 23 lata temu chodziliśmy na komunistyczne manifestacje, 2012. URL: <http://www.bankier.pl/wiadomosc/Jeszcze-23-lata-temu-chodziliśmy-na-komunistyczne-manifestacje-2599254.html> (дата обращения: 10.11.2012).

27. Kielar A. Ann Applebaum: PKiN to symbol stalinizmu, 2013. URL: <http://www.politykawarszawska.pl/a/254> (дата обращения: 17.09.2014).

28. Kulig-Janarek K. Socrealizm. Grafika polska z lat 1949–1954. 2013. URL: <http://www.poland-art.com/index.php/wystawy/krakow/muzeum-narodowe-krakow/3029-socrealizm-grafika-polska-z-lat-1949-1954> (дата обращения: 21.01.2014).

29. Lempp E. Kontrowersyjny podarunek Stalina, 2012. URL: <http://www.rp.pl/artykul/55362,869047-Budowa-Palacu-Kultury-i-Nauki-ruszy-la-60-lat-temu.html?p=1> (дата обращения: 6.01.2014).
30. Makow H. Dzień Kobiet: Stara, dobra komunistyczna propaganda, 2012. URL: <http://radtrap.wordpress.com/2012/03/08/dzien-kobiet-stara-dobra-komunistyczna-propaganda/> (дата обращения: 10.11.2012).
31. Majewski J. S. Architektura lat dziewięćdziesiątych w Polsce, 2004. URL: <http://culture.pl/pl/artykul/architektura-lat-dziewiecdziesiatych-w-polsce> (дата обращения: 01.03.2013).
32. Nawrocki K. «Imieniny» i «urodziny» systemu komunistycznego w Polsce, 2008. URL: <http://histmag.org/Imieniny-i-urodziny-systemu-komunistycznego-w-Polsce-1696> (дата обращения: 2.04.2014).
33. Osęka P. Rytuały stalinizmu. Oficjalne święta i uroczystości rocznikowe w Polsce 1944–1956. Warszawa: Wydawnictwo TRIO, 2007.
34. Schober A. Ästhetik des politishen. 2003. URL: <http://www.kakanien.ac.at/mat/ASchober1.pdf> (дата обращения: 25.10.2014).
35. Wrona G. Język plakatu politycznego jako język władzy. Główne motywy na polskim plakacie propagandowym w latach 1945–1956. Kraków: Uniwersytet pedagogiczny, 2010.

И. В. Макарова

Выразительные возможности материалов и изделий декоративно-прикладного искусства народа коми

УДК 7.031.4

Статья посвящена художественному своеобразию произведений декоративно-прикладного искусства народа коми. Произведения народного искусства создавались из различных материалов: древесины, кости, льна, шерсти, глины, замши и кожи. Художественное оформление конкретного изделия зависело не только от его утилитарной функции, народного эстетического идеала, но и от особенностей использованного материала, характера его обработки. Автор анализирует архитектурный декор жилищ народа коми и способы его создания, рассматривает способы худо-

жественного оформления различных предметов быта, выполненных из древесины, бересты, кости животных (посуду, солонки, прялки, музыкальные инструменты, накладки для поясов оленеводов).

Ключевые слова: декоративно-прикладное искусство, народ коми, художественное своеобразие, изделия, древесина, береста, кость, выразительные возможности.

Makarova I. V. Expressive possibilities of materials and wares decorative arts of komi

This article is devoted to the artistic identity of works of decorative arts of Komi. Works of folk art created out of various materials: wood, bone, linen, wool, clay, suede and leather. Artistic design of the concrete products depends not only on its utilitarian function, the popular aesthetic ideal, but also on the characteristics of the material used and the nature of its processing. The author analyses the architectural decoration of homes people Komi and how it is created, is examining ways of decorating of various household items made of wood, birch bark, bones (utensils, saltshakers, spinning wheels, musical instruments, pads to belts of reindeer breeders.

Key words: decoratively-applied art, people of komi, artistic originality, wares, wood, birch bark, bone, expressive possibilities.

Произведения декоративно-прикладного искусства народа коми выполнялись из различных природных материалов: из древесины, кости, льна, шерсти, глины, замши и кожи. И их художественное оформление зависело не только от утилитарной функции предмета, народного эстетического идеала, но и от особенностей использованного материала, характера его обработки.

Особое место среди изделий декоративно-прикладного искусства коми занимают предметы, выполненные из дерева. Древесина как поделочный материал, шедший на изготовление различного вида художественных изделий, была известна на территории края с глубокой древности [5, с. 246]. Живя в окружении лесов, состоящих из различных пород деревьев как хвойных, так и лиственных, коми освоили разнообразные способы художественной обработки древесины, используя для этого различные инструменты. Основным инструментом при работе с деревом был топор, при помощи которого совершались такие операции, как рубка, обтесывание. Для выдалбливания внутренних поверхностей использовали долото (**ожын**), различные тесла

с закругленными лезвиями, закрепленными в деревянных рукоятках (*керанчер, кузьныр*). Для строгания и полирования применяли различного вида скобели (*гогын*), для резьбы — резцы (*кандрас*), ножи (*пурт*) разнообразной величины и формы. В конце XIX — начале XX веков у коми появляются пила и рубанок, а для создания круглой деревянной посуды, веретен, фигурных ножек для мебели, ручек в этот период времени стали применять самодельные и промышленные токарные станки [1, с. 125]. Деревянные изделия можно классифицировать по разным критериям: по материалу, по способу изготовления, по видам и типам изделий, форме и конструкции, по изобразительным мотивам. За основу классификации мы возьмем свойства материала, форму и конструкцию произведений, способ художественного оформления. Свойствами материала обусловлен способ изготовления изделия, со способом связана его форма, которая определяет место расположения орнамента, его виды и мотивы.

Самую большую и разнообразную группу деревянных произведений коми-зырян составляют изделия, выдолбленные и вырезанные вручную: архитектурный декор, предметы быта (мебель, посуда, прялки, веретена), музыкальные инструменты. Традиционный дом коми являет своим декоративным оформлением устойчивые черты художественного своеобразия. Выбор древесины сосны для строительства домов был обусловлен ее технологическими возможностями. Являясь самым распространенным деревом, произрастающим в Коми крае, сосна обладает определенным набором свойств, делающих ее пригодной для данных целей. Она имеет умеренно крепкую структуру, устойчива к сырости, древесина ее отличается легкостью [2, с. 25]. Именно эти свойства делали незаменимым материалом древесину сосны при строительстве жилых и хозяйственных построек. Хорошо усыхающая древесина находила применение в изготовлении лавок, полок, кухонных залавков. Нашла применение сосна и во внешнем оформлении зырянского дома. Так, наличники и карнизы, украшенные рельефной резьбой или контурно-прорезной с крупным рисунком, выполнялись из ее древесины. Несложные крупные геометрические элементы в виде ромбов, треугольников, кругов составляют узоры, вырезанные на причелинах. Крупный рисунок в композициях орнаментов обусловлен яркой, полосатой текстурой древесины, так как

сосна относится к тем породам деревьев, у которых отчетливо видны годовичные слои, выделяющиеся на срезах [2, с. 26]. Поэтому полосатая текстура древесины мешает целостному восприятию мелкого узора. Светлые и широкие части древесины, образованные весной и в начале лета, чередуются с узкой и более мягкой частью, образованной в конце лета и осенью. Слои отличаются не только цветом, но и свойствами. Широкойслоиная древесина — мягкая и легкая; узкойслоиная — твердая и тяжелая. Учитывая эти свойства, мастера находили способы усиления декоративных возможностей сосны и осматрительно использовали ее древесину для создания произведений декоративно-прикладного искусства. Так как сосна имеет неравномерную плотность и ее древесина легко скалывается по слою, то небольшие по размерам предметы быта, например посуду из сосны, не резали.

Главная деталь архитектурного декора — охлупень. При помощи топора и долота охлупень скульптурно обрабатывался и ему придавался вид конской головы с выступающей как у птицы грудью, силуэтом похожей на утку [5, с. 247]. Такой художественный образ был вызван не только мифологическими представлениями народа, но и формой елового ствола с загнутым корневищем, из которого вырезался охлупень. Форма корневища напоминала птичью голову, поэтому мастеру не доставляло большого труда, используя топор и нож, придать данной детали элементы узнаваемости. Конец бревна закруглялся и ему придавалась выпуклая форма мощной конской или птичьей груди. Шея и голова символического животного, вырезанного из загнутого ответвления, имели по сравнению с грудью небольшие размеры, поэтому непропорциональность охлупня бросалась в глаза. Предельно обобщенная и лаконичная форма практически не имеет мелких деталей, так как топор и долото не давали возможности мастеру для тонкой изящной работы. Особенности обработки были также продиктованы стремлением к монументализму, так как охлупень должен был обозреваться со значительного расстояния. В нижней части охлупня вытесывали желоб, благодаря которому бревно крепилось на крыше. Из тонких еловых жердей с загнутым корневищем делали уключины. Форма корневища напоминала птичью голову, поэтому мастеру не доставляло большого труда, используя топор и нож, придать данной форме художественную выразительность. Так, стили-

зованное оперение птиц на концах уключин иногда имеет, по всей видимости, случайные следы, сделанные топором. Боковые стороны уключин оформлялись изредка в технике контурной резьбы. Приемы резьбы были очень просты: ножом наносили тонкие контурные линии или бороздки в виде кругов, крестов, сеток. Во внешнем оформлении дома применялась и контурно-прорезная резьба, которая воспринималась как ажурное кружево на глади бревенчатой стены. Причелины, подзоры, «полотенца» декорировались геометрическими орнаментами, композиции которых состояли из простых элементов: кругов, овалов, розеток и сердечек. Декоративная отделка раскрывала функциональное предназначение каждого элемента жилища, подчеркивала пропорции, связывала дом с окружающей средой. Поэтому в резном орнаменте зырянского дома мы всегда находим простые композиции, простоту узора, лаконизм художественного решения.

Дерево являлось основным материалом при создании посуды. Деревянная посуда у коми была в основном долблено-резаная. Ковши, чаши, солонки, лотки, кумли, ложки создавались из древесины березы и из наростов на ней: березового капа и сувеля. Посуда из березы отличалась прочностью, большим разнообразием форм и способов художественного оформления, которые были вызваны качеством материала. Древесина березы имеет белую однородную, упругую структуру с желтоватым оттенком, шелковистым блеском, благодаря чему хорошо обрабатывается: режется в разных направлениях, не образуя сколов; хорошо гнется [2, с. 28]. Резьба может покрывать предметы из березы тончайшим узором, который не забивается природным рисунком волокна. Особенно часто коми для изготовления различной посуды (ковшей, солонок, чаш) использовали березовый кап и сувель, которые относятся к прочным, пластичным материалам с выразительной текстурой, не требующим дополнительной орнаментации изделия. Особую выразительность изделия из капа и сувеля приобретали благодаря искусному подбору текстуры и тщательной полировке поверхности.

Праздничные ковши коми по формам и использованию можно разделить на несколько видов. Первую группу составляют ковши больших размеров в форме стилизованной водоплавающей птицы, относящиеся к ритуальным сосудам, использовавшиеся для пива, сва-

ренного в складчину. Можно предположить, что в таких ковшах разносили пиво участникам праздничного пира. У ковшей одна ручка скульптурно обрабатывалась в виде головы птицы, другая — в виде ее хвоста, а борта — в виде ее туловища. Форма чаш всегда полусферическая диаметром 50–80 см. Подобный ковш приземистый и почти круглый хранится в Национальном музее Республики Коми (НМРК, кп 121). Скульптурно обработанные в форме головы птицы и ее хвоста ручки имеют вытянутые пропорции и находятся от пола на высоте 45 см, высота чаши 35 см. Внутренняя и внешняя поверхности ковша сохранили следы тесла, так как их обработке особого значения не придавали. Основное внимание резчика было сосредоточено на резьбе ручек, формировавших в первую очередь художественный образ ковша. На музейном образце ручки тщательно смоделированы: вытянутая форма головы птицы дана с предельной обобщенностью, а длинный, плоский клюв птицы образует поверхности, удобные для захвата ковша руками; хвост более узкий у основания расширяется к концу, благодаря чему и создается форма ручки, необходимая для переноса тяжелого ковша. В обобщенной форме головы птицы выражается пластическая система, принятая народными мастерами коми, для объемных изображений. Твердый материал требовал четких завершенных линий, лаконичности и выразительности основных черт. На ковше сохранились фрагменты росписи черной и красной красками. Голова стилизованной птицы, ее хвост были окрашены масляной краской в красный цвет, а борта чаши имеют красную узкую полосу (шириной в 2 см). У основания клюва, на затылке скульптурно обработанной головы, сохранилась графическая роспись черной краской, состоящая из геометрических элементов в виде кругов разного размера, полосок, зигзагообразных линий. Кроме узора на голове обозначены черным цветом выразительные глаза птицы. Стилизованный хвост украшен геометрическим орнаментом черного цвета в виде полосок из крестов и симметричного декоративного элемента, расположенного на конце хвоста. Узор мелкий, изящный занимает небольшое пространство и заметен только при непосредственном использовании предмета. Возможно, внутри чаша ковша была окрашена черной краской, о чем свидетельствуют остатки краски на внутренней ее поверхности. У коми-зырян встречается достаточно часто посуда (ков-

ши, чаши и чашки), окрашенная в черный цвет, иногда с росписью, но чаще без нее. Ритуальный ковш выполнен в конце XIX века и является уникальным памятником декоративно-прикладного искусства коми, так как ритуальные ковши, относящиеся к более ранним периодам, не сохранились. Можно предположить, что в более ранние эпохи подобные ковши украшались геометрической резьбой, именно в тех же местах, где находилась роспись на более поздних по времени создания ковшах. Стремясь сохранить выразительную текстуру материала, мастер не всю поверхность ковша заполнил изящной графической росписью, а только верхнюю ее часть, поэтому ковш привлекает внимание не своей декоративной отделкой, а пластикой формы и естественной красотой материала.

Ковши меньшего размера (диаметром до 50 см) в форме птиц обычно обрабатывались более тщательно (НМРК, кп 118, 5513/13). Почти все ковши средних размеров имеют минимум декоративной отделки, так как их художественный образ создается за счет выразительной формы и естественного рисунка дерева (березового капа или сувеля). Среди таких ковшей встречаются экземпляры с полусферической формой и удлиненные овальные. Ковш в виде водоплавающей птицы, выполненный народным мастером в середине XIX в. из березового капа, хранящийся в Национальном музее (НМРК, кп 5903/2), имеет полусферическую форму. Чаша ковша круглая, ручка, вырезанная в виде маленькой головы птицы с острым клювом, на короткой шее, слегка изогнута. Вторая ручка представляет собой хвост птицы. Она короткая, расположена почти горизонтально. Форма ковша предельно выразительна за счет тщательно отшлифованной поверхности, и декоративный эффект в данном случае достигается обыгрыванием выразительной текстуры материала.

Последнюю группу ковшей, выполненных в виде водоплавающих птиц, составляют ковши маленьких размеров, которые, возможно, использовались как индивидуальные. Видимо, ими черпали пиво во время праздничного пира из общего ритуального ковша. Среди индивидуальных ковшей большинство имеют ладьевидную форму, изящные пропорции.

Ритуальным ковшам могут быть противопоставлены ковши, которые непосредственно в празднике не участвовали, но имели к ним

отношение. Это ковши больших размеров с одной ручкой. Они использовались во время варки общественного пива и предназначались для его переливания из одной емкости в другую из чана, где оно варилось, в ритуальный ковш. Такие ковши имели чаши большого размера сферической или ладьевидной формы и длинную, достигающую до 150 см круглую ручку. Ковш, хранящийся в Национальном музее Республики Коми (НМРК, кп 7403/11), вырезанный из осины, имеет простую полусферическую форму и большие размеры. Художественную выразительность ковшу придает серебристый оттенок и мягкий блеск древесины. Внешняя и внутренняя поверхности ковша тщательно не обработаны и представляют собой неровные поверхности со следами, оставленными долотом и теслом. Несмотря на то что осина является легким, мягким материалом с однородным строением, с узорчатой свилеватой структурой, она редко использовалась народными умельцами и считалась у коми-зырян бросовым деревом, о котором с пренебрежением говорили: «Одна ягода горькая — рябина, одно дерево горькое — осина». Негативное отношение к осине было обусловлено такими ее свойствами, как хрупкость и подверженность гниению без специальной обработки, вследствие чего ее совсем не использовали в строительстве жилых построек и редко использовали для изготовления посуды.

Отличительной конструктивной чертой всех ковшей коми является отсутствие поддона.

Чаши и чашки, вырезанные вручную, употреблялись для торжественного застолья. Они представляли собой невысокие сосуды цилиндрической формы диаметром 15–30 см с короткой одной ручкой или без нее. Их пропорции приземисты и часто, особенно чаши с ручкой, своими формами напоминают сферические ковши, от которых они отличаются тем, что имеют поддон. *Кумли*, долбленные корытца, использовали для приготовления и подачи мяса. Они также имели небольшую высоту, но форма у них была вытянутая овальная. Художественное своеобразие данной посуде придавали ручки, имевшие простую, но разнообразную форму. Иногда они были маленькими цилиндрической формы, в другой раз большими и загнутыми вниз. Во всех этих деревянных изделиях заметно желание мастера сохранить перво-

зданный вид дерева, показать его выразительную текстуру (НМРК, кп 5768, 6023/2), так как данная посуда не имеет никакого вида украшений.

Большую группу деревянных изделий составляют резные деревянные солонки, которые можно разделить на две группы: солонки в виде водоплавающей птицы и резные солонки цилиндрической формы. Солонки в форме уток отличаются разнообразием форм и размеров. Они всегда имеют крышку, которая крепится деревянной шпилькой (нагелем), на которой часто вырезаны объемные фигурки утят. Такие солонки были широкими и узкими, высокими и низкими, иногда даже «многоэтажными», но всегда они имели облик водоплавающей птицы — утки (реже — гуся, лебедя, гагары), в котором обнаруживается выразительный образ. Умение коми мастеров отбросить ненужное при создании художественного образа, показать особенное, характерное делает утки-солоницы подлинными произведениями декоративно-прикладного искусства. Особую выразительность солонки приобретали благодаря искусному подбору березового капа или сувеля с яркой текстурой и тщательной полировке поверхности. Для того чтобы поверхность изделия была более гладкой, а цвет ярким, солонки, как и другую посуду, смазывали деревянным маслом (олифой). Примером высокого ремесла и художественного вкуса коми-зырянских мастеров служит солонка, выполненная в конце XIX века мастером М. Е. Игнатовым из села Помоздино Усть-Куломского района (НМРК, кп 5280). Солонка, выдолбленная из березового капа, имеет изящную форму водоплавающей птицы, видимо лебедя, так как шея птицы изогнута и вытянута, голова маленькая с острым клювом. В данной работе проявляется умение мастера ценить природный материал, чувствовать его красоту и стремление сохранить его естественную форму и текстуру.

Богатая коллекция цилиндрических солонок хранится в Национальном музее (НМРК, кп 213, кп 223, кп 224). Все солонки вырезаны из березы, имеют цилиндрическую форму, иногда незначительно сужаются в верхней части. По характеру оформления выделяются солонки двух типов. Горлышки солониц первого типа вырезаны в технике фигурной резьбы и представляют собой декоративные элементы различных форм и размеров: круги, ромбы, розетки. Но чаще всего встречаются солоницы второго типа, украшенные фигурными элемен-

тами в форме стилизованных водоплавающих птиц, причем один элемент всегда был больше и выразительнее остальных (НМРК, кп 213).

Внешние поверхности солонок богато украшались трехгранно-выемчатой резьбой, которая выполнялась в виде двух-трех и четырехгранных выемок, образовавших на поверхности изделия узор из геометрических фигур. Треугольники являлись основным элементом трехгранно-выемчатой резьбы, различные их сочетания и способы вырезания создавали достаточно сложные композиции. Так, треугольники, вырезанные в одной плоскости с углублением в вершине, составляли орнаментальную полосу, которой часто коми мастера украшали верхнюю часть резных солонок. Треугольники, вырезанные по трем граням, создавали более сложный узор и могли располагаться полосками или покрывать всю поверхность изделия. Декоративные элементы (треугольники) в узоре солонок имели небольшие размеры и, расположенные различным образом относительно друг друга, создавали бесконечное многообразие композиций, поражающих нас своей ритмичностью и выразительностью. Использование мелких элементов в резьбе солонок было обусловлено небольшими размерами изделий, а сосредоточение узора в верхней или средней части солонок вызвано целесообразностью, удобством.

Резьбой украшались прялки, вырезанные часто из цельного елового ствола с горизонтальным корневым ответвлением. У таких прялок ножке и лопасти соответствовал ствол дерева, а донце вырезалось из его корня. Существовали у коми-зырян составные прялки — лопасти и донца, которые выполнялись из двух кусков дерева. По форме коми прялки можно разделить на несколько групп: широколопастные (лопатообразные) прялки с массивной прямоугольной лопастью и длинной ножкой, характерные для северных районов края; изящные веслообразные прялки с лопастью, расширенной в центральной части и симметрично зауженной книзу и вершине, также на длинной ножке, характерные для населения, живущего на верхней Вычегде. Прялки на короткой ножке с вытянутой в длину лопастью встречаются редко, в основном в селениях на Печоре.

Широколопастные прялки изготавливали не только из ели, но и из березы, сосны. Самым распространенным способом оформления прялок была резьба, контурная и трехгранно-выемчатая [5, с. 250]. В

контурной резьбе узор передается углубленными линиями — канавками, которые коми мастера вырезали не большими и не глубокими, поэтому композиции, выполненные в этой технике, напоминают четкий, несколько суховатый графический рисунок. Основной узор наносился очень тонким резцом на гладкое дерево, и затем плоскость каждого контурного рисунка очень густо заполнялась тонкими резными линиями в разных направлениях. Такая резьба часто заполняла всю поверхность изделия, и свободное варьирование простыми элементами позволяло мастерам создавать сложные композиции, напоминавшие изящные гравюры. Подобную резьбу можно увидеть на прялке из Национального музея Республики Коми (НМРК, н/в 2506/3) из Сыктывдинского района, созданной в начале XX века. Прямоугольная по форме лопасть прялки и фигурная ножка сплошь изрезаны тонкими горизонтальными, вертикальными, диагональными линиями, которые создают узор из квадратов, треугольников, сетки. Изящная и тонкая резьба как бы повторяет рисунок текстуры дерева и воспринимается как естественная фактура поверхности.

Резной узор мог находиться в центре лопасти прялки и занимать небольшую часть поверхности. Узор «сетка» часто встречается в резных композициях на прялках. Такой узор создается благодаря пересечению диагональных линий, которые резались, видимо, во избежание трещин и сколов древесины. Вырезанные на прялках данные узоры напоминают рыболовную сеть, состоящую из диагонально расположенных ячеек.

Ансамбль предметов, выполненных из древесины, дополняют изделия из бересты. Береста как прочный и достаточно эластичный материал с естественным желтовато-коричневым цветом получила широкое распространение у коми-зырян. Из бересты делали праздничную посуду, туеса, каркасы для женских головных уборов, маски для святочных игр-импровизаций, музыкальные инструменты. Формы берестяных изделий и способы ее обработки разнообразны. По способу обработки можно выделить изделия, выполненные из цельного куска бересты (чуманы, туеса, короба, шкатулки, святочные маски, женские головные уборы, духовые музыкальные инструменты), и плетеные изделия (сумки, сосуды, солонки, обувь, детские колыбели). Края цилиндрических изделий из цельного куска бересты (туесов) сшивали

сосновым, еловым, тонким черемуховым прутом тамбурным, обметочным, веревочным швами или соединяли в «замок», а донышки и крышки вырезали из древесины березы или кедра, подгоняя по размеру, вставляли в цилиндрическую форму. При изготовлении берестяных изделий белый наружный слой бересты выворачивался внутрь, чтобы гладкая, не требующая дополнительной обработки поверхность стала лицевой стороной изделия. Коми предпочитали изготавливать изделия сразу из свежей бересты, причем способы ее обработки у коми-зырян были такими же, как у русских и вепсов [4, с. 98]. Украшались изделия резьбой, тиснением, накладными вертикальными или горизонтальными резными берестяными полосками, росписью. Тисненый орнамент выбивался деревянными или костяными штампами, по которым ударяли молоточком. Штамп представлял собой столбик, на торцовой поверхности которого вырезалось рельефное изображение креста, лепестка, «сердечко». На туесе, хранящемся в Национальном музее, мы видим тисненый узор, состоящий из косых крестов, создающих диагональный сетчатый орнамент (НМРК, кп 6024/4). Диагональные линии в орнаменте на туесе способствуют созданию сложной композиции из простых элементов и предотвращают бересту от возникновения трещин. Края берестяного туеса соединены в «замок» и образуют узор, существенным образом дополнявший декоративную композицию. Как декоративное оформление воспринимаются верхние края берестяных изделий, прошитые обметочным швом.

Под резные орнаменты, состоящие из простых элементов, крестов, ромбов, розеток, подкладывали ткани, преимущественно красного, синего и зеленого цветов. Данная техника оформления берестяных изделий у коми-зырян возникла под русским влиянием, так же, как и свободная роспись по бересте масляными красками [4, с. 102]. На верхней Печоре туеса раскрашивались голубой или красной краской, а затем на поверхность наносился цветочный орнамент. На берестяных изделиях, в основном на туесах, встречаются изображения родовых знаков владельцев — *пасов* [4, с. 104]. Пас ставили на любой предмет и объект семейной собственности, например на деревьях в охотничьих угодьях. Однако наиболее часто родовые знаки встречаются на донышках деревянных и берестяных изделий. При этом наносился пас на деревянное или берестяное изделие острым предметом в

диагональном направлении, что делалось во избежание сколов и трещин и было обусловлено свойствами материалов. Пасы, являвшиеся, по существу, подписью, отличительным знаком, были очень разнообразными. Некоторые исследователи предполагали, что из знаков родовой принадлежности сформировался геометрический диагональный орнамент коми-зырян [5, с. 238]. В задачу данной статьи не входит опровержение или подтверждение данной гипотезы. Отметим только, что пасы, как правило, ставились на произведениях декоративно-прикладного искусства в укромных местах, например на дне посуды.

Береста, как достаточно твердый материал, хорошо держала форму. Поэтому бересту применяли при изготовлении каркасов для женских головных уборов. У коми существовали берестяные головные уборы, которые назывались *«юртыр»*, по форме напоминающие берестяной туес без дна. Такой головной убор всегда покрывали платком с узорами, повязывая его концами назад.

Особую группу берестяных изделий составляют музыкальные духовые инструменты рожки (*сюмод буксан*), дудки (*сюмод полян*). Рожки имели конусовидную изогнутую форму. В узкий конец рожка вставлялся одинарный или двойной бьющийся язычок, по форме напоминавший клюв утки. Форма рожка создавалась путем спиралеобразного навивания берестяной полосы шириной в 3–5 см (один виток накладывался на другой). Края полосы обрезались в виде треугольников-фестончиков, вследствие чего образовывался многоярусный геометрический узор. Подобные узоры украшают берестяные туеса и табакерки: узкие полосы бересты с фестончатыми краями накладывались несколькими слоями, образуя чехол, скрывающий остов самой вещи. Одинаковый способ столь разных по назначению предметов был основан на свойствах бересты, таких как пластичность и легкость в обработке режущими инструментами. Делали рожки и из цельного куска бересты прямоугольной формы, сворачивая его как кулек, но такие рожки никакого декоративного оформления не имели.

Плетеные изделия из бересты разнообразны по формам и назначению. К праздничным изделиям можно отнести плетеную посуду небольшого размера (*куды*) и коробки, которые плели из узких полос шириной 1,5–3 см прямым или диагональным способом. В плетеной посуде в праздники подавали ягоды. Куды имели форму углубленной

миски, а коробки, имея схожую форму, были более высокими. Плетеная посуда иногда украшалась тисненым узором в виде простых элементов: крестов, звездочек. Однако само переплетение берестяных полос, образующих диагональную сетку, читается как узор и не требует дополнительного декора, поэтому тиснение или другие способы украшения на плетенных берестяных изделиях встречаются крайне редко.

Из поколения в поколение оттачивались навыки обработки древесины, передавались знания о древесных породах. Однако форма, приемы изготовления и оформление никогда не копировались, а бесконечно варьировались, неся в себе единый народный идеал, сформированный на основе целесообразности и красоты, воспроизводивший образ мира. Скульптурная обработка деревянных изделий, в виде водоплавающей птицы, имевшая широкое распространение у коми, по мнению исследователей, представляется явлением местным, не заимствованным [3, с. 32]. Резные элементы на архитектурном декоре, на посуде, прялках повторяются и отличаются архаичностью. Где бы ни находился резной узор, доминантная тема узоров сводилась к изображению геометрических элементов. Уголки, косые кресты, круги, розетки, прямые и косые параллельные линии, сетки из которых создавались сложные орнаментальные композиции, тождественны орнаментике средневековой керамики и металлических изделий.

К древнейшим материалам, шедшим на изготовление предметов декоративно-прикладного искусства, относятся кости животных, имеющие твердую, пластичную, однородную структуру и слегка желтоватый или сероватый цвет. Коми хорошо освоили способы обработки лосиных, оленьих и бычьих рогов, из которых вырезали объемные предметы и накладки для поясов оленеводов; берцовых костей животных, шедших на изготовление вилок. Использовали коми и трубчатые кости животных. Из них резали иглы для плетения сетей и вязания. Резьба по кости получила наибольшее распространение у ижемцев, которые для создания костяных изделий использовали рог оленя — относительно мягкий материал, легко поддающийся обработке ножом (*чукри*) с острым концом для просверливания отверстий. Рог оленя имеет неоднородную структуру, поэтому в оформлении изделий из рога оленя чаще применяли профильную или контурную

резьбу. Если же изделие украшали прорезной резьбой, то делали крупные прорезы в виде кругов, прямоугольников и треугольников. Широкий кожаный пояс оленевода имел не только утилитарное значение (на нем размещали необходимые в быту и в оленеводческой деятельности предметы), но и являлся важным декоративным элементом мужского костюма, так как украшался резными накладками из кости и пряжками из металла. Костяные накладки имели круглую, овальную, ромбовидную форму и украшались контурно-прорезной резьбой. Мягкость оленьего рога позволяла применять такой способ украшения, как гравировка, в технике которой наносился циркульный орнамент. Гравировка, как правило, сочеталась с прорезной ажурной резьбой. Это активно применялось у коми и при художественной обработке дерева, например в оформлении прялок, архитектурного декора.

Таким образом, анализ изделий декоративно-прикладного искусства, выполненных из твердых материалов (дерева и кости), показывает, что коми-зыряне при выборе способа художественного оформления изделий всегда учитывали свойства материалов. В изделиях из березового капа и сувеля декоративный эффект достигался обыгрыванием гладкой полированной поверхности предмета, выразительной формой, игрой текстуры. Если же материал не имел художественных текстурных свойств (дерево, кость оленя), его поверхность покрывали традиционным геометрическим орнаментом, применяя трехгранно-выемчатую резьбу и резьбу контурную.

Геометрические орнаменты встречаются практически на всех предметах, выполненных из дерева, бересты, кости, что позволяет геометрические орнаменты коми считать характерными для декора народных изделий. Расположение орнамента на различных произведениях народного искусства зависело от формы предмета и его назначения. В посуде из дерева орнамент часто располагался в верхней части изделий, например по краю ковшей, чаш. Ровные же относительно большие поверхности лопастей прялок, требовали равномерного размещения орнамента по всей лопасти, а плетение на изделиях из бересты воспринималось как узор и изделию не требовалось дополнительного оформления.

1. Белицер В. Н. Очерки по этнографии народов коми XIX — начало XX в. М. : Издательство Академии наук СССР, 1958.
2. Борисов И. Б. Обработка дерева. М. : Феникс, 2003.
3. Грибова Л. С. Декоративно-прикладное искусство народов коми. М. : Наука, 1980.
4. Романова Г. Н. Берестяные изделия коми // Этнография и фольклор коми. ТИЯЛИ КФАН СССР. 1976. № 17. С. 96–107.
5. Традиционная культура народа коми : этнографические очерки. Сыктывкар : Коми книжн. изд-во, 1994.

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Е. В. Береговая

Мировая юстиция России в конституционно-правовых нормах

УДК 347

Мировая юстиция является относительно новым для современного российского государства институтом судебной власти, обладающим спецификой организации и судопроизводства. Конституционными нормами закреплён статус мировых судей как судов общей юрисдикции субъектов России, однако реализация этих норм рождает многочисленные споры о роли и месте данного института в судебной системе.

Ключевые слова: мировая юстиция, государственно-политический институт, судебная система, статус мирового судьи.

Beregovaya E. V. Magistrates' courts in the Russian constitutional and legal norms

Justice of the peace is relatively new to the modern Russian state institution of the judiciary, a specific character of the organization and proceedings. Constitutional norms enshrined status of magistrates courts of general jurisdiction as subjects of Russia, but the implementation of these rules generates much debate about the role of this institution in the judicial system.

Key words: justice courts, state-political institution, the judicial system, the status of the magistrate judge.

Вот уже 15 лет действует принятый 17 декабря 1998 года Федеральный закон «О мировых судьях в Российской Федерации». За этот период институт мировой юстиции доказал свою востребован-

ность, приняв основную нагрузку по обеспечению судебной защиты прав и охраняемых законом интересов граждан. Согласно статистическим данным, $\frac{3}{4}$ всех дел судов общей юрисдикции рассматриваются мировыми судьями (в 2010 году 79 % от общего количества дел, рассмотренных судами общей юрисдикции, в 2011 — 77 %, в 2012 — 75 %) [11].

Обращение к институту мировой юстиции в период судебной реформы произошло не случайно. В Российской империи в период реформ, связанных с отменой крепостничества, вводились мировые судьи. Позитивный опыт функционирования мировых судей повышал в срезе исторической преемственности доверие граждан как к новому институту, так и к обновлённой судебной системе в целом. Этот институт способен решить поставленные перед судебной реформой задачи (прежде всего укрепление авторитета судебной власти и доступность правосудия).

Впервые институт мировых судей в современной России официально упоминается в Концепции судебной реформы, одобренной Верховным Советом РСФСР 24 октября 1991 года и предусматривавшей выборность мировых судей [7]. На конституционном уровне институт мировой юстиции в России был закреплён в конце 1992 года законом, вносившим изменения в действующую тогда Конституцию Российской Федерации. При этом предусматривалось, что «мировые судьи избираются населением округа, на который распространяется их юрисдикция, сроком на пять лет» [6]. На практике эти положения реализованы не были.

Конституция России 1993 года гарантировала права граждан в области правосудия. Нормы, обеспечивающие права человека, провозглашались непосредственно действующими, обязывающими законодательную власть, исполнительную власть и обеспечиваемыми правосудием. Конституция гарантировала, что в любой области любые споры гражданина с государством должны и могут решаться судом. В качестве дополнительной гарантии Конституция провозгласила, что в случае недостаточности для защиты прав граждан внутренней юстиции каждый гражданин вправе обратиться к юстиции наднациональной. Впервые в Конституции 1993 года

появилась глава под названием «Судебная власть», однако институт мировых судей в ней не закреплялся.

Провозглашенные в Концепции судебной реформы идеи возрождения института мировых судей законодательное закрепление получили в Федеральном конституционном законе от 31 декабря 1996 г. «О судебной системе Российской Федерации». 17 декабря 1998 г. был принят специальный Федеральный закон «О мировых судьях в Российской Федерации», а через год — Федеральный закон «Об общем числе мировых судей и количестве судебных участков в субъектах Российской Федерации», заложившие правовую основу для первых реальных шагов по формированию мировой юстиции в субъектах Российской Федерации. Соответствующие законы о мировых судьях стали приниматься в субъектах Российской Федерации. Так, Республика Коми одной из первых среди субъектов России приняла в 2000 году закон о мировых судьях. Значительное позднее, только в 2011 году принят Федеральный конституционный закон «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации».

Потребовалось более 10 лет, чтобы воплотить оформленную в Концепции судебной реформы идею возрождения мировой юстиции. Но и в настоящее время, по прошествии более 10 лет функционирования данного института, остро стоит вопрос о месте мировой юстиции в российской судебной системе.

Институт мировой юстиции не затронут Конституцией Российской Федерации. Его правовое регулирование осуществляется органами власти на федеральном и региональном уровнях. Несмотря на то, что мировые судьи отнесены к судам субъектов Российской Федерации, полномочия, порядок деятельности и создания должностей мировых судей устанавливаются на федеральном уровне, а порядок назначения (избрания) мировых судей — на региональном [9]. Общее число мировых судей и количество судебных участков субъектов Российской Федерации определяются федеральным законом, а создаются и упраздняются судебные участки, должности мировых судей законами субъектов Российской Федерации.

Смешанное правовое регулирование института мировой юстиции характеризуется несогласованностью по отдельным положениям (например, в части законодательного отнесения должности мирового су-

ды к государственной должности Российской Федерации или к государственной должности субъекта Федерации), а также разрозненностью и значительной дифференциацией регионального законодательства о мировых судьях в различных субъектах Российской Федерации (например, в части численности и штата аппарата мирового судьи). В результате возникает проблема двойственности положения мировых судей в структуре судебной власти.

Исследователи указанной проблемы полагают, что признаки мировых судей, позволяющие охарактеризовать их в качестве судов субъектов, недостаточны и статус мировых судей отличается от статуса федерального судьи незначительно (в основном в части порядка назначения (избрания) на должность) [1, с. 6]. Встречаются также утверждения о том, что статус мировых судей вообще не соответствует статусу суда субъекта Российской Федерации [10, с. 113].

Решение обозначенной проблемы большинство её исследователей видят в дальнейшей централизации судебной власти, поскольку основополагающим элементом конституционных основ судебной системы является её единство [13, с. 7–8]. Признается, что мировая юстиция суть нижнее звено судебной системы, сложившееся как результат объективного исторического процесса трансформации общественных судов в государственные [3, с. 32]. В связи с этим высказывается сомнение по поводу наименования данного института, звучат предложения о переименовании мировых судей в участковые суды или местные суды [8, с. 60].

Характерно, что по результатам проведенного нами социологического исследования в Республике Коми и в Пермском крае подавляющее большинство опрошенных характеризуют мировую юстицию по факту как основное, нижнее звено судебной системы общей юрисдикции (78 %, при этом 81 % в Республике Коми и 71 % в Пермском крае) [2, с. 990]. Только 18 % опрошенных мировых судей и работников их аппаратов (16 % в Республике Коми и 24 % в Пермском крае) полагают, что мировая юстиция должна быть самостоятельной ветвью судебной власти субъекта Российской Федерации со своей системой пересмотров решений мировых судей [2, с. 990].

Противники усиления центральной власти видят в таком пути развития очередной барьер для совершенствования федеральных от-

ношений, считая, что имеющиеся у мировых судей проблемы решаемы и без изменения сложившейся модели судебной системы и государственного федерализма [12, с. 27]. Звучат предложения о создании автономных судебных систем субъектов Российской Федерации, построенных на основе вертикального типа организации судебных систем [10, с. 113].

Предполагается, что именно финансовый аспект деятельности мировых судей стал настолько проблемным, что дал повод для постановки столь серьезного вопроса о сужении судебного федерализма и перераспределении полномочий от регионов к центру [12, с. 27]. Обязательством Российской Федерации в отношении мировых судей является обеспечение их заработной платы и иных социальных выплат. К компетенции субъектов Российской Федерации отнесено материально-техническое обеспечение деятельности мировых судей. Отметим, что вопрос финансирования судов настолько социально значим, что он получил оформление на самом высоком юридическом уровне — в ст. 124 Конституции Российской Федерации. Однако без должного правового регулирования остались данные отношения на уровне регионов. Их конституции и уставы аналогичных с Конституцией РФ юридических норм не содержат.

В дополнение к озвученной проблеме существует противоречие между тем, что правосудие осуществляет мировой судья — лицо физическое, хотя в соответствии с Конституцией России правосудие осуществляется судом, под которым понимается судебный орган. По этой причине, а также по ряду других, связанных с замещением отсутствующих мировых судей, распределением нагрузки на мировых судей, координацией работы мировых судей в тех населенных пунктах, где образовано несколько судебных участков, звучат предложения о реорганизации судебных участков на мировые суды по аналогии с организацией федеральных судов [8, с. 60].

Не менее бурно обсуждается необходимость и возможность введения обязательного принципа выборности мировых судей, как это практиковалось в дореволюционной России и как предлагалось в Концепции судебной реформы. В настоящее время Федеральным законом «О мировых судьях в Российской Федерации» предусматривается возможность избирать мировых судей населением, однако это

альтернативный порядок замещения должности мирового судьи. На практике во всех регионах субъектов Российской Федерации мировые судьи избираются законодательными органами. При этом высказываются мнения, что такой порядок подрывает принцип независимости судей, поэтому необходимо избрание мирового судьи населением [8, с. 61].

Несомненно, избрание мировых судей населением судебного участка наиболее демократичная процедура, которая может обеспечить авторитет и независимость мирового судьи от органов власти субъектов Федерации. Однако она требует значительных финансовых, организационных и временных затрат. Если на заре формирования современного института российской мировой юстиции во главу угла ставился финансовый вопрос, то теперь с точки зрения внедрения выборности он становится второстепенным. Основную проблему представляют организационные условия обеспечения выборности мировых судей. Учитывая высокую нагрузку и частую сменяемость мировых судей, в реальности выборность из преимущества может обернуться серьезной проблемой, блокирующей нормальную деятельность мировых судей.

Так, в Республике Коми, лидировавшей в 2011 году по нагрузке на мировых судей, в том же 2011 году было 12 вновь назначенных мировых судей (20 % от общего числа мировых судей в Республике Коми), в 2012 году — уже 19 (32 %). И это без учета действовавших мировых судей, назначенных повторно. Если каждый раз при новом назначении и переназначении проводить выборы мировых судей, и без того высокая нагрузка по рассмотрению судебных дел значительно возрастет, а в условиях имеющихся трудностей, связанных с замещением отсутствующих мировых судей, проблемы несвоевременности рассмотрения судебных дел усугубятся.

Все это в итоге будет подрывать авторитет мировой юстиции. Опять же открытым остается вопрос активности участия населения в выборах мирового судьи. При низкой его активности назначение мирового судьи может неоднократно откладываться. Таким образом, выборность мировых судей станет камнем преткновения в обеспечении скорого и независимого суда.

Можно заключить, что неиспользование легитимированного способа замещения должности мирового судьи путем выборов обусловлено не нежеланием власти субъекта Российской Федерации использовать «наиболее демократичный способ» формирования судейского состава, а отсутствием условий в действующем механизме функционирования мировой юстиции для внедрения этого способа.

История и современность подтверждают, что мировая юстиция — это, с одной стороны, индикатор демократизма, с другой — для её развития необходимо, чтобы созрело демократически ориентированное политическое сознание общества и прежде всего властных кругов. Ведь и проблемы современной российской мировой юстиции (двойственность статуса, недостаточное финансирование, выборность, качество судейской работы) — это результат отсутствия демократически активной позиции власти и как результат — отсутствие политической воли центра и регионов развивать институт мировой юстиции.

1. Авдеев Д. А. Правовой механизм обеспечения прав и свобод человека и гражданина в субъектах Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2004.

2. Береговая Е. В. Мировая юстиция в российской политической системе (по материалам социологического исследования) // Политика и Общество. 2013. № 8. С. 988–993.

3. Борисова Е. А. Некоторые проблемы теории и практики мировой юстиции // Рос. юстиция. 2009. № 2. С. 31–38.

4. Бредихин А. Л. Федеративная система Российской Федерации, 2012 // СПС «КонсультантПлюс».

5. Гарифуллина А. Р. Некоторые аспекты организационного обеспечения деятельности мировых судей // Рос. судья. 2012. № 6. С. 5–10.

6. Закон Рос. Федерации «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного закона) Российской Федерации — России» от 09.12.1992 г. № 4061-1 // Ведомости Совета Народ. Депутатов и Верховн. Совета Рос. Федерации. 1993. № 2. Ст. 55.

7. Концепция судебной реформы (одобрена Верхов. Советом РСФСР 24.10.1991 г.) // Ведомости Верхов. Совета РСФСР. 1991, № 44. Ст. 1435.

8. Местникова С. А. Закон о мировых судьях — на практике // Рос. юстиция. 2009. № 8. С. 60–62.

9. О мировых судьях в Российской Федерации : федер. закон Рос. Федерации от 17.12.1998 г. № 188-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. № 51. Ст. 6270.

10. Попондопуло В. Ф. Система третьей власти: от горизонтальной власти к вертикальной // Закон. 2004. № 10. С. 113–118.

11. Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации : [офиц. сайт]. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=1627> (дата обращения: 23.05.2013).

12. Терехин В.А. К вопросу о возможности передачи мировой юстиции на федеральный уровень // Российская юстиция. 2009. № 2. С. 27–31.

13. Тихомиров Ю. А. Конституционные основы судебной системы // Судебная власть в России: роль судебной практики. М. : ГУ-ВШЭ, 2002. С. 7–16.

Авторы выпуска

Безгодов Дмитрий Николаевич, кандидат философских наук, доцент, начальник управления по учебно-воспитательной работе и социальным вопросам, проректор Ухтинского государственного технического университета (Ухта).

Береговая Екатерина Владимировна, начальник организационно-правового отдела Управления Республики Коми по организационному обеспечению деятельности мировых судей (Сыктывкар).

Бурлыкина Майя Ивановна, доктор культурологии, профессор, директор Музея истории просвещения Коми края Сыктывкарского государственного университета (Сыктывкар).

Гагиева Анна Капитоновна, доктор исторических наук, профессор кафедры документоведения, архивоведения и прикладной лингвистики Коми республиканской академии государственной службы и управления (Сыктывкар).

Коробко Ксения Игоревна, кандидат юридических наук, зав. кафедрой гражданского права Сыктывкарского государственного университета (Сыктывкар).

Кузюрина Евгения Михайловна, аспирант кафедры культурологии и педагогической антропологии Сыктывкарского государственного университета (Сыктывкар).

Ломоносова Марина Васильевна, кандидат социологических наук, доцент кафедры теории и истории социологии Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург).

Лысов Антон Анатольевич, филолог, выпускник аспирантуры Сыктывкарского государственного университета (Сыктывкар).

Макарова Инна Витальевна, кандидат искусствоведения, доцент кафедры культурологии и педагогической антропологии Сыктывкарского государственного университета (Сыктывкар).

Мигунова Светлана Степановна, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры филологического образования Сыктывкарского государственного университета (Сыктывкар).

Миронова Наталья Петровна, кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела «Научный архив и энциклопедия» Коми научного центра Уральского отделения РАН (Сыктывкар).

Сулимов Владимир Александрович, доктор культурологии, профессор кафедры культурологии и педагогической антропологии Сыктывкарского государственного университета (Сыктывкар).

Тираспольский Геннадий Исаакович, доктор филологических наук, профессор Сыктывкарского государственного университета (Сыктывкар).

Труфанов Сергей Николаевич, кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой философии и политологии Самарского государственного института культуры (Самара).

Фадеева Ирина Евгеньевна, доктор культурологии, профессор, зав. кафедрой культурологии и педагогической антропологии Сыктывкарского государственного университета (Сыктывкар).

СВЕДЕНИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Правила оформления статей

1. Редакция принимает статьи объемом от 0,5 до 1 п. л. (40 000 знаков); сообщения — до 0,5 п. л. (20 000 знаков).
2. Параметры страницы: поля — 2 см; формат А4.
3. Абзацный отступ — 1 см (*в автоматическом режиме*).
4. Кегль — 14.
5. Междустрочный интервал — 1.
6. ФИО автора **строчными** буквами (например, И. И. Иванов) над названием статьи.
7. Название статьи **строчными** буквами.
8. Аннотация к статье на русском и английском языках (до 500 знаков).
9. Название и фамилия автора на английском и русском языках.
10. Ключевые слова на русском и английском языках (до 10 слов).
11. Указание УДК.
12. При цитировании необходимо использовать только **русский вариант кавычек («»)**.
13. Литература, использованная при написании статьи, должна быть оформлена следующим образом: в алфавитном порядке; каждый новый источник — с новой строки; с указанием издательства и (для статей) общего количества страниц; ссылка на источник в тексте дается в квадратных скобках [5, с. 17]
14. Примечания оформляются в виде постраничных автоматических сносок (кегль 10; нумерация начинается на каждой странице).
15. Сведения об авторе представляются **отдельным файлом** и включают в себя:
 - ФИО;
 - указание ученой степени и ученого звания;
 - информация о месте учебы аспиранта или соискателя (город, вуз) и данные о научном руководителе;
 - рекомендация научного руководителя (для аспирантов);
 - должность, место работы;
 - контактный телефон, E-mail;
 - адрес организации;
 - домашний адрес с указанием почтового индекса.

Статьи и материалы можно присылать по адресу: iefadeeva@mail.ru (Ирине Евгеньевне Фадеевой); dist@syktsu.ru (Романчук Надежде Ивановне, с пометой «Человек, культура, образование» (журнал)).

Телефон: (8212) 255 145; +7 9129686825

Факс: (8212) 43 68 20

На журнал открыта подписка.

Все статьи и материалы подлежат обязательному рецензированию. Публикация бесплатная. Редколлегия оставляет за собой право отбора материалов.

Периодическое издание

ЧЕЛОВЕК. КУЛЬТУРА. ОБРАЗОВАНИЕ

*Научно-образовательный
и методический журнал*

№ 4 (14) / 2014

Редактор *Е. М. Насирова.*
Компьютерный макет *Л. Н. Руденко.*
Корректор *С. Б. Свигзова.*

Подписано в печать 12.01.2015 . Формат 60x84 ¹/16. Тираж 300 экз.

Печать ризографическая. Гарнитура Times New Roman.

Усл. печ. л.12,9. Уч.-изд. л. 10,9. Заказ № 7.

ИПО СыктГУ
167023. Сыктывкар, Морозова, 25